

КРИСТАЛЬНАЯ
Клетка

Лиза Захарова

Кристалльная клетка

<https://litres.ru/74166754>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мива знала цену тёмному колдовству - её руки давно запачканы кровью. Но даже так она не ожидала, что древний обряд обернётся катастрофой: вместо силы в её сознании поселилось что-то. Чужой голос, утверждающий, что помнит события далёких времён. А ещё он украл её память, силу и возраст.

Теперь Мива - снова 18-летняя студентка, которая не помнит даже заклинаний для экзамена. Но это мелочь по сравнению с тем, что ей угрожают влиятельные студенты, норовящие втянуть её в грязные интриги, а кристаллы, источник силы, таят угрозу, способную уничтожить мир.

Сможет ли Мива довериться своему незваному гостю, который знает о ней всё - даже то, что она старалась забыть.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	66
Глава 6	83
Глава 7	99
Глава 8	112
Глава 9	129
Глава 10	144
Глава 11	155
Глава 12	173
Глава 13	188
Глава 14	200
Глава 15	216
Глава 16	226
Глава 17	240
Глава 18	254
Глава 19	268
Конец ознакомительного фрагмента.	278

Лиза Захарова

Кристалльная клетка

Глава 1

От каждого шага деревянные половицы прогибались. Скрип впивался в уши, к подошвам высоких ботинок, затянутых на узкую шнуровку, липла кровь. Нехорошо. Слуге придётся повозиться, чтобы отмыть пол, вычистить каждую узкую щель, каждую дырку. Конечно, она могла бы помочь ему и убрать всё колдовством, но Все начинают с малого. И она начинала.

Женщина прикоснулась к пышным волосам, затянутым на затылке в тугую причёску. Из-за спины послышался тихий плач, переходящий в скулёрж. Откинув седую сухую прядь с лица, колдунья вновь зашагала по комнате. Девушке пора замолчать.

— Дорогая, если ты не замолчишь, я склею тебе рот.

Женщина дошла до резного широкого стола. Провела тонкими узловатыми пальцами по вырезанному волку на боковине и улыбнулась. Хороший стол, из дорогого, но уж больно горячего вида дерева – такие в её родной стране не росли. Ей пришлось повоевать за него. Обидно, что тогда в огне сгорело и кресло. Весёлый был вечерок, даже жаль, что она

скоро об этом забудет.

От нового, отчаянного воя, женщина крутанулась на каблуках, и огонь, пожирающий фитили свечей, освещающих подвал, затрепетал. Примитивный способ получать свет, но сейчас не должно быть никакого лишнего кристального воздействия – оно только помешает ритуалу.

Она шла к лежащей, плотно привязанной к полу девушке. Золотые волосы той небрежно разметались, спутавшись колтунами в крови. Бледные, почти бескровные руки подрагивали.

— Учитель, пожалуйста

Женщина замерла и диковато глянула на посиневшие, еле шевелящиеся губы. Ей хотелось скользнуть взглядом дальше – увидеть зелёные яркие глаза, обычно искрящиеся добротой и весельем. Глаза, так напоминавшие о несостоявшейся дружбе Неловкий шаг, и она оступилась, каблуком попав в расщелину между досками. Нога чуть не подвернулась, и носком она шкрябнула по полу. Женщина посмотрела на вычищенную обувь, и по рукам пробежал холодок. Тени, отбрасываемые тусклым светом, подрагивали на тёмной блестящей коже ботинок, будто пытаясь скрыть три маленьких пятнышка. Рука потянулась к карману юбки, и пальцы судорожно стали перебирать шерстяной подол. Ей срочно нужно было достать носовой платок.

Девушка на полу зашептала, нарушив благоговейный треск свечей, начала качать головой. До слуха донеслись сло-

ва защитного призыва, которому колдунья научила ту лично. Женщина довольно хмыкнула. Призыв-то был её собственного сочинения, и он против своего создателя бесполезен. Тем более проводник она отобрала. Если только бедняжка не возомнила себя мастерицей, способной к прямому колдовству. Женщина фыркнула. Даже она пока не сумела овладеть подобными навыками.

Наконец нащупав карман, она быстро выудила шёлковый платок.

— Алистер — прохрипела девушка. — Ты же мне как мама — продолжала стонать та.

Рука дрогнула, и платок упорхнул из пальцев, закружился и накрыл вытекающую из раны кровь. Женщина заторможенно смотрела и не препятствовала. Она в момент позабыла, что нужно воспользоваться проводником и заставить платок вернуться в руку. Вместо этого в голове почему-то крутился рецепт апельсинового пудинга, и что, когда всё закончится, она обязательно его приготовит. Колдунья удовлетворённо промычала, представляя, как скоротает сегодняшний вечер, поедая пудинг и попивая горькое пиво. Главное, оставить себе напоминание, иначе после ритуала забудет и об этом.

На валяющийся под ногами платок она решила не обращать внимания. Пройдя по пропитавшейся кровью белой ткани, женщина перешагнула через раскинутую в сторону бледную тонкую руку. Пальцы девушки до сих пор подраги-

вали. Бровь взметнулась вверх, недовольно изогнувшись.

— Ну ты и живучая, дорогуша, — провела она рукой по волосам, снова прощупав затылок.

Она собиралась идти дальше, но почувствовала, как что-то ухватило за каблук и потянуло. Это были ослабевшие пальцы. Женщина выдернула из захвата ногу и замерла. Ей хотелось наступить на раскрытую ладонь и прокрутить набойкой каблука. В ушах уже стоял чей-то истошный визг и хруст костей, перед глазами — трясущиеся пальцы и тонкий красный ручеек, окрашивающий персиковый ковёр. Крик, разрывающий помпезно обставленную комнату, казался ей очень знакомым. Ведь это её собственный крик. Она дотронулась до ладони в перчатке и пнула тянущуюся к ней руку. Какие ненужные воспоминания полезли в голову.

— За что — прохрипела девушка.

— Хорошо, ты сама виновата. Свидетельница мне Талли-
дория, я тебя предупреждала.

Одним шагом женщина оказалась возле головы девушки. Приподняв подол юбки и опустившись на корточки, она поспешно поддела тонкую цепочку, спрятанную под рубашкой. Её проводник. Металл обжёг, сопротивляясь, и женщина цокнула. Пора бы уже привыкнуть и хвататься за проводник только рукой в перчатке. Большим пальцем она осторожно, едва касаясь, провела по серому матовому плетению. Даже сквозь грубую ткань она ощущала пульсацию, будто у металла было сердце. Женщина вздохнула. Можно сказать —

так и есть. Насильно запечатанный с помощью её крови дух бился в артефакте. Почему-то они никогда её не любили и не хотели подчиняться. Колдунья стиснула цепь в кулаке, в надежде, что хоть так причинит неугомонному духу боль. Был бы сговорчивей, она бы и не измывалась над ним.

Краем глаза женщина заметила, как дрогнули бледные губы, и девушка попыталась покрутить головой.

— Н-нет, — сейчас её голос звучал совсем тихо.

Неужели решила помереть? Давно пора.

— Боюсь, что под конец ты совсем разорёшься, и перепугаешь слуг. Так что, — женщина поглубже вздохнула, — насладись тишиной.

Она резко накрыла рот девушки, плотно стиснув её губы. На тыльной стороне ладони заплясали тени. Под отчаянное мычание, тихие всхлипы женщина концентрировалась на артефакте. Она покачивалась словно в трансе, глаза её закатились, и задёргались веки. Цепь разогрелась до того, что металл покраснел, и тепло стало проникать сквозь перчатку, защищённую знаками северных народов от воздействия запечатанных духов.

Всхлипы стихли, и наступила долгожданная тишина. Больше девушка губами не шевелила. Женщина заметила тонкую дорожку слез на щеке, блестящую в тусклом свете. Тряхнув рукой, она поднялась и осмотрелась: начертанные на полу знаки достаточно залило кровью. Скрипнула под ногой половица – пора начинать.

Никаких подробных записей о правильной последовательности ритуала у неё не было, лишь пара потрёпанных страничек, уцелевших с невероятно дремучих времён и заметки, составленные собственноручно. Намётки да прикидки. Даже название этого мощного ритуала кануло в лету. Может, покопайся она в гримуарах всех когда-либо существовавших народов лет на десять подольше, то смогла бы полностью разобрать и подробно прописать предстоящие манипуляции, но ей хотелось скорей опробовать кровью добытые знания, вымученные годами кропотливых раздумий и не менее опасных экспериментов. Да и как обойтись без щепотки спонтанности?

Женщина осталась возле лежащей девушки. Села подле её ног, где до сих пор был чистый от крови пол, и стала ждать. Когда девица окажется на грани смерти, когда испытает леденящий ужас от неизбежного, и до появления энергетической сущности счёт пойдёт на секунды, ей нужно будет практически умертвить себя. Приносишь жертву, запечатываешь новорожденного духа и подчиняешь его себе – за это получаешь невиданную ранее силу, но теряешь память. Женщина вздохнула. Если бы знала, что девчонка окажется настолько упрямой и будет так отчаянно цепляться за жизнь, выбрала бы в ученики кого-нибудь другого – слабого и больного. Хотя и дух получился бы таким же, никудышным. Девица держалась долго, несмотря на то что кристальной водой колдунья поила ту на протяжении нескольких лет. Рукой без пер-

чатки женщина прощупала запястье своей жертвы – можно было начинать.

Под юбкой прятался кинжал, прикреплённый к голени. Остро наточенный, покрытый витиеватыми узорами. Женщина с лёгкостью вытащила его. Нельзя медлить. Чем дольше она раздумывает и готовится, тем больше сомнений терзают разум. Взмах рукой, тонкий порез на коже запястья. Она отставила подальше от себя руку, чтобы потом не очнуться измазанной в крови, и сосредоточилась на проводнике. Силы покидали её. Хотелось прекратить, прилечь и уснуть. Но женщина боролась. Попытка на успех только одна, и она её не упустит. Постепенно сознание спутывалось. Дрожащие свечи, освещающие подвал то расплывались, оставляя после себя непроглядный мрак, то вспыхивали ослепляющим светом. Женщина проморгалась, рукой в перчатке провела по глазам. Надавив, помассировала закрытые веки. Голова трещала от боли, слова, произнесённые шёпотом, путались. Что-то она делает не так. Но в чём же проблема? Женщина замолчала и открыла глаза.

Потолок над головой. Странно, ведь она не помнила, когда упала. Сев рывком, у неё закружилась голова. Комната покачнулась, и стены покосились в разные стороны. Помотав головой, она внимательно осмотрелась. Вроде ничего не изменилось, но выглядело всё тускло, словно мир утратил привычную насыщенность. Это ей тоже не понравилось. Она скопсилась на свой порез на руке – тот уже затянулся свежей

корочкой. Быстро, слишком быстро даже для её способностей и уровня разрастания кристаллов в теле. Детская радость, внезапно вспыхнувшая в груди, смешалась с нарастающей тревогой. Она медленно поднялась, несколькими резкими движениями поправила юбку и носком ботинка поддела безвольную руку девушки.

— Надеюсь, ты ещё не померла, — рядом раздался собственный голос, озвучив её мысли.

Женщина огляделась — поблизости никого не было. Лёгкое дуновение коснулось щеки, и она развернулась. Голова до сих пор раскалывалась, и комната плыла перед глазами. Мерещится ли ей всё это? Почувствовав рваное дыхание на задней стороне шеи, она отшатнулась и запнулась о лежащую на полу руку. Тихий смешок разрезал тишину комнаты, и у женщины зашевелились волосы на затылке.

— Ну ты и неуклюжая, Алистер, — голос скрежетал. Теперь он не походил на её собственный — хриплый и неторопливый, а напоминал лязг ржавого металла. — Алистер же. Я же прав? — продолжало раздаваться из ниоткуда. — И как ты только стала тем, кем стала? Ты хоть знаешь, для чего этот ритуал на самом деле? Это невероятно потешно, — очередной смешок прозвучал возле самого уха.

— Что ты? Покажись, — потребовала женщина, округлив брови.

Оставалось не так и много времени до конца ритуала, чтобы ещё разбираться с незванными гостями. Опасения по-

встречать какого-нибудь духа-шатуна, пока она пребывает на грани с жизнью и блуждает в иномирье, у неё были, но от ритуала не остановили. С ними бороться как с тараканами – неприятно, утомительно, но возможно. Она плохо разбиралась в концепции иномирья – в молодости её не интересовала эта тема – но смутные представления имела. Это было сродни пыльной кладовки, куда попадали, случайно или нет, разные бестелесные твари, забытые идеи или разрушающие эмоции. Конечно же, самые бесполезные, как она считала. Пока сущность не ответила, женщина махнула рукой и пошла к столу. Она быстро нашарила исписанные листы с изгоняющими знаками, помогающими в концентрации. Отсчитала нужную страницу. В спину ей зашептали:

— Ты издеваешься? Пользоваться этой ерундой? — на секунду ей показалось, что голос усмехается. — Наверное, я ошибся. Я думал существо, что решило попробовать на себе «Время забвения», хоть и исковерканное, не обделено интеллектом.

Женщина глянула из-за плеча, но по-прежнему никого не обнаружила. Светило так же тускло, тело лежащей на полу девушки скрывалось в плотной тени. Взглядом она пробежалась по стенам, потолку – подвал потонул во тьме. Хотя над свечами и трепетали еле заметные оранжевые огоньки, их силы не хватало на освещение всего пространства. Происходящее немного тревожило, но и радовало. Значит, ритуал идёт своим чередом. Только жаль, что сущность прице-

пилаась, но не ей диктовать правила.

Женщина дунула в пустоту перед собой и почувствовала лёгкий ветерок в ответ. Вот же, ещё играть вздумала.

— К сведению для магичек-неумёх, я ничего не чувствую, — женщина отчётливо слышала скрипучий смешок. — Но это не удивительно, всё же ты глуповатая провинциалка-сервянка, что ещё с такой взять.

По спине пробежали мурашки. Лет семьдесят как она не позволяла никому проникать в свой разум и будоражить ненавистные воспоминания детства и молодости, и прошлые обиды – ни одному разумному существу из плоти и крови. А сейчас? Какой-то нелепый душок пытается её спровоцировать. Ну уж нет, ни одна сущность не влезет ей в голову! Женщина стиснула зубы и отвернулась, начав открывать потайной ящик. Сейчас она избавится от наглеца, закончит ритуал и разум очистится.

— Да ладно тебе, как там тебя? — спросил голос и затих, но будто спохватившись, продолжил: — Столько имён за сколько? Всего за какие-то сто тридцать лет, я уже путаюсь в них. Это была шутка, — поскрипывая, сущность тараторила в затылок, от чего голова начинала кружиться сильнее. — Раньше чувство юмора у вас, недотёп, сующих везде несносные кристаллики, было интересней. А сейчас посмотри, в тебе кристаллов с целый увесистый мешочек монет.

— Раньше? — уточнила женщина.

Она поставила на стол деревянную шкатулку, покрытую

голубыми извилистыми узорами. Пусть сущность болтает и дальше, главное, чтобы делу не мешала. Если получится отвлечь разговором, та останется беззащитной перед изгнанием.

— Ну что ты цепляешься к словам? Раньше, сейчас, потом, — задумчиво проговорил голос. — Ты вообще понимаешь, что за ритуал проводишь? Эх, видел бы создатель эту галиматью, он бы превратил тебя в змеемуха.

Змеемух Пальцы замерли над покрытой лаком крышкой. Животное, которое вымерло чуть ли не тысячу лет назад. Женщина стиснула кулак, скомкав ткань юбки. Ей нельзя отвлекаться на провокации.

— Не веришь мне? Ну, как знаешь. Кристаллик в коробочке? — возле руки пронёсся ветерок, поддев рукав. — А тебе не кажется, что воняет разлагающейся плотью?

Женщина вздохнула. В нос ударило дрожжевой закваской, кислым сыром и тухлым мясом. Схватив шкатулку и прижав посильней к животу, она обернулась. Родного, дорогого сердцу подвала больше не было. Возле ног вился густой белёсый туман, обволакивая подол. Он скрывал пол, ботинки. Женщина недоумённо огляделась. Рядом скользнула тень. Облетев за спиной, она появилась с другой стороны из-за плеча. Силуэт блеснул серебряным свечением и нырнул в туман, взбив облако лёгкой дымки. В носу запершило от резкого запаха крови, и женщина помахала рукой в перчатке, попытавшись отогнать навязчивую вонь.

Было тихо и темно, но отчего-то туман она видела отчетливо. Дотронувшись до цепочки, женщина ужаснулась. Та не обжигала. Она хотела прочитать связывающие духов колдовские символы, но совсем рядом взбугрилось облако, и силуэт выскочил из тумана, взрывая пространство новым удушающим запахом. Так могли пахнуть трупы. Глаза заслезились. Женщина сдержала рвущийся кашель. Она ненавидела этот запах. Ей стало противно. Развернувшись, она не обнаружила стола – только простирающийся во все стороны туман. Задрала голову – ни потолка подвала, ни звездного неба – чернота, уходящая далеко вверх. Но откуда появилось навязчивое ощущение, что она взаперти? Что бесконечная непроглядная темень давит на неё, словно узкий гроб.

Краем уха женщина слышала тихое бормотание сущности. Прошли всего какие-то мгновения, а она успела позабыть про неё. Нужно было собраться. Раньше она не сталкивалась с подобным. Не зря сравнила пристающих сущностей с тараканами, они любили выползать, чтобы забраться в беззащитное тело колдуна, когда тот допустил ошибку, но стоило глазам раскрыться, а разуму собраться, они тут же разбегались. Либо их сразу уничтожали. Перед ней мелькнула тень, и женщина решила, что пора бы хоть что-то предпринять. Прибегнуть к помощи кристалла она решила в последнюю очередь.

Женщина сделала первый шаг, с трудом подняв ногу – подошва приклеилась к полу. Второй шаг дался не проще. Рыв-

ком переставляя ноги, она медленно двигалась в неизвестном направлении. Тень маячила рядом и помалкивала. Хоть что-то хорошего.

Где они находятся, женщина понимала. Тело её лежит рядом с полудохлой девицей, одежда, наверняка, выпачкалась в крови. Дрожь тоненькими иголочками сковала руки, и она в отвращении повела плечами. Её сознание блуждает в одном из кубов иномирья, а она беспокоится об одежде.

— Не только сознание, глупенькая, — хохотнул голос. Смех почему-то отразился эхом. Женщина хмыкнула, значит, она права — это своего рода пустая комната. Но тут же стало не до усмешек — сущность засела у неё в голове. Меж тем голос продолжил: — Для меня было бы слишком просто ограничиться одним сознанием. Как ты думаешь, существует ли душа? Или как там сейчас это по-научному? А — прозвучало угрюмо, — эфирия Банальненько.

— Я на зуглаговку похожа? — скривив лицо, спросила женщина.

— А что они?

— Люди эфирией ничего не называют.

Тень оплыла спереди и приблизилась. Женщина отшатнулась и с чавкающим звуком наступила на что-то мягкое. Послышался тихий хруст. Нога поехала в сторону, и она еле удержала равновесие. Увидеть, что же там такое по-прежнему не позволял туман. Ветерок коснулся кожи, и женщина посмотрела на силуэт.

— А они не промах, зуглаговцы-то современные, обязательно с ними познакомлюсь, когда выберусь отсюда, — кажется, тень начинала откровенно веселиться. — За что ты их так не любишь? Столько бедолаг под нож пустила. А ведь они тебе помогали, в своё научное сообщество привели.

Глаза непроизвольно закатились — нашла же что вытащить из памяти. То, что это не низшая сущность, женщина убедилась. Абичи и подобные мелкие духи не могли так глубоко проникать в мысли.

— Как мне отсюда выйти?

— А ты, однако, примерзкое создание. Ну ничего, так даже лучше. Мне будет веселей. Я такое устрою вам всем, несносные двуногие, камня на камне не оставлю.

Как же раздражало. Женщина прошла сквозь тень. Она ждала, что ей станет плохо, но ничего не произошло. Она шагнула дальше и под каблуком что-то снова хрустнуло. Пошарив ногой вокруг, показалось, что со всех сторон её окружают тела — надутые, вязкие, парочка окоченевших.

— Ага, ты права. Это мёртвые от твоих же рук. Вот сейчас ты пнула Луиз, — нога замерла. — Помнишь её? Зазнайка Луиз, вся из себя такая правильная Луиз. Ах, скинуть сестру в шахту. Какая ты умничка была. Это забавно, мне нравится. Определённо, ты — нечто.

Женщина молчала. Это произошло настолько давно, что она и не помнила всех подробностей. Почему же она столкнула её? Вроде бы она и не хотела этого делать. Очерта-

ния сестры размылись с годами, да и воспоминания о своей молодости покрылись толстым слоем пыли. Мотнув головой, женщина вздохнула. Пора выбираться отсюда, пока сущность все её грешки не вытащила на поверхность. Чего та хотела? Раскаяния? Нет, этого ей не добиться. Женщина вновь вздохнула. Ничего, после ритуала всё прошлое забудется. Уже скоро.

И она пошла. Тень охнула и поспешила за ней. Хотя в тумане и не было видно, что окружает её, под подошвой она чувствовала размягчённые мышцы и хлипкие суставы между костями, что разрывались от каждого шага. Ноги скользили в расплескавшихся по земле жирах, иногда с громким треском проваливаясь в густой кисель внутренностей.

— О, ты размозжила Жуйса. Хороший был Тоаят, что удивительно для этих рыбоголовых. Малость глуповат, но это неудивительно, учитывая размер их мозга. Тебе его не жалко? Совсем-совсем?

На кого бы она ни наступала, сущность непременно спешила поделиться справкой из её собственной головы. Воспоминаниями она жонглировала проворно, мастерски. Вытаскивала их с поразительной скоростью и озвучивала те факты, о которых сама колдунья давно забыла. Пока сущность трепалась без умолку, про себя она проговаривала последовательно символы из текста и концентрировалась на внутренних ощущениях. Сделать всё нужно быстро, уложившись за несколько секунд. Сунув руку в карман юбки, она нашарила

тонкий складной ножик. Хорошо, что по инерции сунула его сюда, а не бросила валяться в подвале. Раскрыв его, уколола палец. Сущность сбоку болтала:

— Я думаю, что тебе стоит остаться здесь. А я выйду из иномирья пораньше, когда ты ещё была миленькой ученицей. Не беспокойся, — хихикнула она, — я стану лучшей версией тебя, — всерьёз её слова женщина не воспринимала. Никому не подвластно настолько сильное колдовство и перемещение во времени. Даже древним духам. Про магию кристаллов и говорить нечего. Вдруг сущность замолчала, а когда продолжила, зазвучала ещё более издевательски: — Да, юный сэр Ланц будет от меня без ума. Может, я его и не убью.

Это стало последней каплей. Сейчас сущность замолчит навсегда – она её не прогонит, она её уничтожит, хотя жаль, ведь потенциально дух мог бы стать великолепным проводником, тогда бы и ритуал никакой не потребовался. Выдержув руку из кармана, женщина провела кровью по крышке шкатулки. Начертала кривой символ. Сущность стихла. Женщина почувствовала, как покалывает кожу в том месте, где она касается гладкой поверхности. Как сила кристалла рвётся на её зов. Кристалл всегда послушен, в отличие от надменных и упрямых духов. Крышка беззвучно распахнулась – на мягкой подушечке лежал спирально закрученный голубоватый камешек. Сложная ювелирная работа. Никакого свечения или подобной внешней чепухи. Она схватила

кристалл, тот был размером с ноготь мизинца, и посмотрела через него на сущность. Та больше не мерцала.

— Глупыха, им ты ничего мне не сделаешь. Тут он бесполезен, — но словам противоречил голос. Звучал он напряженно.

— Может и так, — женщина кивнула и, ничего не сказав, закинула кристалл в рот.

— Чокнутая, выплюнь! — уже не скрывая паники, завизжала сущность. — Ты не понимаешь, что творишь!

— Может и так.

Женщина проглотила кристалл. Рука снова оказалась в кармане, где лежал нож. Если сущность так боится, то просто вернет её обратно. В любом случае, тело её не пострадает. Ей пора просыпаться, слишком долго она задержалась в иномирье. Она рывком вытащила нож, и лезвие застыло возле горла. Подобный трюк ей доводилось проворачивать и раньше. Сердце заколотилось быстрее. Колдунья выдохнула через рот и ударила себя в горло. Лезвие вошло лишь до середины. Ожидаемо боли она не почувствовала. Но услышала пронзительный хрип. Это стонала сущность. Теплая кровь полилась из раны, пачкая горло, белую рубашку. Тень вспыхнула красным.

— Больно, горю! — задергалась она. Про себя женщина усмехнулась, а ведь та уверяла, что ничего не чувствует. — Я так это не оставлю! Ни мгновения я не задержусь тут больше!

Тень дёрнулась и, увеличившись в размерах, окутала жен-

щину со всех сторон. Пропал туман, а глаза застлала красная пелена. Голова закружилась невыносимо, в ушах засвистел ветер. Тело зазнобило от холода. Женщина завертела головой, но из шеи по-прежнему торчал нож и мешал. Она не спешила его выдергивать. К горлу подступала кислая желчь, стало сложно стоять ровно на ногах. Шагнув, она не удержалась и повалилась на колени. В голове, под самым черепом заскребли когти:

— Что это за кристалл такой? Откуда он у тебя? Как? Ты будешь страдать за это вместе со мной!

Желчь добралась до языка, залило рот, и женщину вырвало. Она уперлась руками о пол и почувствовала мокрую землю. Сжала её. Земля просочилась между пальцами, мерзко облепив кожу. Красная пелена встала перед глазами. Зажмурившись, женщина зашептала цепочку колдовских символов, но не почувствовала никакой духовной отдачи ни от проводника, ни от окружающего пространства. Она поднесла руку к груди, где должна была болтаться цепь, но той не было. До неё медленно начало доходить, что рубашка застегнута по-другому, нет пиджака, а вместо него и вовсе надет жакет. Дрожащие, перемазанные грязью пальцы коснулись шеи – того самого места, откуда должен был торчать нож. Но и его не было. Голову пронзила вспышка боли, и она упала лицом в землю.

Глава 2

Темнота, запах мокрой земли, и жгучая боль на внутренней стороне ладони. Я чувствовала, как по лицу крупными каплями хлестал дождь, а во рту стоял кислый травянистый привкус земли. Меня тошнило, ощущалась слабость во всем теле, не хотелось шевелить даже пальцами. Я лежала, распластавшись на земле, раскинув в стороны руки и пыталась собраться с силами. В мыслях неразбериха, перед глазами голубоватая пелена и тяжёлые веки не подчиняются. Я раздраженно вздохнула и через силу распахнула глаза. От боли голову будто раскололо пополам, и куст, который я видела неподалеку, закружился. Ко всему этому начало казаться, что под черепом что-то скребётся, ползает и распирает изнутри.

— Да неужели ты очнулась! Давай поднимайся, хочу увидеть результат твоих стараний.

Сперва я испугалась, услышав незнакомый скрипучий голос, что кто-то посторонний нашёл меня в подобном состоянии, но отбросила подобные мысли. Всё равно кто меня нашёл, сейчас было не до этого. Я проморгалась. Как же болела голова! Но хотя бы куст передо мной больше не кружился. Дождь неистово заливал всё вокруг и не позволял рассмотреть окружение. Да где же я? Шевельнув рукой, я почувствовала траву под пальцами. По коже поползла волна мелкой

дрожи — одежда вымокла насквозь, волосы колтуном скатались в районе шеи и меня затрясло от жуткого холода.

— Вставай, я не хочу, чтобы ты померла. Всё же теперь нас двое. Но не думай, что я тебя прощу. Как же я зол! — чем дольше голос говорил, тем больше кружилась голова.

— Какой-то бред, — прошептала я.

Не мог же голос доноситься из головы? Это ведь не помешательство? Я попыталась подняться, но левую руку будто опалило огнём. Стиснув зубы, я облокотилась на здоровую и оттолкнулась. Волосы тёмными верёвками повисли возле лица. Я села на колени и поднесла больную руку к глазам. Под слоем грязи на внутренней стороне ладони, пересекая её горизонтально, виднелся тонкий кривой порез.

«Однозначно делал это дилетант неумёха, ещё и в жуткой спешке», — от внезапных мыслей стало не по себе, ведь звучали они инородно, словно принадлежали и не мне вовсе. Да хотя бы откуда мне знать, как правильно резать руку?

— Пошарься вокруг, кажется, где-то тут валяетсядохлый попугай, — задумчиво проскрежетал голос, выдернув меня из нарастающих с каждой секундой переживаний. — Мне нужно кое-что проверить.

На мгновение засомневавшись, я всё же послушалась. Всё равно собственных идей, где нахожусь и что делать дальше, у меня нет. Превозмогая разрывающую головную боль, я осмотрелась. Но из-за дождя толком ничего не обнаружила — он заливал глаза и ограничивал обзор. Провела здоровой

рукой по траве. Никакого попугая. Голос молчал, и на четвереньках я проползла немного вперёд, не переставая разглядывать землю. От холода клацали зубы. Подол испачканной мокрой юбки тянул назад, не давая возможности двигаться быстрее. Мне казалось, что я ползаю по кругу. Идея послушаться неизвестный голос теперь воспринимался полной ерундой. Я должна была искать помощь, а не копошиться в грязи под непроглядным ливнем.

— Давай, давай, не робей, вперёд. Ты мне должна.

— Пошёл ты, — вырвалось у меня под перестук зубов.

— Если найдёшь дохлую птичку, то я так уж и быть немного расскажу, что же с тобой приключилось. Я добренький, в отличие от тебя, — голос хохотнул, и я схватилась за голову. Будто камнем огрели.

Я продолжила искать. Решила, что пока доверюсь, ведь ничего не помню. Возможно, потеря памяти временная, но здесь и сейчас действовать опрометчиво показалось глупостью. Пока пробиралась сквозь завесу дождя, я выуживала из воспоминаний всё что могла. Оказалось, что всё-таки я что-то помню. Но уж очень странными были эти воспоминания и размытыми — как далёкие-предалекие сны. Вроде основной сюжет помнится, но стоит начать распутывать клубок ближайших событий, получается полная путаница и ерунда.

Птица никак не находилась, и меня это злило. Я чихнула. Не хватало ещё подцепить заразу и умереть от подобного невесёлого приключения. Стоило подумать о болезни, как в

голове всплыло воспоминание — мама, поправляющая шаль на моей шее и причитающая, что для семьи будет неплохо иметь своего колдовского лекаря, а не вываливать лишние деньги всяким шатающимся пройдохам. Кажется, она намекала, что мне надо попасть на факультет врачевания. Вместе с размазанными образами до меня доносились далёкие ощущения — решимость, перемешанная со злостью. Странное сочетание. Я нахмурилась. Почему-то казалось, что это происходило лет сто назад. Никак не меньше. Но вспоминая об этом сейчас, я совершенно ничего не ощущала, словно мне безразлична эта женщина, и её наставления.

— Что за чепуха у меня в голове?

Голос отозвался:

— Ну ты и хамло. О собственной матери так говоришь? Когда мы встретились, мне показалось, что ты воспитанная.

— Ответь на поставленный вопрос, иначе я твоего попу-
гая искать не буду.

От резкой боли перед глазами потемнело, поплыло и тра-
ва под ногами смазалась в одно тёмное пятно. Я хлопнула се-
бя по лбу — именно там скреблись когти внутри черепа. Это
было невыносимо. Меня затошнило, слезы брызнули из глаз,
и я закричала. Боль стихла также резко, как и появилась. По
языку разлилась солоноватая кровь из прокушенной щеки.

— Приятно познакомиться — я твой друг из черепной ко-
робки. Советую со мной дружить, — хохотнул голос. — То,
что ты вспомнила — это действительно было в прошлом. Там

правда не шаль была. Твоя мамаша специально купила шёлк, он был расписан зелёными кругами и розовыми каплями — полная безвкусица, — голос чуть ли не хрюкал от смеха. Я же, не переставая, растирала лоб — он будто чесался изнутри. Но прогнать навязчивое ощущения мне не удавалась. — Твои одноклассники раскритиковали его, и платочек ты сожгла в тот же день. Бедненький.

Рассказ ясности не внёс, но я всё же решила продолжить поиски попугая. Не стала нарушать устную договорённость, ведь ещё не ясно, что за мерзкий голос звучал в голове и кому принадлежал. А вреда тот наносил немало. Поэтому я решила подыгрывать ему и впредь.

Когда я перестала чувствовать пальцы на ногах от холода, наконец наткнулась на бездыханный трупик. Незамедлительно последовал радостный скрежет:

— Всё, теперь я всё понял. Давай, поднимайся и пошли. Твоё тело пора вернуть в тёплую кровать.

Я осмотрела искромсанное кривыми порезами тельце, сравнивая с раной на ладони. Однозначно — поработал один и тот же человек. Нажим и угол наклона совпадали. Очевидно, что это сделала я, но зачем? Я нахмурилась. Далёкие образы замелькали перед глазами: насмехающиеся женские голоса, шуршание дорогих юбок и размытые давно позабытые лица. Старая обида кольнула в груди, но тут же растворилась в настоящем — в безразличии к этим событиям и людям. Я попыталась прорваться глубже, снова всколыхнуть ускольза-

ющее чувство, но не вышло. Пустота.

Пошатываясь, я поднялась и зачем-то отряхнула подол, резким движением провела по рукаву, прилипшему к коже, ещё сильнее испачкав руки. Загребая ботинками кашеобразную грязь, поплелась наугад.

— Теперь правее, — командовал голос. Удивительно, но когда он не кричал и намеренно не скрёбся, то почти не мешал.

— Откуда ты знаешь? — спросила, когда пробиралась через высокие кусты. Стало сложнее перебирать ногами — я поднималась в горку.

— Я про тебя всё знаю, — усмехнулся голос, и больше ничего не ответил.

Больше мы не разговаривали. Я очень устала. У меня болели ноги, знобило тело и тратить силы на потенциально бесполезный разговор казалось глупостью. Ведь ещё ничего не понятно. Сначала стоило найти безопасное место, как следует отдохнуть и набраться сил. Потом вступать в дискуссии.

То, что на первый взгляд ощущалось небольшим склоном, на самом деле оказалось оврагом. Благо, что положим. Я впи-
валась ногтями в землю, но ноги разъезжались в стороны, и приходилось изворачиваться, чтобы не съехать обратно. Голос пытался подбадривать — я слышала его скрежет где-то в затылке, но меня это лишь злило. Скрипя зубами, я посильней оттолкнулась и вцепилась за торчащий из земли толстый корень. В темноте, под проливным дождём сперва я его даже

не видела. Ладонь запульсировала от боли – схватилась я левой рукой. Во рту снова почувствовала привкус крови. Я пыталась упереться поудобней – переставляла ноги по склону, загребала землю коленом, чтобы попытаться встать на него, но тем самым лишь скорее вымывала почву. Это было невыносимо и жутко раздражало. От усталости затряслась рука, и я вцепилась в корень второй. Ноги разъехались окончательно, и я со всей силы влетела лицом в грязь, так и повиснув.

Что мне хочется больше – взвыть от безысходности или выдернуть корень, а затем уничтожить этот склон, будь он неладен, я не определилась, поэтому просто закричала. Закричала настолько громко, что захрипело горло. Дождь тут же хлынул в рот, и я закашлялась. Пальцы расцепились, и на животе меня прокатило вниз по склону. Я упала в натёкшую лужу. Злость плескалась внутри меня, бурлила ярость. Я села на колени и с силой хлестнула по воде. Один раз, второй. Даже скрежещущий голос не мог вразумить меня. Я лупила эту лужу с такой ненавистью, что будь вода молоком, однозначно бы взбилось масло.

Когда заболели руки, и закружилась голова, я в последний раз ударила по воде и прислонилась к склону. Ярость схлынула внезапно. Закрыв глаза, я вздохнула. Теперь льющийся дождь казался мне чем-то приятным и ласковым, его прохлада остужала пылающую кожу. Открыв глаза, я посмотрела вверх. На что я вообще злилась, или на кого? Какая глупость, ведь я ничего не помню.

— Сделай что-нибудь, или я навсегда останусь в этом проклятом овраге, — сказала и, опираясь о колено, поднялась.

Что мне ещё оставалось? Помирать в луже в мои планы не входило.

— А что я могу сделать? — как-то робко отозвался голос, и заскрёбся около уха. — Я пока ничего не могу делать, — звучание переползло к затылку.

Я поморщилась. Это было крайне неприятное чувство.

— Прекрати! Не делай так больше! — крикнула я перед собой, и покачала головой. Глупо кричать. Эмоции пока будут только во вред. Я развела руками. — Тогда скажи, что ты вообще можешь? Или ты совершенно бесполезный?

Немного помолчав, голос ответил:

— Ладно. Видимо, про это ты забыла за сто лет. Воспользуйся кристалликом своим.

Кристаллик? Рот скривился. Я стала искать нужные воспоминания, и один образ услужливо проступил на первый план: куполообразный потолок, весь из алмазного стекла, арочные проёмы, оплетённые нежными цветами, лёгкий ветерок, колышущий зелёную ленту, и пальцы, перебирающие кулон на цепочке. И при этом всё меня почему-то сжирает обида. Но на что или кого, я не могу вспомнить. Я возвращаюсь в настоящее – рука тянется к юбке, туда, где должны быть карманы. Но на таком фасоне их обычно не бывает. Сквозь слои грязи я нащупала складку, идущую вдоль шва. Брови округлились – всё же крохотный карман у этой юбки

имелся. От воды ткань загрубела, пальцы плохо слушались, но я почувствовала тонкую скрученную цепочку. Потянула за неё и вытащила небольшой кулон. Поднеся его поближе к лицу и приглядевшись, я убедилась, что это тот самый камень из воспоминаний.

— Неужели я не бесполезный? — усмехнулся голос. — Впереди меня ждут весёленькие деньки. Ведь я твой гарант выживания, — тихо похихикивал он, ползая под черепом и вызывая лёгкое головокружение.

— Благодарю, — отозвалась я, решив проигнорировать последние реплики.

Неприятное ощущение прекратилось, и, на моё счастье, голос больше не отзывался.

Если присмотреться, камень выглядел как самый простой кусок кристалла. Размером с монетку. Я крутила его в руке, пытаюсь разобраться, что нужно делать.

— Жаль инструкция по эксплуатации не прилагается, — прохрюкал, смеясь, голос. — Как всегда, когда нужна, её нет.

Я не придавала значение непонятному выражению.

Хорошо было бы припомнить теоретическую часть, но хоть я и была уверена, что учила её – перед глазами снова поплыли обрывочные образы: светлые учебные залы с белоснежными шкафами, забитыми книгами, но что там написано – из головы, как назло, ускользнуло. Что же со мной творилось, в конце концов? Новую вспышку раздражения я проглотила и продолжила копаться в воспоминаниях. Раз

теория сейчас бесполезна, оставалось надеяться на практику. Почему-то я точно была уверена, что мой кристалл один из самых простых, и для сложных заклинаний не пригоден. Этим воспоминаниям сопутствовали самые разные неприятные эмоции. В первую очередь – зависть.

— Да ты вообще гримза завистливая, не удивляйся, — усмехнулся голос.

Я же, не обращая внимание, глубже лезла в воспоминания. Оказалось, что я заканчиваю первый курс Фермийской академии, сокращенно «Ферма», для знатных особ либо одарённых, и уже мало-мальски знакома с правилами взаимодействия со стихиями, которые преподавали ещё в школе, а также с основными техниками по изменению свойств собственного организма. Задрав голову и прищурившись, я посмотрела на предположительную вершину склона, но сквозь дождь ничего не разглядела. То, что изучалось в школе я совершенно не помнила. Вроде какой-то мужчина, лица которого было не разобрать, басом вещал, что у меня склонность к контролю воды. Громкий, отчаянный вздох сорвался с губ. Сейчас бы эта склонность была бы ой как кстати, но я совершенно не помнила, что для этого нужно. Зато как повлиять на тело, чтобы сделать зрение чуть острее, а мышцы более выносливыми я примерно уловила.

Сжав в кулаке кристалл, я начала концентрироваться. Сложно не обращать внимание на колючий холод, и долбящий по голове и лицу ливень, но других вариантов попросту

не осталось. Будто перекачивая по телу внутренний тёплый шарик, я почувствовала еле различимый согревающий трепет в ладони. То отвечал кулон. Меня как ребёнка охватило предвкушение, и концентрация ослабла.

— Давай, давай, это же элементарно, — скучающе вякнул голос и окончательно сбил концентрацию.

— Заткнись и не мешай, — буркнула я и решила закрыть глаза.

Дело пошло быстрее, но мысли каждую секунду подбрасывали новую тему, о которой стоило подумать, и приходилось с усилием от них отмахиваться.

Когда кристалл разогрелся до приятного тепла, я приоткрыла глаза. От ладони исходило слабое голубоватое свечение, будто бы пронизывая кожу. Немедля я приступила к следующему этапу, снова закрыла глаза и сосредоточилась на них. Только почувствовав под веками слабое тепло, я распахнула их. И не сдержала улыбку. Теперь я видела вершину сквозь плотную стену дождя. Внимательно осмотревшись, заметила извилистое, дерево, удобно склонившееся над расщелиной. Сам овраг теперь не пугал. Вместо расщелины – широкая и ровная прогалина, склоны же, сперва пологие, ближе к вершине оказались практически вертикальными. Без колдовства или посторонней помощи я бы отсюда не выбралась.

— Как странно, если я сейчас на территории академии, то почему меня никто не ищет? — спросила я сама у себя.

Но мне тут же ответили в насмешливой манере:

— О, а это достаточно забавно. Но я ничего не скажу.

Тряхнув головой, я перестала размышлять на посторонние темы и уставилась на свисающее дерево. Оно послужит мне добрую службу. Несмотря на воду, достающую до щиколоток, и грязь, забившуюся в короткие ботинки, я рванула к дереву. Снова сконцентрировалась на кулоне, до сих пор зажатом в кулаке.

Мне хотелось прибавить своим ногам и рукам силы, чтобы просто подпрыгнуть настолько высоко, чтобы ухватиться за ствол дерева, а затем с лёгкостью подтянуться, но, подойдя ближе, я почувствовала, что начали покалывать глаза, и моя энергия будто утекала к светящемуся кулону. Нахмурившись, я недоумённо уставилась на руку. Почему-то в воспоминаниях я не помнила подобного.

— А ты что хотела? — откликнулся голос. — Кристаллики вообще обжоры ещё те. Высосут до остатка, так что следи за этим — ты сейчас слабенькая, и я не хочу снова попасть в иномирье.

Я отметила, что нужно обязательно порасспрашивать о чём голос только что говорил. Что за иномирье? Пока же ограничилась насущным вопросом:

— То есть мне самой нужно обрывать связь? Камень этого делать не будет?

Ржавый, как старые несмазанные петли, скрип пронзил голову, и у меня задергалось веко. За ним послышался хохот.

— Этот говнюк? Не смейся меня. Он только жрёт и растёт. Я покрутила рукой, потрясла ей.

— Пока последний вопрос: что будет, если я не оборву связь?

Голос не спешил отвечать, но ощущение, что нечто ино-
родное ползает у меня в голове, сохранялось. Наконец он за-
мер.

— А вот не скажу, сама знания добывай. Хотя, если ниче-
го делать не станешь, то ничего больше не узнаешь в своей
жизни, — сказал он и затаился.

Вёл голос себя странно и разговаривал также, какими-то
загадками. Сперва лез пояснять, когда мне это и не особо
нужно, но о более важном молчал.

Я решила остановиться на первоначальной задумке и уси-
лить только выносливость.

Сконцентрировавшись, послала тепло, исходящее от кам-
ня, к ногам. Оценила предстоящую работу – не торопясь под-
няться по пологому склону, до куда смогу, а затем, цепляясь
за торчащие корни, вскарабкаться выше. В ногах потеплело,
что отдалось более ярким свечением кристалла, и я сосре-
доточилась на руках. Разжала кулак. По глазам резануло голу-
бой вспышкой, и я повесила кулон на шею, засунув его под
блузу. Запрокинула голову, напоследок посмотрев на край
обрыва, и сделала первый шаг.

Глава 3

Почему же меня никто не ищет? Насколько я помнила, преподаватели отличались особой бдительностью и требовали от студентов соблюдения правил, да и сами следовали собственным предписаниям. Что вообще заставило меня тащиться в ливень ночью в такую даль, да ещё и спускаться в овраг? Как не посмотри, но это была глупейшая затея.

Скорее всего я проводила запрещённый колдовской ритуал. И я даже помнила, как читала о нём. Помнила, как обсуждала детали с одной из одноклассниц. Но что было потом и почему я тут? Всё это казалось странным, но вполне закономерным, раз, я никому не сказала, что ушла сюда. Я надеялась, что хотя бы подготовилась, но пока делала вывод, что то ли по глупости, то ли по незнанию загнала себя в ловушку. Возможно, у меня имелся сообщник, и именно он должен был помочь. Но тогда, где он шляется? Ещё и голос решил отмалчиваться – на мои вопросы касательно сегодняшнего дня отвечал лишь раздражающим копошением в голове.

Когда я вылезла из оврага, почувствовала настолько всепоглощающее истощение, что рухнула на землю. Радовало, что пока выбиралась и пыталась прийти в себя, дождь немного поутих. После короткого отдыха, мне нужно было обрвать связь с кристаллом. И это оказалось сложно. Я сконцентрировалась на ощущениях, исходящих от кулона и пе-

редающихся мне, и попыталась приглушить поток блуждающих мыслей. Расслабилась, несмотря на холод. Но вместо ожидаемого, кристалл засверкал голубым ярче, и мне стало совсем нехорошо. Меня затошнило.

— И почему я должен тебе помогать снова? — влез голос.

И как только я на него отвлеклась, тошнота ушла, мне полегчало. Да и сияние поутихло. Склонив к плечу голову, осмотрела кулон – кажется, я поняла принцип.

Я сконцентрировалась на ощущениях вокруг – на мокрой, прилипшей к коже одежде, на грязных, обвивающих лицо и шею волосах. По рукам пробежали мурашки, но кулон почти перестал сиять. Зрение возвращалось к привычному состоянию, заболели от усталости руки и ноги, и пронизывающий до костей холод сковал тело. Я чихнула.

Теперь, почти обессиленная, я петляла по дорожкам академического парка. Одного из самых удалённых от общежитий. Я злилась на прошлую себя, корила за то, что потащилась в глушь, а потом свалилась в овраг. Или залезла туда сама. Ещё и порез на ладони усугублял ситуацию. Он напоминал, что там я занималась не самым хорошим делом, раз попутно убила попугая. То, что это был колдовской ритуал, я догадалась, когда вылезла из оврага и теперь придумывала внятное объяснение. Никто не должен был об этом узнать.

Фигурные клумбы и живая изгородь на мгновение расплылись перед глазами. Всё вокруг потемнело, и я пошатнулась. Придерживая голову руками, я постаралась сосредото-

точиться, и вдруг до меня донеслись встревоженные голоса. Они звучали так далеко, что казались ненастоящими. Из-за живой изгороди я не видела их источника, но теперь хотя бы понимала куда идти, где искать помощь. Может, это ищут меня?

— Оптимистично, — усмехнулся голос. — Но вряд ли это ищут тебя. Скорее всего что-то случилось.

— Если ищут не меня, тогда я точно должна дать о себе знать, — решила я и направилась дальше.

По дорожке я добрела до внушительной статуи на высоком постаменте. Облокотившись на него рукой, решила передохнуть. Тут же мне прилетел упрёк от паразита в голове:

— Ты хоть знаешь на кого облокотилась?

Я мотнула головой. Откуда бы мне знать?

— Не чтишь седины. Это основатель «Фермы».

— Да плевать мне, — прошипела я, дрожа от холода и усталости. Одежда-то моя вся была мокрая, вываленная в грязи.

Чьи-то голоса звучали ближе – теперь они казались прорывающимися сквозь дождь криками. Присмотревшись, я различила впереди голубое свечение – похожее на то, что излучал мой кулон – и с облегчением выдохнула. Это мой шанс.

— Не спеши радоваться, — заскрежетало в голове.

Голос занудел дальше, но я уже не слушала. Выхватив ку-

лон из-под мокрой блузы, я сосредоточилась на нём и почти сразу почувствовала тепло. Требовалось, чтобы он засветил как можно ярче, вытянув при этом побольше сил, чтобы не осталось возможности на дальнейшие расспросы.

— Да уж, видимо, это твоя особенность — палкой тыкать в реку, — тихо вздохнул голос.

Кулон засветился настолько ярко, что я зажмурилась. Но открыть глаза у меня не хватило сил, ноги подкосились, в темноте поплыли цветные кляксы, голубые вспышки. Из последних сил я вцепилась в барельеф на постаменте. Спать хотелось невыносимо. Я сползала на землю. Пальцы разжались, рука плетью повисла вдоль тела и я рухнула в клумбу, попутно ударившись о что-то твёрдое головой. Последнее, что я слышала перед тем, как потерять сознание — строгий женский голос и тихий перезвон колокольчиков где-то совсем глубоко внутри.

Странные пугающие образы парили вокруг меня. Какие-то люди, имён которых я не знала и чьих лиц никогда прежде не встречала; дома — роскошные и самые простые; леса и горы; холодное северное море. Образы сменяли друг друга, но чувства были одни и те же: злость, пренебрежение и скука. В какой-то момент мне стало противно от них. Росло раздражение. Во всех мелькающих картинках, которым перестала придавать значение, я пыталась отыскать хоть что-то красивое или приятное, то, за что могла уцепиться. Но этого будто не существовало. Мне стало жаль человека, жизни ко-

торого я была невольным свидетелем. Даже если эта несносная жизнь по всем вытекающим – моя.

На моих глазах умирали самые разные расы – непрекращающийся калейдоскоп смертей. Неужели всё это происходило на самом деле? Неужели это я виновата? Это я их убила? Сейчас я не испытывала к этим существам ничего, они мне были никем, я их не знала, но почему-то думала, что большинство могли прожить гораздо дольше. Зато тот, чьи-ми глазами я видела происходящее, думал иначе – радость от их страданий заполняла меня, распирала изнутри. Но отвернуться или не смотреть я просто не могла. Будто кто-то намеренно показывал все эти трупы, тыкал плачущими и покалеченными. Наверное, это был тот самый паразит, забравшийся в голову. После наших коротких разговоров я предположила, что мои воспоминания теперь у него.

Когда меня затошнило от всего увиденного, образы стали стираться, краски потускнели. Проваливаясь в темноту, я порадовалась, что позабыла обо всем.

Сколько проспала – не знаю. Просто в какой-то момент начала различать тихое постукивание, шуршание ткани. Я пыталась сосредоточиться на окружающих звуках, но они сворачивались в кашу, сливаясь в монотонный шум. Внимание рассеивалось, и меня снова затягивало в сон без сновидений. В первый раз, когда я смогла приоткрыть глаза, разболелась голова. Пошевелить рукой не получилось, мышцы ощущались деревянными и не слушались. Я повернула го-

лову. За широким, во всю стену, окном по-прежнему было темно. Ночь? Какая по счёту? Сколько я спала? Я попыталась нахмуриться, но лоб разорвало от боли, меня затошнило, и пришлось, ни о чём не думая, рассматривать тёмный сквер – ровные остриженные деревья, кусты, напоминающие животных и фонари, освещающие лавочки тускло-голубым. Их свет напоминал о кристалле. Я встрепелась и попыталась поднять руку, чтобы проверить – на месте ли кулон, но даже пальцем двинуть не смогла. Со стоном я перестала мучать тело и снова уставилась на фонари.

Дождь прекратился. Я смотрела на голубой свет и ждала, когда меня снова захватит сон.

Второе пробуждение произошло на рассвете. Кто-то приоткрыл форточку, и до меня теперь долетал тёплый ветерок. Сквозь тюлевые шторы с улицы проникал солнечный свет и рассеянно падал на простыни, согревая ноги.

Вся комната – по-видимому больничная палата – утопала в мягком персиковом цвете. Стены, расписанные в пастельных тонах и изображающие умиротворяющие пейзажи, больше напоминали картины – дольные луга, цветущие сады, мимо которых текли извилистые реки. Слишком нежно и невинно. Я ожидала от пробуждения совсем другого, думала, что стоит открыть глаза, как на меня тут же набросятся и начнут отчитывать. Мне казалось, что уже всей академии известно о случившемся.

Я ещё раз осмотрела живописные стены, затем взгляд

скользнул на небольшой диванчик, стоящий напротив кровати, перепрыгнул к фарфоровому умывальнику и широкому зеркалу, и остановился на резном белом комоде. Безусловно тут было красиво, свежо и просторно, но мне хотелось сбежать и спрятаться поглубже в тень. Будто я не заслужила любоваться подобным. После ужасных видений мертвяков, горечь сожаления грызла меня. Она крутилась в животе, волной разливаясь по телу, и тогда я впивалась зубами в собственные губы, и ковыряла их до крови.

Но всё-таки, это была какая-то глупость. Почему я виновата? Ведь я никому не причиняла зла! Может так проявлялось помешательство? Я попыталась отогнать неприятные мысли, но тут же запульсировало в висках, будто изнутри распирая голову. Я мечтала, чтобы это прекратилось, хотела снова провалиться в сон. Но сколько не жмурила глаза – ничего не помогало. Оставалось одно – беспомощно таращиться в окно и прислушиваться к шелесту листьев.

Пореза на левой руке больше не было. Ладонь не болела, не чесалась – вообще никак о себе не напоминала, поэтому я и не сразу поняла, что розовую здоровую кожу какое-то время назад уродовал кривой порез. Врачи хорошо постарались.

— Да-а, именно врачи — прохрипел сонный голос. — Не я же старалась, трудилась, убирала главную улику твоих ночных походов. Но, да, конечно, это всё врачи.

Подобный упрёк меня разозлил – раздражение вспыхнуло жгучими искрами и словно пламя разгорелось по всему телу.

Я мысленно зашипела:

— Откуда мне знать? Что за упрёки? — я поглубже вздохнула, чтобы успокоиться. Подобное поведение неприемлемо, оно может вызвать лишние вопросы, а привлечение к себе внимание — это не то, что мне надо. Я продолжила спокойно: — И что за внезапная смена обращения? Ты вообще кто — мужчина или женщина?

Сонный голос ответил:

— Без разницы. Как тебе удобней, хоть в среднем роде обращайся, но давай поуважительней

— Завязывай, — я оборвала паразита и уставилась в окно.

Текли минуты, время близилось к шести утра, но ко мне так никто и не зашёл. И это удивляло. Голос в голове тоже помалкивал, отзываясь гулким сопением где-то со стороны затылка. Если бы не наш недавний обмен любезностями и раздражающее похрапывание, я бы подумала, что мне всё приснилось. Такими далёкими казались события в овраге. Я попыталась продраться в свои старые, покрытые толстым слоем пыли, воспоминания; вспомнить прошедший учебный год, детство, но при каждой попытке меня тянуло в сон. Я зевнула, не прикрывая рта, устроилась поудобней, и вдруг с улицы, недалеко от палаты, послышались мужские голоса. Несколько человек о чём-то спорили. И их разговоры мне показались оглушающим взрывом звуков. Пару раз их возгласы сорвались на крик. В первый я нахмурилась и отвернулась, от второго закружилась голова.

— Чтоб им провалиться. Так шуметь! — заползал голос под черепом.

Я обречённо вздохнула.

— Сколько времени я тут лежу? — спросила я у недовольно фырчащего паразита.

В ответ — смешок, тупой и скрежещущий.

— Откуда мне знать? Мне что минута, что день, что сто лет — разница невелика. И я не паразит!

Опять эти невнятные раздражающие ответы. Я неохотно пошевелила рукой — сейчас боль не ощущалась так остро. Определенно, я шла на поправку.

Раз меня не спешили допрашивать, и уснуть уже вряд ли удастся, значит я могла разобраться в происходящем. Ну хотя бы попытаться. Усмехнувшись, я мысленно обратилась к голосу:

— Выходит, ты из иномирья, расскажешь, что это такое, и как ты оказался у меня в голове? — спросила я, стараясь избегать приказного тона.

Как я поняла, голос не особо-то спешил делиться информацией, а наоборот избрал стратегию держать меня в неведение.

— Значит, запомнила про иномирье, — пробурчал он тихо. — Это долгая история.

— Мы и не спешим, — я оскалилась.

Уж больно у него странные противоречия: сперва говорить, что не хочет возвращаться в иномирье, где бы то не

находилось, параллельно утверждая, что не ощущает время. Либо он недоговаривал, либо я чего-то не понимала. Могло ли быть иномирье настолько ужасным, что и мгновение в нём невыносимо? Или за этим стояло нечто большее?

— Следующий вопрос, — отрезал голос, выдернув из раздумий, и тут же у меня закололо в затылке.

Губы растянулись шире. В горле скрутился комок раздражения, но я приказала себе успокоиться. Наверняка это неизвестное существо запросто почувствует мои эмоции. Решив сменить тактику, я продолжила расспрос:

— Из наших коротких разговоров я делаю вывод, что огромная часть моей памяти утеряна. Это так? — спросила и затаила дыхание.

Существо повошкалось, поскрежетало, но соизволили ответить:

— Да, — коротко, но хотя бы правда. Ведь я и сама уже догадывалась об этом.

За дверью слышались шаги. Я скосилась на часы. Меня не покидало предчувствие, что скоро сюда заявится делегация преподавателей. Облизнув губы, я еле слышно прошептала:

— Безвозвратно? — спросила и тут же упрекнула себя, что заговорила вслух.

Не хватало, чтобы кто-то ненароком подумал, что я умалишённая и решил изолировать. Сейчас я ощущала себя ребёнком, который о мире знает только с рассказов тётушек,

и настоящей жизни ещё не хлебнул. Как тут устроено? Что делают с дурачками, их лечат? Исследуют? Но сумасшествие виделось не самым ужасным вариантом, как если бы кто-то догадался о моём добром друге. Дальнейшие размышления оборвал голос:

— Следующий вопрос.

Я даже не возмутилась, решив трактовать ответ как неоднозначный. Из него напрашивался вывод, что теоретически, пока только теоретически, воспоминания можно вернуть. Я задумалась. С ними стало бы легче, я быстрее бы разобралась в происходящем, узнала бы, что за ерунда поселилась в голове, и поняла, как функционирует этот мир, а не занималась бы рыбалкой, выуживая информацию из бульона под названием воспоминания. Но перед глазами до сих пор плавали картинки жуткого сна, в красках показывая ночные страсти.

Приятный ветерок коснулся щеки, пряди, обрамляющие лицо, колыхнулись, и я вздохнула. Может, без воспоминаний даже лучше. Но почему паразит увильнул от ответа? Зачем эти намеки? И тут меня осенило:

— Похоже ты не можешь сам выбраться из моей головы? Тебе нужна помощь, и ты не хочешь раскрывать все карты?

Снова слышались торопливые шаги за дверью; с улицы, где-то совсем неподалёку от окна, стали доноситься громкие разговоры. Паразит молчал. Когда дверная ручка дёрнулась, я не выдержала:

— Так да или нет? Быстро отвечай!

Я заорала, правда мысленно. Гнев плескался внутри — я даже не заметила, как стиснула челюсть. Дверь начала открываться. И тут сущность лениво прошелестела:

— Возможно. Всё возможно, Алистер.

— Кто?

И тут я поняла, что воскликнула вслух.

— Моя дорогая пациентка идёт на поправку.

Я резко обернулась на голос. Худенькая женщина в голубом халате, со светлыми волосами, уложенными волнами на макушке, заинтересованно смотрела на меня. От её радостной улыбки я чуть не ослепла. Прикрыв глаза, я выдавила из себя улыбку в ответ. Женщина впорхнула в комнату и подошла к раковине. Стала мыть руки. Я лениво наблюдала за ней, пока меня не привлекло изящное синие кольцо на указательном пальце. Камень показался каким-то уж слишком массивным, неровным. Краем глаза, я заметила, что женщина смотрит на меня через отражение. Когда наши взгляды встретились, она спросила:

— Привлекло кольцо? — я кивнула. Уголок её губ дёрнулся вверх. — Чаще всего врачам удобней, когда кристалл носится на пальце.

Она обернулась и направилась ко мне. Закрыла форточку, занавесила шторы. Её болтливость показалась странной, и я не удержалась:

— Вы со всеми незнакомцами такая любезная, мадам? —

голос мой звучал неприятно едко. Я нахмурилась. Так уж точно никого к себе не расположить.

Женщина рассмеялась, что ещё больше удивило меня. Если бы ко мне студентка обратилась подобным тоном, точно бы услышала в ответ какую-нибудь колкость.

— Ты была крайне истощена, бедняжка, — от последнего слова у меня дёрнулось веко, — сколько же ты провела одна под дождём? Почему вообще решила сбежать ночью, ещё и в такую ненастную погоду? — она подошла к кровати и вытянула надо мной руку. Кольцо засветилось голубым. Так как я не стала отвечать на её странные вопросы, она продолжила, мило улыбаясь: — Это из-за мальчика? Да-да, наверняка из-за мальчика. Ах, пора юношеской влюбленности. На что только не пойдешь, чтобы привлечь внимание молодого лорда.

Вроде она говорила немного, но я безумно от неё утомилась. Видимо, сказывалось пережитое за ночь. Пока она лепетала про красивых мальчиков и водила надо мной кристаллом, я отвернулась. Стала разглядывать вышивку на шторах. Паразит в голове заскрёбся.

— Ох как она меня бесит! Заткни её, или я буду мучать тебя изнутри, — и тут же я почувствовала нестерпимую боль, будто лезвием рассекли кожу на голове. Существо закрутилось, завращалось змеей. И меня затошнило.

Дрожащим голосом я перебила:

— Меня будут спрашивать преподаватели или нет? И

где мой кристалл?

Улыбка её потухла. Она кивнула.

— Тебе плохо? Я осмотрела тебя. Думаю, что могу отпустить к себе в комнату.

Паразит прекратил свой безумный танец, и я выдохнула с облегчением.

— Тогда я могу идти? И да, вы так и не сказали, где мой кристалл, — я пошире растянула губы и постаралась изобразить самый невинный взгляд из возможных.

Но вместо желаемого эффекта получила совершенно иную реакцию – женщина напряглась, втянула голову в плечи и отступила назад. Поджав губы, она снова разулыбалась, но уже совсем неестественно. Это было видно. На секунду мне стало её жаль. Видимо, вся её болтливость и радушие – лишь напускное.

Женщина кивнула.

— Сестра Пэм проводит вас до комнаты. Директор с вашей наставницей навесят вас позже, думаю, кристалл у кого-то из них. Не болейте, — сказала она и быстрым шагом поспешила к выходу, осторожно поглядывая на меня через плечо.

Глава 4

— Ты её напугала, — разглагольствовал голос, пока я шла рядом с Пэм. Медицинская сестра оказалась молодой и, к моему счастью, неболтливой. Зато паразита понесло, а заставить его помолчать оказалось практически невозможно. Он просто-напросто меня игнорировал. — Что ж ты в зеркало-то не посмотрела, балда? Вот будет забавно, если ты до сих пор как бабка выглядишь.

Как бабка? Ну уж нет. Но на издёвку я не ответила.

Моё внимание больше привлекала окружающая роскошь: расписанные золотом стены, лепнина по всему коридору и гипсовые младенцы, осуждающе глядящие с потолка. От богатства, давящего своим величием, у меня дёргался уголок рта. Ещё и паразит восхвалял всю эту безвкусицу, радостно попискивая.

Кажется, сейчас было учебное время, ведь по пути нам никто не встретился. Когда мы подошли к широкой лестнице из розового мрамора, я скосилась на сопровождающую меня Пэм — та удручённо смотрела на нежно-персиковый ковёр, устилающий ступени, и неловко топталась на месте, не решаясь шагнуть дальше. Я хмыкнула и, поднявшись на несколько ступеней, почувствовала, что Пэм рядом нет. Она до сих пор не сдвинулась с места и испуганно таращилась на лестницу. Паразит немедленно поспешил это прокомментировать:

— Ну точно кот и огурец, — он ехидненько захрюкал.

— Сестра Пэм, вы там застыли или что? — так хотелось сложить руки на груди, но почему-то я решила повременить с этим. Возможно, я просто не хотела запугать её подобными действиями ещё сильнее. Пока в собственных чувствах я разбиралась скверно.

Пэм подняла полные грусти глаза и тут же увела взгляд в сторону. Я смотрела, как она нервно теребит рукав серого халата. Как мне стоило поступить? Приободрить её или наоборот, нахамить, чтобы поторапливалась?

— Нахами, конечно же, как обычно любила делать. Что ещё за рассуждения, — фыркнул паразит.

— Ты отстанешь от меня со своими бесполезными комментариями когда-нибудь? — ответила я ему мысленно.

— Это уж вряд ли, кто-то ведь должен слушать мои каламбуры, — усмехнулся голос.

Протяжно вздохнув, я обратилась к Пэм:

— Вам нужно выполнить свою работу, как я понимаю, отвести меня в комнату, — наши взгляды встретились, и я махнула рукой на ковёр. — Неужели у вас грязная обувь? Если возникнут вопросы, скажете, что это из-за меня. Мне-то уж ничего не будет за это.

— Но — начала она лепетать себе под нос, но о чём, я не слышала.

Всё же здравый смысл победил, и Пэм пошла ко мне. Я прищурилась, вглядываясь в ковёр, чтобы обнаружить хоть

один мало-мальски заметный отпечаток, но всё было идеально. Да и о какой грязи в медицинском крыле может идти речь?

Пэм прошла вперёд, и я, подцепив подол строгой голубой юбки, доходившей мне до середины икр, последовала за ней. Хоть на мне и была академическая форма, качественно пошитая и, кажется, недешёвая, ощущалась она грубоватой и неудобной, сковывала движения. В такой юбке ногами не помашешь, через несколько ступенек не перепрыгнешь.

— Не смеши меня, — подслушав мои мысли, со смешком отозвался паразит, — поверь, нужно будет, умудишься и через три, и через пять ступеней перепрыгнуть.

На очередное непрошенное замечание я закатила глаза, но промолчала. В этот момент Пэм посмотрела на меня со смесью волнения и недоумения.

Пуговицы на форменной блузе находились спереди, что порадовало, и при одевании мне посторонняя помощь не понадобится. Ещё я насчитала несколько карманов — пару на жакете и ещё у юбки.

Мы поднялись на четвёртый последний этаж, завернули направо и теперь шли по длинному широкому коридору. Тут было много розовых, голубых и зелёных цветов. Ну просто обитель невинности и свежести. Из всех нагромождённых ваз, картин и кувшинов с растениями, больше всего мне понравились диванчики в закутках коридора. Уж больно милые у них были ножки — резные и пухленькие. На пару се-

кунд я даже замерла, разглядывая сложный деревянный орнамент.

«Какое уродство!» — пронеслась внезапная мысль, и я отшатнулась. Закружилась голова и всего на секунду, но я оцепенела.

Пэм подошла ко мне и, коснувшись плеча, вывела из этого наваждения. Она улыбнулась, на что я тоже растянула уголки губ.

— Мисс Сорен, я составила о вас ложное представление. Как думаю, и многие.

— А какое, если не секрет? — мы свернули на повороте. По воспоминаниям, где-то совсем рядом находилась общая гостиная для меня и двух соседок.

Стоило подумать о них, как кожа покрылась мурашками. Будто мелкими иголочками дрожь пробежала от шеи к плечам. Нога подвернулась, и я запнулась о ковёр. Кажется, Пэм о чём-то говорила, но я не слышала. Волна ненависти захлестнула меня. Яркими вспышками передо мной плясали картинки — первый день в академии, в овальной гостиной до сих пор стоят неразобранные чемоданы, и я неловко стискиваю пальцами лакированное покрытие белого рояля. Две девушки переглядываются между собой и со снисходительными ухмылками протягивают для рукопожатия ладони. Они ещё ничего не сказали, не сделали, но раздражение накрывает с головой. Эти вечные насмешки и упрёки во взглядах. Я неосознанно сравниваю девиц со своими сёстрами, всеми

такими умненькими и талантливыми. Девушки снова переглядываются — теперь брезгливо. Рыжая склоняет голову набок и хмурится, её чёлка уродливо топорщится в разные стороны. Лицо чернявой ничего не выражает — гладкий мрамор, но зато камушки в волосах так и сияют! Чего они от меня хотят? Дружить? Или поиздеваться? Я отпускаю на их вытянутые руки презрительный взгляд и, ничего не говоря, ухожу в свою комнату, только слыша, как скрипит подошва от резкого поворота.

От всех нахлынувших чуждых чувств, меня вытащил скрипучий голос паразита, и в этот момент я испытала к нему неподдельную благодарность.

— Эй, очнись, — когда бурлящие эмоции перестали терзать меня, я вернула себе способность мыслить и сконцентрировалась на возне в голове, голос продолжил: — А я говорила, что ты мерзкая. Девочки тебе ничего ещё не сделали, а ты как на них!

Я подняла глаза — совсем близко стояла испуганная Пэм. Приподнятая рука, слегка подрагивала, взгляд же суетливо осматривал меня. Она шагнула ко мне, но замерла, торопливо оправив и так прямую юбку под халатом, и произнесла:

— Вы ещё окончательно не поправились. Доктор зря разрешила вам вернуться к себе, — я думала, она начнёт настаивать, но Пэм ничего больше не сказала.

— Благодарю за беспокойство, — сделав вид, что ничего только что не было, и у меня не кружится голова, меня не на-

пугали странные поглощающие сознание эмоции, я прошла мимо, улыбнувшись ей краешком губ.

Пэм сразу приободрилась и как будто расслабилась.

Так мы и добрались до гостиной, двустворчатые массивные двери которой украшали яркие резные цветы. Я перевела взгляд на блестящую начищенную ручку, конец которой сложно закручивался спиралью вовнутрь, и округлила брови. Неужели золотая?

— Роскошно, хоть и пережиток прошлого, — протягивая гласные на манер песни, восхитился паразит. — В мои ранние годы в почёте был минимализм.

Пэм распахнула двери. Передо мной расстился светлый ковер, с вышитыми птицами и сложным витиеватым орнаментом. Лежал он, начиная, от самого порога и занимал всю гостиную. Кажется, мне стоило начинать привыкать к подобному. Взглядом я пробежалась по широким окнам — я уже поняла, что пихать их повсюду — это ещё одно здешнее архитектурное пристрастие; потолку, расписанному пушистыми облаками; мягкой мебели. Задержала внимание на белом рояле из воспоминаний. Ну что ж. Вот я и на месте.

Взглянув на левую ладонь, которую ещё недавно пересекал рваный порез, я провела по ней пальцами. Всё же паразит залечила её превосходно. Теперь же меня терзало любопытство, как именно он это сделал, и сколько всего ещё может.

Голос, не прекращая, жужжал в ушах — ему особо пригля-

нулся камин, украшенный лепниной. Мысленно я усмехнулась, что однажды выкину его из головы и сожгу в этом самом камине. Тут же хлынул водопад самых неприятных слов и оскорблений, но меня это лишь позабавило. Ни одной же сущности надо мной издеваться.

Стоило признать, что гостиная и вправду красивая. В меру вычурно, мебель подобрана в общей голубой гамме и перекликается с потолком. Не слишком много растений и цветов, даже картины выдержаны в одном стиле — морском. В воспоминаниях это место окрашивалось неприятными чувствами — я почти не проводила здесь время. Сейчас же меня ничто не обременяло. Подумав, что вполне смогу привыкнуть к подобной красоте, я уверенно перешагнула порог.

Зайдя в гостиную, Пэм встала возле стенки и сложила перед собой руки. Я почесала макушку и недоумённо осмотрела её с ног до головы. Она робко улыбнулась.

— Мне надо отчитаться перед директором, я дождусь её здесь, если вы не возражаете?

Значит, директор — женщина. Я задумалась, даст ли мне это хоть малейшее преимущество. Пока выходило, что не особо.

Я уже хотела махнуть на медсестру рукой, пусть жмётся возле стены, если ей так угодно, и пойти посмотреть свою комнату, как мне в лоб стукнулся паразит.

— Почему бы не расположить её к себе? Пусть увидит, что ты, — он усмехнулся, — доброжелательная и чуткая.

Я ответила:

— Звучит так, что это тебе надо заводить знакомства. За-
чем мне это? Она же простая медсестра.

Голос рассмеялся.

— Никто не знает, что может случиться.

Закусив щёку, я задумалась и осторожно глянула на Пэм. Что же она может дать? Но всё же я решила послушать совет паразита.

— Вы собрались здесь стоять всё время? — от внезапного вопроса Пэм вздрогнула и, посмотрев на меня, кивнула. Я развела руками. — Ну уж нет, понимаю, что в общей гостиной вам сидеть нельзя, так что побудете у меня. Да и вдруг мне резко поплохееет, — её лицо в миг побелело, что рассмешило меня, но я предусмотрительно отвернулась и направилась к крайней левой комнате.

Я вошла внутрь, и уголки губ тотчас потянулись вниз: моя комната оказалась обителью простоты и уныния — преобладали здесь серые оттенки и лаконичные формы. Вроде и ничего лишнего, но так скучно, что удавиться хочется. Я с грустью осмотрела будто бы нежилую комнату и поёжилась. Стало неудобно. Разница с живописной гостиной колоссальная. Про себя я усмехнулась, что комната эта точно заколдована — она должна вытягивать силы у моих недругов, заглянувших делать пакости, но пока радости лишалась только я.

На мои помрачневшие мысли ответила сущность:

— Вот у тебя вся жизнь такая была — никакая.

Я перебила её:

— Это хуже моих ожиданий. Да я просто в ужасе!

Услышав за спиной шаги, я обернулась. Пэм стояла в проходе, сжимая подол юбки, её взгляд скользил по комнате, ненадолго застывая на редкой мебели. Кажется, она пыталась случайно не обидеть меня, но я всё прекрасно поняла по перекошенной улыбке. От этого мне стало лишь тоскливей. Она то пойдёт к себе, а мне здесь жить.

Дойдя до кровати, я с размаху уселась на неё. Матрац оказался мягким — это меня немного приободрило.

— Пэм, — задумчиво проговорила я. Она посмотрела на меня, — что мне делать со всем этим? — я обвела рукой комнату.

Голос в голове хмыкнул.

— Ну ты и нашла с чего налаживать контакт.

Пэм потопталась на месте и, обернувшись к двери, посмотрела на неё долгим задумчивым взглядом.

— Думаю, вам, мисс, стоит поговорить об этом с горничными ваших леди-соседок, — она виновато пожала плечами. — Больше я не знаю, чем подсказать.

Я призадумалась над причинами робкого поведения Пэм. Чем оно обусловлено? Неужели здесь все работники такие зашуганные? Всё же хорошо, что я послушала паразита и решила общаться с Пэм вежливо – иметь расположенного ко мне человека в медицинском крыле лишним не будет.

Я предложила Пэм присесть на единственный стул – толь-

ко он из остальной мебели хоть как-то выделялся. Будто бы его выбирала не прошлая хозяйка комнаты.

— Пэм, — я сложила руки в замок и обхватила ими колени, — хотела спросить: есть ли в медицинском крыле книги о редких болезнях?

Мне же нужно было с чего-то начать поиск информации о моём новом друге? Мысль, что это какая-то болезнь, не покидала меня. Ну никак не могла я осознать реальность происходящего — бестелесная дрянь застряла в голове! Звучит как что-то невозможное.

— Я тебе не дрянь! — фыркнул голос, сопровождая свои слова неприятным копошением. Перед глазами замелькали цветные вспышки.

Я следила за Пэм, как та провела рукой по подбородку и, растягивая гласные, ответила:

— Есть, но там всё специфично написано — она будет сложна для вас. А зачем вам? — интерес её показался мне вполне искренним.

— Я не знаю, на каком направлении хочу учиться. Мама настаивает на обучении медицине, но я не уверена. Поэтому и подумала, что если почитаю более сложную литературу, то сердце само подскажет.

Я старалась звучать как можно искренней, даже сперва хотела закусить губу для большей убедительности, но передумала. Слишком ранимой показаться тоже не надо.

— Тебе стоит найти учебник по актёрскому перевопло-

щению, — проскрипел паразит. — Чего-то не хватает на мой вкус.

Я мысленно усмехнулась:

— А ты, я погляжу, ценитель прекрасного? Жаль, что только и можешь, что быть зрителем одного актёра, то есть меня, — съязвила я, и сущность тут же ответила уколom боли в затылок.

Чтобы отвлечься, я сконцентрировалась на задумчивой Пэм. Поймав её плавающий взгляд, я улыбнулась. Она неторопливо ответила:

— Я поговорю с главным доктором. Думаю, это неплохая мысль.

— Конечно-конечно, я верю, что ты справишься, Пэм, — я довольно прищурилась, и легла на кровать.

Больше нам разговаривать было не о чем, поэтому стоило вновь побеседовать с паразитом.

— Нам обоим будет лучше, если ты перестанешь красоваться, Поганка. Чем мы скорее придём к взаимопониманию, тем скорее я от тебя избавлюсь, а ты от меня.

Сущность завозилась, но ответила сразу:

— Поганка? Я похожа на гриб? Что за кличка такая? — затылок саднило, удары тупой боли отдавались в висках. Но я решила настаивать на своём.

— Ты же паразит, как иначе к тебе обращаться?

— А кто в этом виноват? Ты.

Забывшись, я резко выдохнула. Незамедлительно скрип-

нул стул — это подскочила Пэм.

— Мисс, вам плохо? — она взволнованно осмотрела меня, но ближе, чем на шаг не подошла, продолжала мяться возле стула.

— Всё в порядке. Думаю, чем хочу заниматься в жизни, — я махнула рукой, чтобы она отстала, на что Пэм пробормотала извинения и снова села на стул.

Нужно было закончить разговор с Поганкой, поэтому я отвернулась к стене и обратилась к ней:

— Продолжим. Что насчёт убитого попугая? Почему я ничего не помню?

— А мне почём знать? — равнодушно ответила вопросом на вопрос Поганка. — Походило на обряд, — я уже хотела возмутиться, что и так это поняла, но вовремя смолчала, ведь она продолжила: — Этот кусок воспоминаний крайне размытый. Ты кого-то хотела проклясть. А вот кого и чем — я тоже не помню.

Сущность замолчала, и я начала обдумывать услышанное. Первое — никто не должен узнать об этом. Необходимо выяснить, что это за обряд и добилась ли я поставленной цели. Меня тревожило, что какое-то время назад я разговаривала об этом с другой студенткой. Значит, уже один человек знает об этом! А где один, там и сотня. Я прикрыла глаза. Прискорбно. При этом я напрочь забыла, как девицу зовут и как она выглядит. Я пожевала внутреннюю сторону щеки. Могла ли быть эта девушка соучастницей? Что ей известно? Вто-

рое, о чём я переживала — а что, собственно, со мной произошло? Некие прикидки по этому поводу у меня уже были, поэтому я решила поделиться с Поганкой:

— Получается, что на самом деле мне много лет, и когда мы с тобой впервые встретились, я была старой? — она молчала, и я расценила это как подтверждение. Поганка не особо умела врать: она либо молчала, либо отвечала неопределённо, либо пыталась сменить тему. Я продолжила: — Произошло нечто странное, и я каким-то образом очнулась в своём прошлом, но при этом вместе с тобой?

Я думала, что сущность продолжит отмалчиваться, но она моментально вспыхнула:

— Нечто странное? — заистерила она. — Ты сожрала кристалл, долбанутая! — голова разболелась невыносимо, но я, стискивая зубы, продолжала слушать её визг: — Ты ведь и сама не знала, как он работает! О да, сейчас я прекрасно это понимаю

Перед глазами заплясали голубые круги.

— Что за кристалл? Какой-то особенный? — я перебила сущность. Это помогло, и Поганка успокоилась.

— Вот честно, понятия не имею. Этих воспоминаний просто нет. Я всё просмотрела, но что за кристалл, и как он достался тебе, так и не поняла. Как будто ты их спрятала куда-то очень далеко.

После острой боли, мне захотелось спать. Если бы в комнате не сидела Пэм, я бы захохотала в голос. В какой же

кошмар я вляпалась! С Поганкой определенно нужно было что-то решать, потому что подобная внезапная усталость — совершенно ненормально. Придётся как-то уживаться вместе, думать над словами, ведь я не хочу свалиться в обморок от очередного приступа, вызванного её внезапным недомоганием.

«Тоже мне проблемы, я и похуже встречала», — неожиданно для себя подумала я. Ощущение были такие, будто голову распирает изнутри. Благо чувство это прошло также быстро, как и появилось, и, списав это на проделки Поганки, я с облегчением выдохнула.

Зевнув, я через плечо скосилась на Пэм. Наши взгляды встретились, и она добродушно улыбнулась. Вот же сама простота.

Меня тянуло в сон, но стоило погрузиться в поверхностную дрему, как из гостиной послышался звонкий женский голос, который тут же разбудил. Поганка радостно воскликнула:

— Пришли по наши души, изверги! — и хохотнула.

Кажется, она наслаждалась каждой выпадающей возможностью развлечься. Стоило брать пример. Мне же нужно было отвести любые подозрения от себя и ритуала. Вряд ли удастся провести взрослых опытных колдунов, но я была уверена, что смогу снизить их подозрения. Пэм тоже услышала голос и вскочила со стула, начав поправлять юбку и халат. Её необоснованная тревога стала передаваться мне.

Взявшись за голову, я села на кровати. Когда голоса послышались возле самой двери, Пэм с распахнутыми глазищами перепугано уставилась на опускающуюся ручку. Кажется, она боялась больше меня.

— Ну, удачи, что, — протянула Поганка и создала волну боли. Я поморщилась. — Это тебе для убедительной актерской игры. Не благодари.

Дверь бесшумно отворилась, и перед нами предстала высокая женщина с гордо поднятой головой в строгом горчичном платье-плаще, застёгнутом на каждую пуговицу под горло. Госпожа Виссари — директор академии. Завитки её светлых волос прятались в стойке ворота, глаза подведены и прищурены. Пэм коряво присела в поклоне, я же продолжала неподвижно сидеть, держась за голову и неотрывно смотря на директрису. Первое впечатление произведено что надо.

Губы женщины, накрашенные тёмно-красной помадой, изогнулись в лёгкой улыбке, и она шагнула в комнату. За ней прошли ещё двое — мужчина постарше и довольно молодая девушка. Мужчину я не помнила совершенно, но девушку, рассмотрев получше, узнала — это была наставница моего курса.

— Госпожа я мы — начала лепетать Пэм.

— Будьте любезны, — перебила её Виссари, — покиньте комнату студентки.

Я поджала губы. Почему-то такое обращение к медсестре показалось грубым, но защищать я её не стала. Пэм неловко

поклонилась и, потупившись в пол, выбежала из комнаты. Дверь за ней закрылась будто сама собой. Я предположила, что кто-то из преподавателей пользуется кристаллом, но голубого свечения, как было у меня или врача, не заметила.

Я продолжала молча наблюдать. С протяжным кряхтением на освободившийся стул сел мужчина и улыбнулся, от чего его усы забавно дёрнулись. Наставница, переводя внимательный взгляд с меня на директрису, стояла словно в землю проросшая. Она вытащила из кармана очки и нарочито медленно стала разгибать душки. Парочка эта показалась мне престранной. Директор же, не произнеся ни слова, направила в сторону книжного шкафа руку. Ни самого кристалла, ни его свечения я не видела, но с полки выплыло две книги. Это было крайне полезное умение. Мне захотелось научиться также. Тут же в мои мысли влезла Поганка, словно ее мнения кто-то спрашивал:

— Дурная башка, забудь об этом.

Из-под опущенных век я следила за книгами. Они плавно опустились на пол и, вспыхнув голубым свечением, приняли форму стульев. Я округлила брови. Я что, в этот момент моргнула? Не могла же я пропустить самый интересный момент? Чтобы скрыть изумление от увиденного, я уткнулась лицом в руки. Это было удивительно! Я однозначно должна научиться такому трюку. Создавать из одного предмета совершенно другой — должно быть невероятно удобно! Где-то по краю сознания у меня скользнула идея, что это может

распространяться и на живые объекты.

— Сбавь обороты, паршивка, — фыркнула Поганка.

Я хотела огрызнуться, но прозвучавший властный голос, занял все мои мысли. Я посмотрела на директрису — та уже сидела, грациозно закинув ногу на ногу. Лёгкий кивок, и только тогда наставница последовала её примеру, робко опустившись на край стула и сложив руки на коленях. Я почесала затылок. Странно.

— Студентка Мива Сорен, у нас есть вопросы к вам. Будьте любезны отвечать только правду.

Виссари прожигала меня взглядом — он был тяжёлым, давящим. Встречи с таким взглядом хочется по возможности избежать, что я благополучно и сделала, покосившись на свои ногти.

Заправив прядь за ухо, я кивнула.

— Конечно, я готова ответить на любой вопрос, — я робко улыбнулась.

Глава 5

От расспросов преподавателей, а особенно директрисы, я ожидала всякого – подозрений, провокаций или попыток поймать на противоречиях. Но нет. Всё прошло достаточно безобидно – я прикинулась дурой, и мне повезло, они на это повелись. Мысль, что здешние педагоги не сильно хорошего обо мне мнения, на какое-то мгновение опечалила, но в этом были и свои плюсы. Нет завышенных ожиданий, требований, и на меня не подумают в первую очередь. Ну и пусть Поганка потешается, я не видела повода расстраиваться. По крайней мере, убеждала себя в этом.

Главной улики против меня – пореза на ладони – не было. Я снова поблагодарила за это Поганку, на что та подозрительно резко замолчала. Дальше требовалось подобрать правильные слова, интонацию и поведение.

— Значит, студентка Сорен, вы утверждаете, что пошли ночью на свидание? — губы Виссари стали походить на изломанную линию. На меня она больше не смотрела, почти не моргая, что-то разглядывала за окном.

— Да! — вспыхнула я, но тут же стушевалась. — Ну, нельзя назвать это свиданием. Но я бы хотела, чтобы это было именно оно, — я теребила край рукава жакета, копируя жест Пэм.

Ещё до начала разговора я продумала своё оправдание,

и в этом мне помогла, на первый взгляд, лишённая смысла болтовня врача утром.

Мистер Оффре и мисс Руни, как услужливо подсказала их фамилии Поганка, внимательно слушали рассказ, ни разу не перебив. Но, скорее всего, причина была в директрисе, ведь она не разрешала им говорить. Я пыталась разгадать их настоящее отношение к моему рассказу – верят они в эту чушь или нет, но мужчина только и делал, что глуповато улыбался, а наставница и вовсе на меня почти не смотрела, пристально следя за Виссари.

— Гадюшник какой-то тут, — прокомментировала Поганка мои мысли.

Я вновь осмотрела мисс Руни, пытаясь поймать её взгляд, но она удобно прятала его за черепаховыми несуразными очками.

Вообще наставница показалась мне крайне нелепой – с зелёными ботинками на шнуровке, того же цвета шерстяной юбкой в крупную жёлтую клетку и бархатными фиолетовыми перчатками. Вся её одежда была минимум на два размера больше и висела бесформенным мешком. Неужели у преподавателя в академии для аристократов нет денег на индивидуальный пошив?

Мистер Оффре от коллеги не особо отличался: его длинные подкрученные усы, подколотый к лацкану голубой завядший цветочек меня жутко смешили. Как я узнала от Поганки, он был кем-то сродни нашей наставнице, только для

всех юношей.

— И с кем же у вас должна была состояться встреча? — вопрос Виссари выдернул меня из размышлений.

— Я понимаю, как это звучит, госпожа Виссари, — она снисходительно посмотрела на меня, от чего я немного растерялась, но решила продолжать: — Есть один уважаемый молодой человек

Поганка вмешалась незамедлительно – оглушила меня, расхохотавшись:

— Молодой? Человек? Серьезно? Он же старше тебя на год, а не младше на десять! Это звучит странно, как по мне.

Я замаялась, но мне помог мистер Оффре. По-щегольски подкрутив длинный ус, он наклонился вперёд и заговорщицки подмигнул.

— Вы можете не стесняться, мисс Сорен, и не употреблять таких вежливых обращений.

— Мисс Сорен разговаривает, придерживаясь правил этикета, Олоф. Здесь не ваши казармы, набитые грубиянами, — голос у мисс Руни противоречил её заурядному внешнему виду. Он оказался достаточно низким и властным, с оттенком лёгкого ехидства.

— Ох, дорогая моя, заглядывали бы вы в мои, так называемые, казармы почаще, цены

Виссари щёлкнула пальцами, и странная парочка тотчас замолчала. Мисс Руни, скривившись, отвернулась к окну, мистер Оффре закатил глаза. Мне стало интересно – такая

бурная реакция у них друг на друга или на директрису?

Поганка рассмеялась, заполнив голову скрипучим голо-сом. Я спросила у неё, прервав истерику:

— Как думаешь, казармы эти, что в его понимании означают? Надеюсь, он про общежития говорил.

— Надейся! — в последний раз хохотнула Поганка, и лукаво продолжила: — Хотя ты и не помнишь, но я забегу вперед — он вообще любит поговорить на разные темы касательно соития двуногих особей. Чему только учит своих подопечных.

— Всё-всё, я поняла, благодарю.

Я посмотрела на Виссари — выражение лица у неё несколько не изменилось, оставаясь по-прежнему каменным, с налётом высокомерия. Она обратилась ко мне:

— Так что за юноша, мисс Сорен? Только поскорее и без лишних подробностей.

Видимо, она не хотела тут засиживаться, и история про простушку-первокурсницу, влюблённую в знатного юношу, её полностью устраивала. Наверное, подобное случалось нередко.

— Мне нравится кое-кто, — я старалась изображать влюблённую как могла. Для этого приходилось ковыряться в памяти. С этим мне повезло, ведь в прошлом я действительно помешалась на одном парне. И сейчас мне только требовалось проговорить всё, что когда-то терзало меня. Я потупилась в пол, не переставая томно, как мне казалось, взды-

хоть: — К сожалению, он ещё много кому нравится, — и это была чистая правда, — и на меня совсем не обращает внимание. Мне так хотелось привлечь его внимание, что я нарушила правила. Мне так стыдно, — я постаралась выдавить из себя слезу, но не получилось и пришлось обойтись очередным вздохом, но больше печальным, нежели романтическим. — Я подвела доверие наставницы, выставила себя посмешищем. Бедные родители. Как они будут грустить, если меня исключат.

Внезапно Поганка подала голос:

— Ладно, я тебе помогу. Мне нравится твоё выступление.

Я не знаю, что та сделала, но слезы потекли ручьём. Просто взяли и полились сами собой. И тут я чуть не попалась — чуть не улыбнулась.

К моему удивлению, первым растрогался мистер Оффре. Из нагрудного кармана он вытащил платок, протянул его и, покачивая головой, начал с усердием прокручивать ус меж пальцами.

— Мисс Сорен, прошу, давайте без лишней драмы, успокойтесь, — Виссари нахмурила идеально подведённые брови, — я пока не планировала вас исключать, — она из-за плеча взглянула на мисс Руни. — Объясните, почему вы были вся в грязи и использовали кристалл?

В этот момент иголочка тревоги засела в горле. Они нашли труп попугая? Но раз мы сейчас так мило беседовали, значит, овраг не обыскивали? Или просто у них есть другие

подозреваемые? От напряжения я стиснула челюсть. Еще когда шла сюда с Пэм, я вспоминала о ноже, которым зарезала птицу. Я ведь бросила его там, совершенно не подумав о последствиях. Тут в мои мысли вошла Поганка:

— И куда бы ты его дела? Проглотила бы? Тебя же передевали в больничном крыле или ты забыла?

На это мне нечего было возразить.

Молчание затягивалось. Мистер Оффре перестал трогать усы, мисс Руни напряглась, одна Виссари оставалась спокойной. Пора было сказать хоть что-нибудь.

— Я плохо помню, — тихо прошептала я. — Я помню, как на меня холодно смотрели, а потом отвергли. А потом как в тумане — я куда-то шла, спотыкалась и снова шла. Начался ливень, и я в конце концов заблудилась. Я активировала кристалл, чтобы отыскать в темноте обратную дорогу, но почему-то силы начали быстро истощаться, — я испуганно посмотрела на них по очереди, задержавшись чуть дольше на мистере Оффре. Тот снова схватился за усы, но выглядел задумчивей прежнего. — Но я не помню, что-то подобное из уроков. Простите меня, — всхлипнула я, от чего у Виссари нервно дёрнулся край рта. — Я такая нерадивая ученица.

Я шмыгнула и хотела утереть нос рукавом блузы, но вовремя вспомнила про платок. Почему-то мне было очень весело от происходящего: сердце колотилось как сумасшедшее, подрагивали пальцы. Главное, чтобы они не учуяли подвоха.

Послышался шорох одежды, и мисс Руни поднялась со стула. Она пересела ко мне на кровать и взяла мою ладонь в свою. Поганка насмешливо фыркнула, я же умилилась. Хорошо, что она верила мне.

— Это не твоя вина, — примирительно сказала мисс Руни. Я жалобно посмотрела на нее. Губы затряслись. Она продолжила: — Это должно изучаться только на втором курсе. Такое случается, если испытываешь слишком сильные эмоции. Кристалл иногда

Краем глаза я заметила, как Виссари склонила голову к плечу, и наставница тут же замолчала и улыбнулась. Я мысленно отметила этот момент. Что там с кристаллом не так? Да и про эмоции крайне полезно, буду это учитывать, когда захочу воспользоваться кристаллом в следующий раз. Мисс Руни вздохнула:

— Это мой недочёт

Она сама подсказала дальнейшее поведение. Я тут же воскликнула:

— Нет-нет, наставница! — я замотала головой, между делом пытаюсь высвободить руку из её, надо сказать, стальной хватки. — Если бы я больше училась, а не мечтала о сэре Ланце, то не попала бы в подобную ситуацию.

Лиам Ланц Имя всплыло само собой и прозвучало в мыслях с такой неподдельной нежностью, что от неожиданности я застыла на несколько секунд, и этого хватило, чтобы мисс Руни снова завладела моей рукой. До этого я не помнила,

как его зовут.

Если соседки в воспоминаниях представляли передо мной как лысые Ырки, то от одной мысли о Лиаме по телу растеклось приятное тепло, и мне стало крайне неловко, но ощущения были до того навязчивые, что от нахлынувшей исто-мы избавиться удалось не сразу. Из тупого оцепенения меня выдернул звучный голос мистера Оффре:

— Тут всё кристально ясно. Вы, барышня, не первая и не последняя. Сожалею, — он потянулся в карман, но остано-вился на полпути и, хлопнув себя по ноге, хохотнул: — Что ж, я уже отдал вам платок. Можете использовать его по пря-мому назначению.

Я кивнула и громко высморкалась, отчего выражение ли-ца мужчины в секунду переменялось.

— Простите, я постираю, — пробурчала я в ткань. Мне стало смешно от происходящего, и я перестала думать о Ли-аме.

— Ничего страшного, барышня, — неловкость сквозила в голосе мистера Оффре, — оставьте себе. Если не Ланц, так платок

Я прыснула со смеху, но сидящей рядом наставнице, ка-жется, показалось, что я заплакала. Она до боли стиснула мою руку и рассерженно посмотрела на мужчину, желая ему чем-то ответить, но её остановила Виссари:

— Прекратите, — она рывком встала и скрестила руки под грудью. — Я наслушалась достаточно. Ваша история схо-

дится с версией ваших леди-соседок, что вечером вы шли в сторону мужского общежития. Должна ли я напоминать, как это аморально? — она сверкнула глазами, и я нервно проглотила слюну. Вот же повезло так повезло. Виссари прищурилась. — Что касается сэра Ланца — она метнула недовольный взгляд на мечтательно смотрящего в потолок мужчину. — Мистер Оффре.

От внезапного обращения он чуть не подскочил.

— Да, госпожа директор?

— Лиам Ланц ваш подопечный, так что выясняйте подробности с ним сами, — она стояла как статуя, и лицо её приобрело раздражённое выражение.

— Я вас понял, директор. Завтра как раз занятия с его курсом, — мистер Оффре поднялся.

Подмигнув мне, он направился к выходу.

— Смех, да и только, — прокомментировала Поганка.

Глаза округлились, брови поползли вверх. Что будет, если Лиам опровергнет мои слова? Я ведь не знала, что он за человек, захочет ли он помочь мне? Когда придумывала про свидание, я напрочь забыла о том, что Лиам тоже будут опрашивать. Какой кошмар!

Мисс Руни приобняла меня напоследок, отвлекая от тревожных мыслей. Я медленно перевела на неё взгляд.

— Не бойсь, — протянула Поганка. — Завтра найдём твоего миленького сэра Ланца. Возможно, получится с ним нормально поговорить.

Удивительно, но её слова немного успокоили, и я смогла взять себя в руки и сосредоточиться на мисс Руни.

— Я распоряжусь, чтобы вам подготовили тёплую воду,
— наставница улыбнулась.

Сейчас, не в присутствии директрисы, она выглядела более расслабленной и счастливой. В принципе, эта женщина начинала мне нравиться: добренькая, сочувствующая. С ней точно будет легко найти общий язык. Мисс Руни уже развернулась, но, словно спохватившись, пристально посмотрела на меня и добавила:

— Только обязательно дождитесь вашу горничную. Сами ничего не делайте.

Наставница вернула стулья к первоначальному виду так быстро, что я даже голубой вспышки не заметила, которая была у Виссари, и, уже взявшись за ручку двери, обратилась ко мне:

— За кристаллом зайдите завтра утром ко мне, — она улыбнулась и, пожелав приятного отдыха, вышла.

Как только дверь за ней закрылась, я стянула с себя неудобный форменный жакет и растянулась на кровати. В голове вертелась Поганка, радостно попискивая. Всё закончилось благополучно, если не считать небольшую погрешность, которую стоило завтра исправить. Долгожданное спокойствие растекалось по телу, и мне казалось, что и я вместе с ним растекаюсь по кровати.

— Вот она – сила восприятия, — закончив вертеться, ска-

зала Поганка.

— Ты о чём? — спросила я вслух.

Она провернулась в голове.

— О том, что ты смотришь на всё новым взглядом, под новым углом, — она недолго помолчала и продолжила: — Возможно, от тебя будет толк. Поживём – увидим.

Теперь настало время думать о соседках. Учítывая, что я с ними почти не общалась и всячески избегала, мне стал интересен их подлинный мотив. Хотели ли они помочь или наоборот пытались поставить в неловкое положение?

— А чтобы это узнать, придётся с ними пообщаться.

Я махнула рукой.

— Рано или поздно придётся, но точно не сегодня. Хватит с меня разговоров. Пока буду считать, что они, специально или нет, помогли мне, — я закинула руки за голову и скрестила ноги. — Меня больше волнует этот сэр Ланц. Чучнар этакий, — добавила я в конце и сама не поняла зачем.

Перед глазами возник образ светловолосого молчаливого юноши. Он сидел один в изумрудном зале библиотеки, за столом возле приоткрытого окна, и рядом с ним возвышались несколько книжных стопок. Я же пряталась за стеллажом сбоку. Пристально следила за его движениями, как он переворачивает страницы, склоняется над бумагой и что-то выписывает. Подул лёгкий ветерок, и его достающие до плеч волосы, что к моему удовольствию в этот день были распущены, упали ему на лицо. Я задержала дыхание. Мне так хо-

телось, чтобы он обратил на меня внимание, поговорил со мной. Сейчас мне казалось это чем-то ненормальным. Собственно, как и моя необоснованная ненависть к соседкам, привязанность к нему также появилась на пустом месте. В тот день мы впервые поговорили. Точнее, говорил Лиам. Не смотря в мою сторону, не рыща взглядом по библиотеке, он каким-то образом почувствовал меня. Поздоровался и попросил больше не прятаться.

Поганка захохотала от этих воспоминаний. Как же мне сейчас было стыдно, а ведь тогда я приняла эту реплику за оказанное внимание. Я даже на секунду не задумалась, что выставляю себя полной дурой.

Я рывком села на кровати.

— Со стыда умереть! — всплеснув руками, я поднялась. — И мне завтра предстоит с ним разговаривать!

— Тебе что, серьёзно стыдно? — голос Поганки казался удивлённым.

Я не ответила и подошла к окну, выглянула на улицу. Когда же придёт горничная, чтобы я смогла помыться? Как объясняла Пэм, грязь с меня счистили при помощи кристалла. Сейчас же я начинала чувствовать, что у меня чешутся предплечья, ладони кажутся грязными. Мне нужно было помыться. Я направилась к шкафу, разговаривая с Поганкой:

— Лиам мне очень нравился. Такие сильные эмоции, — задумчиво проговорив, я распахнула дверцы и начала копаться на полке, где лежали чистые сорочка и домашний ха-

лат. — Может, посоветуешь, как поначалу лучше себя вести с соседками?

Поганка хрюкнула:

— Как ты быстро сменила тему.

Я вытащила панталоны в цветочек и, перекинув их через плечо, потянулась за сорочкой.

— А что? Я, конечно, постараюсь избежать встречи с ними, но

Я замолчала, скосившись на книжный шкаф. Как же наставница ловко превратила стулья обратно в книги. Даже быстрее директрисы. Я подошла к полке и вытащила одну из них.

Книга как книга — почему-то мне казалось, что после такого кристального воздействия должен остаться хоть какой-то след. Свечение, например, или потёртости, царапины. Я провела рукой по обложке, нет, всё идеально. И почему мне сразу не отдали кристалл?

Я сунула книгу обратно.

— Ну ты можешь просто отмалчиваться, — тихо сказала Поганка, возвращая мои мысли обратно к соседкам. — Или отказаться с ними разговаривать. Главное, сделать это грубо.

— Почему грубо? — скрестила я руки на груди.

— Потому что так ты раньше себя вела, — ответила Поганка.

— И это всё? — я села на стул и, подперев щеку, задумчиво уставилась в окно. — Твои гениальные идеи на этом

иссякли?

— А что ты хочешь? В любом случае они заметят разницу, если не совсем кретинки, а так хотя бы ты сможешь отсрочить это, — съязвила Поганка. Я хмыкнула. Немного радовало, что сущность унижала не одну меня. Она продолжила. — А вот свои северные словечки лучше придержи. Ырки, понимаете ли. Чучнары. Видала я твоих Чучу...

Она посмеялась, а я нахмурилась.

— Я даже не знаю кто это, или точнее сказать не помню. Просто на языке вертелось, — пожала я плечами.

Поганка усмехнулась, проползла под черепом от одного уха к другому.

— О, это такой народец северный. То ли полумедведи-полулюди, то ли медведи с оленьими рогами, но изредка ходящие на двух ногах, — Поганка задумалась. — Я это по твоим воспоминаниям сужу. Их мех ценится, кожа очень дорогая, учитывая, что её надо сдирать заживо

Меня передёрнуло, и я перебила её:

— Давай пока без подробностей обойдёмся?

Она фыркнула:

— Какие мы нежные стали.

Дожидаюсь горничную, мы проговорили с Поганкой какое-то время. Это было удивительно – за несколько дней мне впервые удалось разговорить её на нечто большее, чем пустая болтовня или оскорбления. Оказалось, что Поганка находилась в иномирье настолько долго по человеческим мер-

кам, что мои воспоминания ввели её в некое замешательство. Она не узнавала изменившийся мир. К сожалению, больше выведать не удалось, Поганка как-то подозрительно затаилась и затихла.

Горничная так и не пришла, и я решила взять всё в свои руки. Что уж, я воды набрать не смогу?

Я осторожно выглянула в гостиную – соседки ещё не вернулись с учёбы, и мне повезло разминуться с ними. Да, я оттягивала неминуемую встречу как могла.

Добежав до самой неприметной, на мой взгляд, двери, я юркнула в ванную. Сладкий водоворот запахов ударил в нос, и я чихнула. Затем ещё и ещё. Я бросила сменную одежду на кушетку и начала рассматривать бежевые стены. И почти не удивилась, когда насчитала парочку гипсовых младенцев.

— Думаю, это мрамор, — с многозначительным тоном влезла в мысли Поганка.

Комната была наполнена хрустальными вазами с розами, кадками с фикусами и множеством зеркал разных форм. Сама ванна стояла в центре.

Я подошла к ней и осмотрела со всех сторон. Откуда берётся вода? Водопровода же нет. Задумавшись, я села на край. Если судить по воспоминаниям, то дома на севере у нас как раз-таки был водопровод. И работал он на силе кристаллов. Значит, и здесь должно быть также, разве нет? Я оглядела комнату ещё раз, хотела отыскать спрятанный кристалл, чтобы убедиться в догадке, но, взгляд зацепился за ок-

но. Действительно, как же в ванной обойтись без окна! Почему-то это меня разозлило, и я, подойдя к нему, потянулась, чтобы открыть, но вместо этого рука прошла насквозь, пока не ударилась о шершавую поверхность стены. «Окно» покрылось мелкой рябью.

Неужели иллюзия? Но как?

Так бы я и водила замороженно рукой, если бы не Поганка.

— Это кристаллики так делают. Причём не один, — со знанием дела заключила она.

— То есть как? — я отошла от стены, ещё раз оглядев «окно».

— Ну ты и недогадливая, — фыркнула Поганка. — Точно также как свет в лампах, только с дополнительной проекцией, которую пожелает создающий.

Проекция? Подобное слово я слышала впервые.

— Что это значит? — как-то недоверчиво поинтересовалась я и снова опустилась на край ванны.

— То что видишь, то и значит, — отрезала Поганка и ничего не добавила, будто обидевшись.

Вопросов становилось больше, а ответов как не было, так и нет. Сплошная путаница. Я вздохнула. Что ж, нет смысла гнаться за ветром, буду узнавать обо всём постепенно.

Я закинула ногу на ногу и облокотилась о колено. Ста-
ла прожигать взглядом дверь. Когда-нибудь же эта неради-
вая горничная придёт, мне срочно надо было вымыть воло-
сы, ведь помимо рук зачесалась голова. Я убеждала себя, что

это от обилия информации, а не вши.

Глава 6

Когда горничная всё же удостоила меня своим драгоценным вниманием, я кипела от раздражения. Ощущение немытого тела сковывало движения, кожа чесалась, и я не находила себе места. То стояла, пялясь в одну точку, то сидела на краю ванны, сцепив на коленях руки.

Стоило девушке, одетой во всё серое, приоткрыть дверь, я тут же сорвалась на ней. Обвинения и обзывательства посыпались как из распахнутого мешка. Девушка извинялась, приседала с поклоном, уверяя, что выполнит работу быстро, но я не слушала и даже не собиралась начинать. Её курносое лицо казалось смутно знакомым, и это было удивительным, ведь я почти никого здесь не помнила, но сейчас меня это не особо волновало. Я обзывала её жалкой, некомпетентной, заторможенной и подобными неприятными словечками.

«Эта змея всё такая же уродина», — подумала я и, опешив от внезапной мысли, замолчала. Нахмурившись, я потупилась в пол.

Пока я не понимала, что происходит и откуда взялись подобные мысли, лицо девушки вытянулось, и она начала лепетать. Спрашивала, что со мной случилось, ведь мы так хорошо общались, чуть ли не сдружились.

Решив, что внезапные странные мысли это у меня от пережитого потрясения, я вскинула руку и приказала ей помал-

кивать и пошустрей набирать воду. Уж больно многое она себе позволяла, особенно в сравнении с тихоней Пэм. Пуча глаза, горничная пыталась вызнать, как я себя чувствую, причитала, что не хотела опаздывать, но при этом не спешила наполнять ванную.

— Вы же понимаете, мисс? Как поживает Тоня? Вы к ней не ходили, что она рассказывает? Она такая непутёвая

Я закатила глаза. Что ещё за Тоня такая? Кто это вообще? Раздражение переполняло меня, и я отошла от девицы подальше. Она же, словно не заметив моего настроения, продолжила извиняться и говорить о каких-то незнакомых людях. Имена сыпались на меня, но я не успевала за ними. Кто сделал? Что сделал? Злость сменилась растерянностью. Я как одурманенная стояла у изголовья ванной чаши и смотрела на горничную. Заколотый наспех пучок жидких волос, будто она собиралась впопыхах, мятая серая юбка и закатанные по локоть рукава такой же серой блузы. Я не понимала, зачем вообще обращаю на это внимание. Из-за болтливости этой девушки и её яркой эмоциональности я сделала вывод, что в прошлом у нас действительно могли быть доверительные отношения.

— Кто она такая? — мысленно спросила я у Поганки. — Что ей надо?

Пробурчав что-то неразборчивое, та всё же соизволила ответить:

— Зовут Кэт. Судя по воспоминаниям, она ещё та сплет-

ница, но тебе подобное нравилось.

Я вздохнула. И всё? Казалось, что Поганка о чём-то не договаривает, но настаивать я не стала. Хотя бы стало понятно, почему она так себя вела. Но неужели ей не с кем было пере-мыть кости? В академии столько работников, а она выбрала какую-то незнатную ученицу-злючку. Странно, конечно, но я решила не придавать этому значение.

Пока девица лепетала, перед глазами всплыли воспомина-ния о дорогой маменьке и как та общалась с прислугой дома. Она никогда их не била, не кричала, в отличие от некоторых других хозяек, но была сурова, держала в строгости. Они пы-тались заслужить её одобрение, безмерно уважали. Выходи-ло, что мать очень даже неглупая и справедливая женщина. По своим северным меркам. И почему я раньше так её не любила?

Кэт же без устали болтала: жаловалась на экономку, стра-дальчески взмахивая руками, обзывала её старой жабой, сморщенным стручком гороха. Я стояла, смотрела на неё и понимала, как сильно она меня утомляет. Сейчас я покажу ей, что подобного панибратства впредь не потерплю.

Я елеино улыбнулась, и это подействовало незамедлитель-но. Кэт напряглась, уголки её губ опустились.

— Не начнешь набирать воду, я оттаскаю тебя за ухо и поведу к мисс Руни, — глаза её распахнулись, стоило произ-нести имя наставницы. На мгновение лицо её перекосило. Я решила уточнить: — Тебя же мисс Руни прислала?

Кэт криво улыбнулась.

— Конечно, кто бы ещё? — гораздо тише отозвалась она.

Я мотнула головой в сторону всё еще пустой ванной, и, о чудо, Кэт вытащила из фартука скруглённый кристалл ярко-синего цвета. В этот момент она выглядела какой-то тревожной и рассеянной. А я поражалась бестолковой прошлой себе, которая прожила восемнадцать лет и не научилась обращать внимание на важные вещи. Например, как наполняется здесь вода.

— Чем же это так важно? — язвительно хмыкнула Поганка.

— А тем, что я не хочу ждать этих копуш, когда они наберут воду, — мысленно ответила я, подражая интонациям Поганки.

Она усмехнулась:

— Всё же лучше самой таким не заниматься.

На мой резонный вопрос почему, Поганка лишь провернулась в голове, отзываясь болью.

Кэт стиснула в кулаке кристалл. Её челюсти были крепко сжаты, брови нахмурены, казалось, что ей совершенно не нравится происходящее. Я лишь скривила губы. Мне-то что с её недовольства? В отличие от Пэм, Кэт мне совсем не приглянулась.

— А забавно, что у них имена как клички собачьи, — заметила Поганка.

Я непроизвольно покосилась на своё отражение.

— А моё, как у лошади? — тоже посмеялась я.

— За жизнь ты сменила много имён. Последнее — Алистер, например, — шутливо сказала она.

Теперь понятно, почему она меня так обзывала.

Я вернула внимание на насупленную Кэт. Она уже призвала воду — та появлялась прямо из кристалла, сперва принимая размазанные синие очертания, наслаивающиеся друг на друга, потом становилась похожей на голубоватые крошечные слезинки-кристаллы, которые постепенно сливались в единый поток и обесцвечивались. В саму ванну вода попадала прозрачной. На меня это произвело ещё большее впечатление, чем манипуляции директрисы и наставницы с книгами. Я даже не сразу поняла, что наклонилась над ванной и внимательно всматриваюсь в набирающуюся воду. А вода ли это вообще? Я зачерпнула ладонью жидкость. Поднесла к лицу и принялась — ничем не пахло. Попробовала на вкус — безвкусная. Вода перестала литься, и я сердито глянула на изумлённую Кэт.

— Мисс Сорен, вы чего?

Я закатила глаза. Ну почему Пэм не позволяла себе глупых расспросов? Я понимала, что Кэт первоклассная сплетница, и что моё странное поведение будет уже сегодня вечером на языках у других слуг. Мне снова припомнилась нелюбимая матушка — как она поучала меня и Луиз. По её мнению — хорошая и верная прислуга и рта не откроет в присутствии господ без их одобрения.

— Тебя так заботит моё поведение? — спросила я спокойным голосом. — Набери уже ванну и отправляйся по своим делам. Думаешь, поговорили пару раз, и я теперь дружить с тобой обязана?

Кэт надула губы, но промолчала и снова активировала кристалл. Я же отошла и присела на кушетку, пытаюсь вспомнить наши прошлые разговоры. Кэт всегда вела себя раскрепощенно и общительно, рассказывала смешные истории про других работников, преподавателей. Тогда мне было только в радость послушать, ведь я тоже любила злословить. Какое же удачное знакомство.

Когда ванна полностью набралась, Кэт спрятала бледно-голубой, почти прозрачный, кристалл в фартук и покачнулась. Её лицо посерело, затряслись руки. Она жалобно взглянула на меня, а я показала ей на дверь.

— Но разве

Закончить я ей не дала.

— Уж помыться я смогу сама. Надеюсь, этот разговор больше не поднимется.

Держась за голову, Кэт медленно вышла из ванной. Я провожала ее пристальным взглядом. Неужели создание воды так вымотало ее? И почему цвет кристалла изменился? Пока я раздевалась, Поганка пробурчала:

— Странная она.

Я кивнула. Всё же немногословность Поганки меня настораживала, и я спросила:

— Ты знаешь что-нибудь о ней?

Поганка многозначительно хмыкнула:

— Кое-что.

— А что с кристаллом? — не унималась я. — Почему он цвет изменил?

Послышалось неразборчивое мычание.

— Устал, — неохотно ответила она.

Я сунула ногу в воду. Горячая — то, что нужно. Встав в ванную полностью, я одним движением опустила и сразу потянулась к баночкам с мыльными растворами. Пока я решила принять правила и не размышлять над качеством воды и ее возможными свойствами. Ещё будет время во всём разобраться.

— Я так полагаю, мне не ждать подробностей? — хоть реакцию я и предвидела заранее, всё же спросила.

Как и ожидалось — Поганка промолчала.

Одевалась я, будучи совершенно другим человеком — спокойным и довольным. Я немного покрасовалась перед зеркалом, нанесла легкий крем и заплела волосы. Как не шутила Поганка, всё же бабкой я определённо не выглядела. Я склонила голову к плечу, рассматривая себя. Если судить по воспоминаниям, то я очень походила на отца — вылитая копия. Об этом говорил всякий, кто видел нас рядом.

Отца в прошлом я тоже не любила, но, в отличие от матери, побаивалась. Я ещё раз взглянула на себя. Провела рукой по волосам. Хоть с отцом мы как две капли, он никогда не

обращал на меня внимание. Опять же, сейчас беспристрастно анализируя воспоминания, я делала вывод, что холоден он был со всеми нами. Замечал лишь старшего брата, а своими четырьмя дочерьми и младшим сыном совсем не интересовался. Я отвернулась. И почему я этого не замечала? Вбила себе в голову, что только на меня родителям всё равно.

Мыльная вода до сих пор наполняла ванну. Как её слить, я не знала. Дома она уходила по трубе и утекала в каналы, ведущие в реку, а затем в море. Здесь, видимо, её убирали кристаллом.

Как я помнила, грязную одежду забирали горничные каждый вечер. В комнате стоял шкаф, разделённый тремя подписанными перегородками – Мива, Надия, Франсина. Когда я открыла дверцы, здесь уже были домашние халаты. Повесив одежду, я поспешила уйти.

Я приоткрыла дверь, и до меня донеслась мелодичная музыка. Кто-то играл на рояле. Я так и замерла в оцепенении, стиснув дверную ручку.

— Будь проклята эта ленивая Кэт! — гневно воскликнула я про себя.

— О, подруга, не успела ты спрятаться в комнате, — хихикнула Поганка и затаилась.

Ну что поделать, не избежать мне сегодня встречи с соседками. Пока я выходила в общую гостиную, обдумывала предстоящий разговор и подбирала убедительное оправдание моей внезапной перемене. Но я надеялась, что они ока-

жутся либо глуповатыми, либо безразличными.

За роялем сидела рыженькая, та, что Надия. Она виртуозно перебирала пальцами, то отклоняясь, то наклоняясь над клавишами, и её растрёпанная чёлка покачивалась вместе с ней. Франсина же сидела на диване спиной ко мне и читала книгу. Я сразу обратила внимание на её идеальную осанку, сложную причёску с вплетёнными крупными жемчужинами в чёрные волосы.

Первой меня заметила Надия. Звук рояля оборвался, скрипнула банкетка. Надия шустро подскочила и, не поправив выбившуюся блузу из форменной юбки, шагнула ко мне. Метнув взгляд на Франсину, она замерла. Всё это время я стояла неподвижно. Франсина медленно отложила книгу на соседнюю подушку, поднялась. Когда она повернулась, лицо её озарила лёгкая приятная улыбка. Фальшивая. Я это понимала, хоть уличить Франсину в неискренности было невозможно. Я тоже улыбнулась одним уголком рта, отчего Надия тут же поджала губы. Всё происходящее сейчас в гостиной походило на бульварную комедию. Стоят три девицы и плятятся друг на друга.

Первой заговорила Франсина. Голос её звучал бархатисто, располагая к себе, не тихо и не шибко громко. Одним словом, идеально.

— Мы переживали за тебя, дорогая, — она обогнула диван и пошла ко мне.

Её форма, в отличие от Надии, сидела безупречно. Прита-

ленная, ни одной торчащей нитки или складочки. Пока она шла, я старалась держаться приветливо, но не смогла – улыбка сменилась брезгливым изломом. Франсина, делая вид, что не заметила моего выражения, взяла меня под локоть. Поганка тут же подметила, что её хлопковые синие перчатки идеально сочетаются с форменным жакетом, и что они наверняка жутко дорогие. Я уже хотела подивиться такой бесполезной способности – обращать внимание на подобные мелочи, но вспомнила, что именно она восхищалась голыми гипсовыми младенцами и окружающему богатству, которое для меня было чрезмерно.

Я поддалась Франсине и позволила усадить себя на диван, пока Надия по-прежнему стояла возле рояля. Взяв мою безвольную руку в свою, Франсина заглянула мне в глаза. Я прищурилась. Очень хотелось понять её настоящие эмоции. Но лоб её оставался гладким, а на губах будто выплавилась улыбка. Я глянула на Надию, она натянуто улыбнулась в ответ, но ничего не сказала. Обсуждали ли они меня? Определенно. Франсина нарушила неловкое молчание между нами:

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? — участливо поинтересовалась она.

Снова эта «дорогая». Любезное, ничего не значащее выражение. Насколько я помнила, у меня на родине – на севере – не использовали подобное выражение. Называли друг друга гражданами, да и всё на этом. Руки мы друг другу тоже не трогали – обмен рукопожатиями нёс некий сакральный

смысл, значение которого я, к сожалению, позабыла. Франсина вроде была с юга. Я высвободила руку из её дорогих перчаточек.

— Сносно.

Краем глаза я заметила, как пристально разглядывает меня Надия – не моргает и щурит глаза. Ужасно невежливо, учитывая, что она аристократка. Хотя я дочь пусть и зажиточного, но всего лишь промышленника с севера, и не мне судить о её манерах. У меня ведь их нет от рождения. Я стиснула челюсть. Можно упрекнуть Надию в невоспитанности и усугубить наши отношения, но ведь я и сама недавно грубила прислуге, а непоследовательной я быть не хотела.

Немного отклонившись назад, я снова посмотрела на Франсину.

— У меня болит голова, — с безразличием сказала я.

Надия шагнула к нам, сложила руки на груди, от чего блуза начала топорщиться еще сильнее, и выпалила:

— Поэтому ты ударила прислугу?

Я удивилась, но постаралась никак этого не показать. Вот, значит, как. Что именно Кэт хотела этим сказать? Мстит таким образом? Намекает, что лучше с ней не враждовать? Ну что ж, это будет мне уроком. Тут, среди молодых леди и лордов, даже с горничными следует трижды подумать, прежде чем разговаривать.

Я вздохнула и ещё раз осмотрела Надию – вздёрнутая чёлка выглядела глупо. В мои мысли вошла Поганка:

— Назови её кривоногой цаплей, — злорадно заскрежетала она, — хочу посмеяться над ней.

— Стихни, — буркнула я про себя.

Естественно, ни оправдываться, ни что-либо говорить Надии я не собиралась. Пусть считают, что ударила. Переубедить их вряд ли бы получилось.

Франсина попыталась разрядить обстановку. Она сложила руки на коленях, сперва проведя ими по юбке, и нежным голосом спросила:

— Мы слышали о твоём ночном приключении, ты ударила голову? Как ты себя чувствуешь? — от слащавого голоса меня чуть ли не передёрнуло. Её взгляд ни на секунду не отлипал от моего лица. Вот же прицепилась.

Если по воспоминаниям меня больше злила Надия, её бьющая фонтаном энергия и разговорчивость выводила из себя, то сейчас я отлично понимала, что главная в их дуэте именно Франсина. Её притворство было великолепным. А ещё она умела держать себя в руках — мне было чему поучиться. И кажется, то, что ляпнула Надия, Франсине не понравилось. Хоть лицо её и осталось любезно-учтивым, я всё же заметила, как она стиснула пальцы на колене. Я усмехнулась про себя — неужели подвёл самоконтроль?

— Это наша вина, — Франсина печально вздохнула, и я нахмурилась. — Мы не уследили за тобой, — сказала она и замолчала, ещё пристальней впившись в меня взглядом.

Надия хмыкнула. Меня же чуть не перекосило от негодо-

вания. Зачем они выводят меня? От чего они там меня отговаривали? Весь предшествующий ритуалу день стёрся из памяти, поэтому я не могла точно сказать, о чём мы разговаривали. А разговаривали ли вообще? Я решила спросить Поганку:

— Может быть такое, что они придумали про мою прогулку?

На удивление Поганка ответила сразу:

— Вполне.

Я прикрыла глаза, руками взявшись за голову. Судорожно втянула носом воздух. Надо прекращать этот цирк.

— Девочки, вы думаете, что можете надо мной издеваться? — я подняла голову и, изогнув брови, посмотрела сперва на Франсину, затем на Надию. Та почти сразу отвела взгляд. Я сцепила ладони в замок и слегка улыбнулась: — Думали, что сможете подставить меня? — уголки губ Франсины дрогнули, но лицо так и осталось безмятежным. Надия стояла мрачная и недовольная, со скрещенными на груди руками. Я протяжно вздохнула: — Хотя я и не титулованная особа, в отличие от вас. Не леди, — выделила я последнее слово, — смеяться над собой не позволю.

Я уже собиралась подняться и уйти к себе, но Франсина положила руку мне на предплечье, останавливая. Её страсть к прикосновениям уже раздражала. Пусть на югах так ведёт себя. Я скинула с себя её руку.

— Ты не права, дорогая. Твоя родословная не делает тебя

хуже нас, — безэмоционально проговорила Франсина, смотря куда-то сквозь меня. Ей я ни на секунду не поверила.

Видимо, эта фраза не была заготовлена заранее, потому что Надия выпучилась на неё настолько удивленными глазами, что я не удержалась и скривила губы в подобие улыбки.

— Благодарю за беспокойство, леди, — я поднялась и рывком провела ладонями по подолам халата. — Увидимся завтра на учёбе. Сегодня обойдусь без ужина.

И, кивнув обеим, пока они не пришли в себя, я направилась в комнату.

Дошла я до неё как в тумане, кажется, слишком громко хлопнув за собой дверь. Хотелось одновременно смеяться в голос и что-нибудь пнуть — уж шибко сумбурными выдались у меня эти несколько дней. Но я сдержалась. Выхватив с полки книжку по краткой истории Фермийской академии и разбежавшись, я плюхнулась на кровать и завернулась в одеяло, как в кокон.

Поганка в голове лениво крутилась и что-то неразборчиво бормотала. А я не вслушивалась. Однозначно пока мне везло. Но надолго ли?

Я пошевелилась в постели. Халат съехал на бок и теперь вызывал неудобства, но мне было все равно. Настолько стало лень.

Меня беспокоили несколько обстоятельств: что делать с Лиамом, Кэт и точно ли я могу не переживать о проведённом ритуале? С Лиамом не должно быть особых трудностей, по

крайней мере я на это надеялась. Придётся проглотить гордость, смущающие воспоминания и попросить его соврать. А вот что касается Кэт Я оборвала бормотание Поганки:

— Как ты думаешь, что задумала Кэт? — постельное казалось не очень приятным – жёстким и колючим. Из-за этого я не могла удобно лечь. — Зачем она соврала соседкам о побоях? А вдруг она ничего не говорила, и они это выдумали?

Поганка притихла. Мне показалось это немного странным.

— Мне тоже любопытно, — после продолжительного молчания ответила она. — Сомневаюсь, что это соседки соврали – по рыжей цапле не похоже. Запишу-ка я эту дамочку Кэт в список потенциальных недругов, нужно будет расследовать это дело.

Я захохотала в голос, но сделала это тихо – ещё неизвестно, насколько в комнатах хорошая слышимость. Какое-то странное предложение. Расследовать Как будто у меня есть желание играть в сыщика.

— Конечно, я сперва спрошу мисс Руни. Надо бы и к экономке наведаться. Я же должна производить о себе хорошее впечатление, а с кого начать, если не с главной прислуги?

Поганка навернула пару кругов в голове. Наверняка она всё прекрасно знала благодаря моим воспоминаниям. Но спрашивать об этом я не стала – вряд ли дождусь ответа, да и устала я обдумывать происходящее со мной. Хотелось забыться, почитав что-нибудь монотонное и скучное, чтобы

скорее уснуть.

— Давай-давай. Жду твой перформанс с нетерпением, — сказала Поганка задумчивым голосом.

Не поняв смысл сказанного, я просто пожала плечами и хмыкнула, устроилась на подушке поудобней и принялась читать.

Глава 7

Мне снился красочный сон – я была первым директором «Фермы». Я стояла под крутой насыпью земли, торчащих веток и ещё какого-то хлама. Ветер хлестал по щекам, развеивал криво отросшую бородку. Неудобное верхнее платье путалось в ногах. Где-то валялся посох, в набалдашнике которого скрывался кристалл особой огранки, но я ума не могла приложить, где его искать.

Директор топнул ногой, и из-за насыпи показалась огромная голова Крокошипа. Длинная зубастая пасть цапнула, и из горла донеслось злобное блеяние. Звучало угрожающе, но мне стало смешно.

— Ничего смешного, он бы твою пустую голову откусил. Запросто, — откуда-то послышался скрипучий голос.

Директор поморщился, но не обратил на звук внимания. Противостояние продолжалось.

Снова рванул ветер. Теперь помимо бороды на ветру трепетали серые завитки шерсти Крокошипа.

— Покажись, душегубец, и прими честный бой! — голос директора разрезал воздух. Бас заглушал рёв ветра.

— Обойдешься, бревно двуногое, — блеял в ответ Крокошип. — Я тебе не поддамся, урод лысый.

— Лысый? Я не лысый! — кричал в ответ директор.

В голове что-то неприятно шевельнулось, и послышался

знакомый раздраженный голос:

— Ну это уже полная галиматья. Такого не было.

Вдруг директор стукнул себя по голове и не менее сурово произнес:

— О подселенец проклятуший, изгоняю тебя волею Таллидории!

На этом я распахнула глаза. Этот наглый директоришка посмел выкинуть меня из собственного сна! И сделал это так просто. И грубо. Я уткнулась лицом в подушку. Что вообще сейчас произошло? Сон еще и Таллидорию какого-то или какую-то приплел. В историях по основанию «Фермы» подобного персонажа не упоминалось. А как же всё хорошо начиналось – было увлекательно следить за приключениями Эльзара «Истерика» и его глуповатых учеников. По крайней мере, он их такими считал.

Я откинула одеяло и ногой отпихнула подальше к стенке. Халата на мне уже не было – он серой лужицей валялся на полу. Видимо, так надоед, что ночью я сняла его, сама того не заметив. За окном зарождался рассвет, и я скопсилась на часы – большая стрелка перевалила за пять утра. Значит, я могла еще полежать. Я щёлкнула себя по лбу и обратилась к Поганке:

— Это нормально?

— Чего тебе? Дай поспать, — рявкнула в ответ та.

О каком сне она вообще? Ей же не нужен отдых. На заданный вопрос, Поганка фыркнула:

— Так я же теперь у тебя в голове, а не сама по себе. Впитываю привычки двуногих человечишек.

Я почесала переносицу и решила спросить о том, что сейчас волновало в первую очередь:

— Странный сон. Тебе не кажется подозрительным, что этот дед заставил меня проснуться?

Поганка зашевелилась.

— Нет ничего странного, это же сам дед Эльзар, что ты хотела? Он и не такое может! — воскликнула она. — Помню его ещё совсем юнцом.

Я понимала, что совсем ничего не понимаю. В смысле может? В смысле помнит? Он же помер кучу столетий назад. А это всего лишь моё воображение.

— Ты просто глупая, что с тобой говорить об этом, — злобно язвила Поганка.

— А ты попробуй! — я мысленно рывкнула и рывком села на кровати. Вздохнув, улеглась обратно.

— Ладно – он живой, — важно заявила Поганка.

— Нет, он мёртв! Умер от приступа ухахатной колики в двести пятьдесят первом году от образования нагорья Найси, — я специально заглянула в книжку, чтобы проверить. Не ошиблась.

— Ну вот о чём и речь, ты глупенькая. Но не только ты – вы все такие.

Утро только наступило, а Поганка уже раздражала. Я стиснула кулак и поклялась сама себе, что выкину её из головы,

как только смогу. А ещё мне стало интересно, что за приступ такой. Что аж директора погубил. Сильный колдун был – так в книжке писали. И жил почти триста лет. Мои размышления прервала Поганка.

— Ладно, ладно, не плачь только. Просто этот дед меня разозлил. Быстро же бородатый слизняк догадался, что я к нему в голову залезла.

Я совсем запуталась. Закрыв глаза, я надавила посильней на веки. Что не день, то бред какой-то льется в уши.

— В общем, объясняю первый и последний раз. Никто никуда не умирает

Я перебила:

— Может, никогда?

Поганка зашипела, извернулась, больно царапнув внутри. У меня круги перед глазами поплыли.

— Это сейчас из-за скудоумия все считают, что раз ты умер то все, но, если событие произошло, значит оно уже существует, — наставнически говорила Поганка. — Мне скучно только в твоей голове сидеть, вот я и решила воспользоваться ситуацией и влезть к деду. А он это понял, старый хрыч.

Я думала над услышанным. Значит, приснившийся мне дед действительно сам развеял мой сон? Я заворочалась. Как-то сложно получалось. Я вроде и понимала то, о чем мне сказала Поганка, но осознать до конца никак не могла. Или не хотела. Что я наверняка знала – никто из подобных мне:

ни людей, ни других рас не могли лазить в головы к известным историческим личностям во снах. Это произошло по воле Поганки. Пальцем я рассеянно покрутила в ухе – что за существо она вообще?

— Ну скажи, вот ты залезла к деду в голову. Хоть не зря?
— спросила я вслух. И махнула рукой. Если кто и услышит, скажу, что лунатила.

— Ну как сказать. Оказывается, он редко мыл ноги. Я этого не знала, — Поганка гадостно посмеялась. — Удивительно, что именно эта информация лежала на поверхности.

Меня скривило от омерзения. Тут же зачесались ладони, потом предплечья и я решила, что надо бы помыться. Тем более, утром в общей гостиной прибирались горничные и получить горячую ванну не составит труда. Если там не Кэт.

Другие работники оказались расторопными и опрятными – идеальные тугие пучки на затылках, выглаженные платья, застёгнутые на все пуговицы. Заметив меня, одна сразу пошла набирать воду, другая юркнула в мою комнату, но тут же высунулась оттуда нахмуренной.

— Госпожа, зачем вы заправили кровать? — ее голос звучал несколько печально, что меня удивило. Я нервно крикнула, но ничего не ответила. Она тихо добавила: — Тоня говорила иначе

Девушка продолжала стоять, теребя рукав невзрачного платья.

— А вы можете мне заменить постельное? — спросила

я, чем озадачила уже двух других горничных. Теперь трое недоуменно смотрели на меня. Хорошо, что четвертая находилась в ванной комнате. Я вздохнула и пояснила: — Оно какое-то некрасивое, жесткое, знаете ли. Может, есть другие цвета?

— Но ведь оно ваше. Вроде, госпожа была против

От слова госпожа я поморщилась и перебила горничную:

— Мне надоело. Мне же может когда-нибудь надоесть?

Замените на свой вкус.

На мое удивление у одной из девушек заблестели глаза. Она улыбнулась и кивнула.

— Конечно, госпожа! — воскликнула она. — Вы не против, если я посоветуюсь с госпожой Надией?

Значит, эта была горничной Надии. Интересно, личная ли? С одной стороны мне бы не хотелось вмешивать в свои проблемы Надию, чтобы та не придумала себе лишнего и распустила слухи, но с другой — это могло бы послужить сближению с соседками. Я кивнула.

Пока я намывалась и приводила себя в порядок всё размышляла —дохлый попугай никак не выходил из головы. Что мне делать с трупом? Забирать из ямы или оставить как есть, чтобы не привлечь внимания? Я пыталась вспомнить кому принадлежала птица и с кем обсуждала детали ритуала. Животных разрешалось заводить только на третьем курсе и то обучающимся на определенных направлениях. А вот на каких я не знала. Значит, птица не моих одноклассниц.

Хорошо, что прошлая я выбрала для ритуала именно птицу. Если мне продолжит везти, то пропажу можно будет списать на простой птичий побег. Попугай – птичка вольная, взял, да и улетел. Если только выбор не был чем-то обусловлен, и кто-то об этом не знал. Кулаком я ударила по воде и стала вылезать.

Одетая по форме, я покидала ванную в приподнятом настроении. План действий был продуман. Во-первых, до начала учебы отыскать мисс Руни – забрать кристалл и уточнить про Кэт; во-вторых, попытаться найти Лиама, опередив мистера Оффре; в-третьих, учёба, а после сходить в медицинское крыло. Спрошу у Пэм про литературу и поинтересуюсь на счёт Тони. Нужно же знать, кто она.

— А силёнок хватит? — хихикнула Поганка. Издёвку я проигнорировала.

Забежав в комнату, я поскидывала самые разные тетради в вытянутую кожаную сумку – кто знает, что может пригодиться. Сумка не перекидывалась через плечо и держать ее приходилось за ручку. И это было крайне неудобно. Обхватив ее руками, я вышла в гостиную и наткнулась на сонную Франсину – прикрыв глаза, она зевала в ладошку. Я ужаснулась, или восхитилась, тому, как у нее, только поднявшейся с постели, уложены волосы: ни пушинок, кудри аккуратные, заканчивающиеся небольшими завитками. Такому и позавидовать не зазорно. Пока Франсина не заметила, что на неё пялятся, я рванула к выходу и, тихо закрыв дверь, вышла в

коридор.

Тут было пусто, ведь до начала учёбы оставалась куча времени. По коридору сновали горничные, посмеиваясь и переругиваясь, передавали друг другу корзины с вещами, некоторые стояли на коленях и чистили ковры, почему-то не используя кристалл.

— Не все умеют, знаешь ли, — хмыкнула Поганка на моё замечание.

Когда я вышла из комнаты, весёлый гомон стих, все одновременно обернулись, поздоровались кивком и вернулись за работу уже в тишине. Почему-то в этот момент я почувствовала себя неправильной и лишней. Чтобы нарушить неприятную тишину, я поинтересовалась у первой попавшейся горничной, как добраться до кабинета наставницы. Несколько проходящих мимо девушек недоумённо скосились в мою сторону, но стоило мне посмотреть на них в ответ, как те живо отвернулись и ускорили шаг. Я нахмурилась.

Горничная, с которой я разговаривала, замялась, заозиралась, но через пару секунд её рот растянулся в измученную улыбку, и она объяснила, что преподавательские комнаты располагаются в другом крыле.

Поблагодарив её, я направилась к лестнице, как вдруг другая девушка подошла ко мне.

— Вы правда не знаете, что госпожа Айла бегает по утрам? Сейчас она вряд ли у себя, — тихо спросила она. Лицо её недоумённо исказилось.

Теперь настала моя очередь удивляться. Кто такая Айла? Поганка усмехнулась:

— Это имя твоей наставницы.

Неподалёку от нас зашептались горничные:

— Я думала вся академия знает об этом.

Ей ответила другая:

— Это та северянка, про которую говорила... — она оборвала себя.

— Тише ты, — шикнула на неё первая.

Я вздохнула и многозначительно покачала головой.

— Конечно, я знаю. Хорошего дня, — добавила и поспешила убраться подальше.

Когда я сбежала по лестнице на первый этаж, увидела, что работают здесь не одни женщины, были и мужчины, в основном какие-то старые. Но больно улыбчивые и галантные. Чтобы не мешать им, я прошла вдоль открытой галереи в сторону северного крыла — именно там располагалась комната мисс Руни. Рассвет окрашивал белые ажурные колонны в персиковый, и я, невольно залюбовавшись, остановилась. Перехватила поудобней сумку и вышла на улицу. До сих пор «Ферма» от пола и до потолка казалась помпезной и вылизанной до ослепляющего блеска. Сейчас же я стояла совсем в ином месте. Заросшие вьюнком мраморные перила, деревья, гнувшие гибкие спины к земле и отбрасывающие тени на каменные плиты, буйные заросли кустарника. Дорога, прилегающая к галерее — сперва вычищенная и белоснежная, ухо-

для дальше становилась всё более неухоженной и заброшенной, поросшей сорняками. Контраст между теплым утренним светом и холодной тенью придавал ей таинственности и тихой умиротворенности.

Воспоминания посыпались на меня словно горох из банки. Никогда прежде я не была здесь, да и мало находилось смельчаков, кто заходил в северный парк. Ученики и прислуга знали о нем, как о «Том самом лесе». Сколько страшилок и пугалок сложились вокруг этого места за столетия. Даже сейчас я могла припомнить несколько. О поющем висельнике, задорно покачивающемся на толстом дереве в глубине парка, о бродящих детях, которых когда-то загнали в шахты. Кто-то поговаривал, что в этом парке находится проход в подземные полости и что там до сих пор живут страшные чудовища прошлого. Я вздохнула. Какой же бред.

Стук каблуков по мраморному полу оборвал воспоминания, и я спряталась за колонну. Мимо прошла группа беседующих между собой девушек. Видимо, ученицы уже стали покидать комнаты.

— Пошли посмотрим, что там за сад, — от неожиданности голос Поганки испугал меня. Неприятно хихикнув, она продолжила: — Разве тебе не интересно самой исследовать то место? — я точно слышала заговорщицкие нотки. — А вдруг пещеры на самом деле существуют? И мы найдем до сих пор блуждающего ребенка?

Я закусила щеку изнутри. Мне действительно было любо-

пытно, но я понимала, что все эти истории – разгулявшаяся фантазия меня прежней. Но ведь за парком действительно не ухаживали, и даже преподаватели туда ходить не любили. Прижав сумку к себе, я мотнула головой и прислушалась. Вроде, никого. Я вышла.

— Сейчас точно не до парков. Может, как-нибудь потом.

Мне хотелось убедить больше не поганку, а себя. До конца первого курса неделя, а в голове ветер гуляет – стоит сконцентрироваться на повторном освоении знаний. Ускоренном освоении.

Я мчалась к кабинету мисс Руни – теперь, чтобы застать ее и расспрашивала Поганку про парк:

— Я была там?

— Да, будучи гораздо старше, — удивительно быстро отзывалась она.

Я свернула, чуть не врезалась в какого-то парня, но вовремя уклонилась и ринулась дальше. Сумку приходилось постоянно перехватывать.

— Я что-то искала там? Значит ты не просто так заговорила об этом? — я пробежала мимо нескольких преподавателей, но они даже не посмотрели в мою сторону.

— Если я всё расскажу, то какой интерес в исследовании? Не хочу лишать тебя удовольствия от первого открытия, — скучающе сказала Поганка.

Я цокнула от раздражения. Все же подобранное имя паразитке подходило идеально. Мне было очень любопытно, но

я понимала, что Поганке зачем-то нужно попасть в парк. И уступать ей не хотела. Вот пусть из вредности, или из гадливости, но она должна уяснить, что на поводу я плясать не собираюсь.

Мне навстречу шли двое мужчин в белых костюмах, о чём-то споря между собой. Они так размахивали руками, что мне пришлось посторониться, чуть ли не прижаться к стене. А этим хоть бы что, я была для них словно пустое место. Лицо перекосило от недовольства, но я всего лишь посмотрела им вслед, и, перехватив сумку, потопала дальше.

С мисс Руни мне повезло, когда я взбежала на второй этаж и завернула в нужный коридор, она как раз шла в мою сторону. Заметив меня, она остановилась, удивлённо округлив брови. Без очков наставница выглядела юной и даже наивной. С улыбкой от уха до уха я поклонилась в реверансе. Разговор наш вышел скомканным – мисс Руни торопилась на собрание деканов. Она сунула мне в руки кристалл и собиралась уходить, как я спросила про прислугу. Наставница прищурилась.

— Я точно распорядилась передать вашей горничной, чтобы та шла к вам, — пробормотала она себе под нос. Мне пришлось придвинуться к ней, чтобы лучше слышать. Она погладила пальцами подбородок. — Точно просила сразу, — чуть ли не прошептала мисс Руни, — надо у декана Оффре спросить, он тогда был со мной.

Выглядела в этот момент она растерянной и печальной.

Мимо нас пробежали несколько горничных, коротко кивнув в приветствии. Я им не ответила, снова посмотрев на наставницу.

— Но ведь Кэт не моя горничная, она только подменяет её, — я склонила голову к плечу и стала наблюдать за реакцией мисс Руни. — Ещё и опоздала.

Выражение лица наставницы в то же мгновение переменялось. Она скрестила руки на груди.

— Кэт? Я посылала за Тоней. А когда Кэт стала убираться у вас?

Настроение мисс Руни менялось с каждым сказанным словом. Она всё мрачнела и мрачнела, а я не понимала, в чём причина.

— Где-то с месяц назад, — ответила я. Благо Поганка подсказала. Не зря украла мои воспоминания.

Глаза мисс Руни распахнулись, губы приоткрылись, но она быстро взяла себя в руки, и по-доброму улыбнулась. Никак не прокомментировав мой ответ, она отметила мой свежий вид и здоровый цвет лица, отправила на завтрак к экономке и, не переставая улыбаться, ушла.

Глава 8

Я сидела за широким деревянным столом и смотрела, как кухарка торопливо расставляет тарелки. Яичница, сосиски, нарезки разных сортов сыра, ягоды, пышные булочки. От всего этого изобилия разбегались глаза. Мне подали компот, а в конце пообещали принести кофе. Разглядывая предложенный завтрак, я только сейчас поняла, что почти не помню вкуса еды. Выглядела она так аппетитно, что у меня чесались руки начать есть, не соблюдая этикет. Я осторожно посмотрела на экономку – худую высоченную женщину с тонкими плотно сжатыми губами. Она стояла на улице за стеклянной дверью и неторопливо курила. Наши взгляды встретились, и экономка, затушив кривую папиросу о недавно превращенную из гнилой картофелины банку, зашла на кухню.

— Даже прислуга умеет превращать предметы, — фыркнула я тихо.

Поганка вздохнула.

— Так экономками абы кто не становятся. У неё как минимум высшее образование должно быть.

— Она что, тут училась? — поинтересовалась я.

Теперь настала очередь Поганки фыркать:

— Мир не зациклен на «Ферме». Это всего лишь маленькая точка на карте.

Я закатила глаза, но промолчала.

Экономка оказалась неразговорчивой. Её одежда пропахла табаком, но это было терпимо. Она не возражала на мое присутствие, но выставила условие – не жаловаться на посуду. Но жаловаться было не на что. Посуда стояла белая и ровная, без сколов или трещин.

Когда еду выставили, кухарка пожелала приятного завтрака и скрылась в смежной комнате. С экономкой мы остались вдвоем. Та мне ни слова не сказала – раскрыла толстенную книгу, вытащила из кармана скромного платья карандаш и стала что-то записывать. Я оглядела комнату в очередной раз. Здесь не было ярких цветов, излишней пышности и расписных узоров. Кухонные светлые шкафы, небольшой камин, простой деревянный пол. Мне это место нравилось больше, чем кричащие о роскоши коридоры. Но даже тут не обошлось без главной особенности «Фермы» – окон во всю стену.

— А мне здесь не нравится, — заскрипела как ржавые петли Поганка, — простовато будет.

— А твое мнение и не спрашивали, — тут же буркнула я мысленно. Поганка недовольно захрустела, повертелась, но затихла.

Живот заурчал, и я покосилась на экономку.

— Эм, мисс. Миссис, — я не знала, как к ней обратиться. Она оторвалась от записей и подняла на меня глаза. Я показала пальцем на еду: — А можно мне...

— Ешьте, как хотите, хоть руками. Мне нет дела, — обо-

рвала она безразличным тоном.

Разрешение послужило сигналом. Как экономка и сказала, часть еды я хватала руками, иногда вспоминая про приборы. Оказалось, что я безумно голодна. Вчера меня кормили всего раз, еще в больнице, но прошло это как в тумане. Я не помнила, что подавали и как быстро я поела. На ужин же я не вышла принципиально, не хотела сталкиваться лишний раз с соседками. Да и голод не чувствовала. А сейчас я запихивала в себя всё, что стояло на столе, почти не жуя. Только когда я добралась до компота, заметила, что на меня поглядывает экономка. Неужели она смотрела всё это время? Я улыбнулась ей с набитым ртом и опешила – она тоже улыбнулась в ответ. Тонкие губы растянулись, и уголки слегка приподнялись. Выглядело это жутковато, но я больше рассмеялась и попросила принести кофе.

Тут же дверь приоткрылась, и из соседней комнаты выскочила кухарка с двумя чашечками и чайником. Я проглотила комок еды и опять хохотнула. Кофе в чайнике?

— Поела и совсем разнежилась, — прокомментировала Поганка. Звучала она недовольно. — Ну-ка соберись.

Я никак не отреагировала. Сейчас у меня было просто волшебное настроение, и Поганка своими жалобами никак бы его не испортила.

Экономка медленно разливала кофе по чашкам – я завороженно наблюдала за ее выверенными резкими движениями – затем придвинула ко мне чашку и кивнула на нее. Два-

жды повторять не пришлось.

Она снова за мной наблюдала, но недолго — поднялась и в несколько широких шагов подошла к буфету, присела с идеально прямой спиной и вытащила стеклянную вазочку. Бережно поставила передо мной и снова кивнула.

— Пряники. Угощайтесь, — она тоже взяла один и, вернувшись на место, начала пить кофе маленькими глотками.

Так мы посидели ещё какое-то время в приятной тишине. Когда пряник был доеден, я решила расспросить её о Кэт. Женщина слушала меня, смотря в сад за окном, и лицо её выглядело безмятежным. Она молчала достаточно долго, и я забеспокоилась, что так и уйду ни с чем, но экономка внезапно хмыкнула.

— Кэт, Кэт... — вздохнула она. В её взгляд заволокло пеленой печали, но ненадолго. — Хорошая девочка была.

Я насторожилась. Почему была? Она вполне себе живая.

— А она откуда? Если она с периферии и не знает манер, то её можно обучить, — я размышляла вслух.

До начала занятий оставалось полчаса. Нужно было закругляться и идти искать Лиама. Караулить его возле мужского общежития я бы точно не стала, чтобы не опозориться ещё больше. Наверняка слухи уже поползли. Сейчас у меня было достаточно времени, чтобы пересечься с ним возле кабинета. Загвоздка заключалась в том, что я не знала, где этот кабинет искать.

Голос экономки ворвался в мысли, и поэтому я не сразу

сообщила, о чем она говорит:

— Её назначили из Лакрина, так что с манерами у неё всё в порядке, — она прищурилась и посмотрела на меня.

Ничего себе, эта невоспитанная Кэт, оказывается, прямоком из первой столицы! Я растерянно почесала бровь. Я не ожидала подобного. Тогда её поведение становилось ещё более странным. Я взглянула на экономку. Мне не показалось, и она и впрямь сказала, что Кэт именно назначили сюда? А кто назначил?

— Вам пора на учебу, леди, и будьте осторожны, — я встрепелась — вновь голос экономки выдернул меня из размышлений.

Почему я должна быть осторожна? Наш разговор мне не понравился. Мне начало казаться, что экономка вкладывает в слова какой-то дополнительный подтекст, о котором я не догадываюсь. И меня это настораживало. Как заставить её разговариваться? Что такого спросить?

«Да проклясть бы её и всё. Заговорить язык, и чтобы она потом его проглотила», — ни с того ни с сего подумала я. Мысли эти меня напугали своей внезапностью, неуместностью и жестокостью.

— Я не леди, я — мисс! — выпалила я, выскочив из-за стола, и дёрнулась в сторону двери. Нога запнулась о другую, и я чуть не потеряла равновесие.

— Постарайтесь не держать на Кэт зла, — слова экономки донеслись мне в спину.

Как же разительно поменялась академия, пока я завтракала! Студенты вереницами потекли вдоль коридоров, отовсюду слышались громкие голоса, шум и топот, будто это не престижное заведение для детей знатных особ, а городская улочка. Парни громко о чем-то спорили либо хохотали, размахивая руками, и нисколько не стеснялись занимать весь проход, из-за чего приходилось протискиваться возле стенки.

Девушки небольшими группками собирались около кабинетов, но были и те, что поодиночке — они стояли по углам, опускали сумки себе в ноги и что-то читали. Девушки смеялись, прикрывали рты ладонями в перчатках и расправляли и без того ровные юбки, когда рядом проносились взъерошенные парни.

Я шла как в тумане, наблюдая за коридорной суматохой. Никак из головы не выходили те странные мысли. Они ощущались настолько инородно, что казались не моими. Но чьиими тогда? Поганки? Её голос звучал по-другому. К нему я привыкла, от него больше не распирало голову, не было ощущения, что её наполнили водой. Эти мысли не разговаривали со мной, они просто были.

— Я слишком стара для всего этого, — прошептала себе под нос и пока решила списать всё на пережитое злоключение с потерей памяти.

Я прошмыгнула между двумя парнями, больше напоминающих небольшие шкафы, нежели человеческие тела, за-

вернула в длинную галерею и остолбенела – тут было слишком многолюдно и суматошно. Я была не готова к подобному. Поплотней прижав сумку к груди, я вздохнула и уже собиралась двинуться дальше, как неожиданно передо мной пронеслась чья-то рука.

Хоть я и видела бордовый, просто кричащий держаться подальше, цвет форменной бархатной куртки этого нерасторопного юноши, удержаться от недовольного замечания не смогла:

— Да как можно махать руками, когда вокруг столько людей! — зашипела я больше не на в секунду притихшую троицу, а куда-то в пространство перед собой.

Вокруг нас все шумели, и только парни молчали, изумленно таращась на меня. Решив убраться с этой галереи и уже на улице у кого-нибудь поспрашивать про Лиаму, я примирительно улыбнулась и развернулась. Тут же послышался озорной голос:

— А вы, должно быть, наша личная наставница? — Тон говорившего показался мне немного резковатым, но не грубым. — И чему вы нас будете наставлять? Надеюсь, это будет происходить в личном порядке в нашей гостиной. Я бы не отказался. А вы?

Парни засмеялись. Рядом несколько студентов косо скозились в нашу сторону, но по большей части их взгляды были адресованы мне. На тех троих почти никто не смотрел. Если только издалека. Странно, что Поганка никак не комменти-

ровала происходящее. Я снова вздохнула. Кажется, сама того не желая, я наткнулась на местных шутников, а может и задир. Было бы правильным просто проигнорировать, но мне передалось их игривое настроение. Я крутанулась на каблучках и, задрав повыше подбородок, растянула губы в хитрой усмешке.

— Вы совершенно правы, сударь, — я скользнула взглядом по всем троим. — Только зачем откладывать урок, думаю, стоит начать прямо сейчас и обучить вас основам вежливости, — теперь я смотрела укоризненно: — Вам бы понравилось, если бы с вашей сестрой так разговаривали?

Была ли у него сестра, я понятия не имела, просто решила действовать наугад. И мне повезло: парень, что стоял в центре и который, по-видимому, и был лидером их троицы, недовольно поджал губы. Это длилось всего мгновение, затем по его лицу расплзлась извиняющаяся улыбка, показавшаяся мне глуповатой и лишней в данной ситуации. Парни, стоявшие рядом, подозрительно притихли. В свою очередь, я начала замечать на себе всё больше цепких взглядов окружающих. И большинство из них мне не нравились.

— Ну что вы, леди, — он потрепал свалившуюся на лоб чёлку, — это всего лишь нелепая шутка, не обижайтесь, — теперь он улыбался расслабленно и, как мне показалось, приятно.

Я мысленно отметила:

— Милый юноша, и его волосы хорошо сочетаются с кур-

точкой.

До сих пор притаившаяся Поганка воскликнула так громко, что у меня в виске стрельнуло:

— Ах ты ж падкая на малолеток бабка! У вас разница в возрасте сколько? Да лет сто!

Я уже пожалела, что подумала об этом. Но неужели мне теперь и думать запрещено? Наверное, я выглядела нелепо, замерев перед ними и почти не моргая. Парни зашептались между собой, после чего тот, что в центре, спросил и окончательно оборвал поток мыслей:

— Может, мы можем чем-то помочь леди? И леди перестанет обижаться? — Его товарищи дружно поддакнули. В их искренности я глубоко сомневалась.

Снова эта леди. Я не стала его поправлять, рассудив, что мы не будем пересекаться, поэтому обо мне он вряд ли что узнает. Было у меня предположение, что такое обращение всего лишь издёвка, но откуда этот юноша вообще мог знать, кто я?

Я уже собиралась отказаться, но краем глаза заметила, как дальше по коридору некая девушка машет рукой. Смотрела она в нашу сторону. Решив, что приветствие предназначено не мне, я повернулась к парням.

— Да, вы можете помочь. Подскажите, вы знаете, — я на секунду замолчала. Всё же я почти не помнила особенности в разговорах между аристократами. Я скосилась на прошедших мимо меня девушек и, заметив их изумленные взгляды,

неуверенно продолжила: — Сэра Ланца?

Худощавый парень в очках, что стоял слева, не сдержал ехидного смешка, но ответил:

— Разумеется, он...

Договорить он не успел. К нам подошла та самая машущая девушка, проворно схватила меня под локоть и, улыбнувшись, заглянула в лицо. Я успела только недоверчиво скрипеть, как она повернулась к парням, пробежалась по ним презрительным взглядом и напоследок фыркнула. Теперь на нашу компанию таращились все вокруг, а я ничего не понимала. Что, Ырка побери, тут происходит? Ещё и Поганка не скрашивала ситуацию, поддразнивая меня.

Я поняла, что до учебы отыскать Лиаму не смогу. Эту неприятную мысль пришлось смиренно принять. Иголочка тревоги кольнула меня. Вся моя легенда рассыпится в одночасье, если я не найду Лиаму раньше его декана. Какая же я дура! Не надо было вообще вступать в разговор с этой наглой троицей.

— Дорогой кузен, — девушка обратилась к кому-то из юношей, крепче стиснув мой локоть, — не лезь к моей подруге, пожалуйста, — я попыталась высвободиться из хватки, но девушка оказалась настойчивой. Она посмотрела на меня огромными зелёными глазищами и спросила: — Что ему нужно от тебя? Он тебя обидел?

И что мне ответить? Вся эта ситуация произошла так внезапно, что я не успела придумать нужные реплики. Я посмотрела

рела на троицу и столкнулась с пристальным взглядом юноши в центре. Тут же рассудив, что он, должно быть, рассержен или недоволен, я решила избежать каких-либо претензий в будущем.

— Я не понимаю, о чем ты...

— Эмеральд, — подсказала Поганка, от чего я вздохнула с облегчением.

— ...Эмеральд, — обратилась я к девушке. — У этих джентльменов я спрашивала, как мне найти сэра Ланца.

Свободной рукой Эмеральд прикрыла рот, и глаза ее распахнулись ещё шире. Я смотрела на ее ужимки и никак не могла прийти к однозначному выводу: она удивляется искренне или играет?

По коридору пробежал мелодичный перелив, и студены неохотно стали расходиться по кабинетам. Ещё бы, такое представление перед ними разыгралось!

К своим спутникам я тут же потеряла всякий интерес и, выдернув руку из хватки, без поклона или кивка пошла по коридору. Ещё опоздать на урок не хватало.

Поганка глумливо посмеивалась, но этим почти не раздражала. Коридоры опустели как-то слишком быстро — я успела пробежать лишь мимо нескольких классов. В голове крутился нужный мне кабинет и примерный путь до него. Повезло, что в прошлом я выписывала всё в блокнот и даже зарисовала схему кратчайшего пути. И всё же я заблудилась. Завернув в неизвестный коридор, я удручённо вздохнула и

поплелась обратно.

— А я так и знала. Знала, что так будет, — нараспев смеялась Поганка. Я сознательно отодвигала голос подальше в голове, благодаря чему он слышался не громче бормотания.

Так бы я и нарезала круги по корпусу, если бы на очередном повороте не заметила ту самую девушку — Эмеральд. Она выглядела задумчивой — смотрела в даль и поглаживала подбородок. Неужели и эта заблудилась? Я замерла, и звук шагов резко оборвался. Эмеральд обернулась и расплылась в радостной улыбке. Не мешкая ни секунды, она бросилась ко мне.

— Я тебя ищу! — подбежала она почти вплотную и, остановившись, поправила закрученный у виска локон. Я смотрела на нее сверху вниз и недоуменно кривила губы. Видимо, такое выражение Эмеральд смутило, и она, отведя взгляд, заговорила вновь: — Ты ушла в другом направлении просто. Я слышала, что ты ударилась головой, что случилось?

Она снова принялась трогать тот же самый локон, а я вспоминала нарисованную карту в блокноте. И как же меня угораздило пойти не туда? Ведь я точно представила нужный путь. Я не могла ошибиться!

— Всякое бывает, — хихикнула Поганка.

Я не сдержалась и резко выдохнула, тем самым напугав Эмеральд. Она отшатнулась и воскликнула:

— Мы же опаздываем! Хоть мисс Сливи очень добрая, стоит поторопиться.

Поганка не заставила себя ждать, влезла с очередным замечанием:

— Да неужели эта тупица вспомнила об этом! Обе вы тупицы.

Высказывания различной степени едкости лезли из Поганки, пока Эмеральд вела меня к нужному кабинету. Говорили обе одновременно, причем достаточно громко, из-за чего я почти ничего не услышала. Еще и любые попытки прислушаться заглушало звонкое цоканье каблучков о мрамор. Ситуацию я отпустила и плыла по течению. Из всего сказанного Эмеральд я уяснила главное – мисс Сливи добрая и никогда не ругается на опоздания.

Кабинет оказался на втором этаже, хотя я все ещё была убеждена, что он находится на первом. Когда мы подошли, в воспоминаниях всплыли некоторые сцены, связанные с этим местом. Если кратко – здесь девушек обучали этикету. И у прошлой меня по этому поводу нашлись самые разные мысли, по большей части негативные. Я усмехнулась. Как же могло быть иначе?

Дверь открылась сама, как только мы приблизились. Про себя я отметила, что стоит разобраться в этом механизме, ведь кристалла нигде не было видно. Пока я разглядывала двери, Эмеральд осторожно подтолкнула меня и потянула за локоть.

— Ах, мои красавицы задержавшиеся, — низкий женский голос привлёк внимание, и я обернулась. Мисс Сливи плыла

к нам, лавируя между круглых бежевых столов, за которыми сидели барышни моего курса. Хоть улыбка ее и была еле заметная, женщина чуть ли не пыхтела от радости. Выглядела она как настоящая слива — круглая и румяная.

Повторяя за Эмеральд, я присела в поклоне, краем глаза следя за ее плавными и точными движениями. Я старалась повторить также, но плечи ссутулились, и я чуть не наступила себе на подол. Одногруппницы делали вид, что читают, но я видела, как некоторые наблюдают за нами поверх книг.

К нам подошла мисс Сливи и взмахом руки заставила подняться. Она кивнула Эмеральд, и та мелкими шажочками поспешила к своей парте. По коридору она передвигалась совершенно иначе. Я тоже хотела идти на место, но мне не позволили — мисс Сливи поманила к центру учебной комнаты. Стиснув зубы, я подошла.

— Мисс Сорен, я вижу прогресс, но вы слишком стараетесь. Я заметила, как вы напрягли челюсть, когда приседали, и как ваш взгляд, хоть и совсем немного, но заметался по юбке. Это и выдаёт ваше, простите, происхождение, — я не знаю, какое у меня в этот момент было лицо, но, видимо, не особо приветливое. Тоже мне учитель этикета! Мисс Сливи сладенько улыбнулась и смягчила голос: — Лучше опуститься на выдохе, вы тогда меньше будете походить хоть и на прекрасную, но скульптуру. Девушки, — она грациозно обернулась к классу.

Одногруппницы построили крайне увлечённые ее лекци-

ей лица. Я же прекрасно понимала, что большинству здесь делать нечего.

Женщина ещё что-то говорила, а я всё думала: ее сравнение со статуей — это завуалированное оскорбление или похвала? Наговорившись, мисс Сливи разрешила сесть на место. Обведя кабинет быстрым взглядом, на мгновение задержавшись на расписных вазах чуть ли не во весь мой немаленький рост, я заметила одно свободное место рядом с Эмеральд. За нашим столом сидели ещё две девушки, которых я почти не помнила. Эмеральд подняла голову от тетради и, дёрнув бровями, кивнула на пустой стул.

Я неспеша направилась к столу, чувствуя на себе внимательные взгляды одноклассниц. От них мне стало неудобно. Хотелось нахмуриться и скрестить на груди руки, но я заставила себя идти с прямой спиной и также опуститься. Кивнув одноклассницам, я спряталась от них в открытый учебник.

— Бедняжки, как бы косоглазие не схлопотали, — посмеялась Поганка, и почему-то от её ехидного замечания мне стало легче.

Я ответила, пока открывала тетрадь:

— Такое ощущение, что меня и одноклассницы не любят, — Поганка насмешливо фыркнула. — И чем же я им не угодила? Ладно соседки, но с этими я вовсе не общалась.

До нужной страницы я долистала и теперь, переговариваясь с Поганкой, перечитывала написанное и подмечала, какие выразительные взгляды на меня бросала одна из одно-

группниц. Она сидела за тем же столом, практически напротив, и, видимо, пыталась привлечь внимание.

— А это как раз потому, что ты и не общалась. Ты же нелюдимая, — высказала предположение Поганка. — Пугаешь всех суровой физиономией. Ну и ещё ты не аристократка, — добавила она в конце и усмехнулась. Думаю, в этом и была главная причина всеобщей неприязни.

Я подперла щеку кулаком, но тут же получила лёгкий шлепок по бедру от Эмеральд и выпрямилась.

Мысли блуждали, и я не могла сконцентрироваться на написанном. Всё происходящее казалось странным и неправильным: почему я должна сидеть здесь, изучать то, что мне не хочется, вдобавок к этому ничего не помня. Почему я нахожусь в этом месте? Хочу быть лучше своих сестер и братьев? Прошлая я — да, этого жаждала, но сейчас я ничего не хотела, ни к чему не стремилась. Раздражение и растерянность стали моими частыми гостями. Все люди вокруг казались чужими, какими-то ненастоящими, да и в голове сидело нечто, что только нагоняло отчаяние и злобу. Меня затрясло. Поганка что-то брякнула, но я не слышала. Сейчас на меня обрушилось такое дикое разочарование и недовольство, что я неосознанно задержала дыхание.

Что-то коснулось руки, потом ещё и ещё. Меня тормошили. Я скосилась на озадаченную Эмеральд, мечущую взгляды в сторону что-то объясняющей другим ученицам мисс Слив, и заметила пристальный взгляд Франсины с другого кон-

да кабинета. Это длилось всего мгновение — она тотчас опустила глаза в учебник.

— И что ты раскисла? Ну-ка, давай, не унывай, — прохрюкала где-то со стороны затылка Поганка. — Из-за твоих печальных мыслей я будто в луже сижу.

Да-да, усмехнулась я и прикусила внутреннюю сторону щеки. И кто же, скажите, в этом виноват? Но Поганке я ничего не ответила, вместо этого глянула на потирающую подбородок Эмеральд. Неужели всё-таки у прошлой меня была подруга? Я провела пальцем по краю страницы. Интересно, за какие такие заслуги? Я снова посмотрела на неё. Она подняла глаза и улыбнулась. Я ответила тем же и попыталась вспомнить что-нибудь об Эмеральд. Что она за человек, что любит, почему начала общаться со мной? Хоть некие отрывки из прошлого в памяти и плавали, я отмела попытки собрать воедино картинку — возле нас прошла мисс Сливи.

Правда Поганка, какой смысл в унынии. Это ничем не поможет. Пока буду двигаться по намеченному плану, попутно интересуясь всем вокруг.

Хмыкнув себе под нос, я приступила к практическому заданию по способам сервировки стола.

Глава 9

Менялись уроки, кабинеты, и время медленно двигалось к вечеру. Больше я не отделялась от одногруппниц и весь день ходила следом за Эмеральд. От учёбы я ожидала большего – думала, что хоть где-то мы будем практиковаться, поэтому решила поговорить об этом с Эмеральд. Она охотно поддержала, вроде не заметив моего замешательства и любопытства. Ей самой хотелось колдовать, а не сидеть за книжками, но таков был план учёбы на первом курсе. Практика стояла лишь у одного предмета и то раз в неделю.

Лиам я не искала. Сперва я предприняла несколько попыток отделиться от группы, но Эмеральд появлялась передо мной словно из-под земли. Она таращилась на меня, ожидая пояснений, куда я собралась, и мне не оставалось ничего, как вздохнуть и покачать головой.

Да и за столько часов мистер Оффре наверняка успел поговорить с Лиамом. Поначалу я переживала, что за мной явятся, раскусив вранье, и отведут к директору. Когда открывалась дверь, ладони тут же потели, дыхание замирало. Но снова и снова приходили не ко мне. Так продолжалось недолго: заволновалась я еще на этикетке, затем продолжала нервничать на точных науках, но на теории магии, от беспрерывного переживания, я утомилась, и к основам алхимии мне стало откровенно не до этого. Предмет меня увлек, и я

более-менее разобралась, как работает кристалл. Оказалось, что его частицы окружают нас, что почти всё так или иначе состоит из него, а следовательно, благодаря этому, можно проводить разные манипуляции.

Сейчас же, стоя возле вывешенной на стене карты мира в кабинете географии, я почти не вспоминала о Лиаме. Я понадеялась, что моя находчивость и удача мне помогут. Ну либо же Поганка.

Я сложила руки на груди и ещё раз пробежалась по территории Июлии – моей страны, где преобладал народ людей, в очередной раз зацепившись взглядом за крошечную точку, расположенную на северном полуострове. «Стальная вершина» – гласила подпись. Место, откуда я родом. Интересно, там красиво? Я плохо помнила, как выглядит северная природа. Вроде, там было много гор, шел снег и приходилось надевать теплое пальто, пошитое из шерсти топтунов.

— Жаль этих бедолаг, конечно, — безэмоционально сказала Поганка. Голос звучал сонно, кажется, учёба усыпила ее, чему я не могла не радоваться. — Ну хоть не истребили ещё всех. Всё же обмен шерсти на жизнь целого вида – вполне неплохая сделка.

Я промолчала. Их шерсть ценилась, и для нашего севера была ещё одним неплохим способом поднимать экономику. Странно, что это отложилось в памяти.

Я посмотрела на нагорье Найсий, испещрённое пунктирными линиями. Шесть государств делили там территорию,

и границы их сходились в самом центре — на вершине горы Утробы. Была ещё одна, седьмая страна, которая не имела границ с нагорьем. Как я выяснила за сегодня, пробежав бегом по справочнику, там жили некие человекоподобные рыбы, которые вместо кристаллов использовали посуду с водой.

— То есть, все кристаллы добываются с этого нагорья, так? — уточнила я у Поганки, которая почти весь урок географии уверяла, что никто мне не расскажет того, что знает она. — Вроде это и не скрывается. Я же в истории «Фермы» это прочла. А рыбам что, по рекам получается кристаллы стекают? — все продолжала я рассуждать про себя.

— Как бы эти реки не должны очищать, чтобы они дотекали до них, но... — Поганка ненадолго замолчала. — ...можно неплохо подзаработать на этом дельце. Сама понимаешь, — уж больно печальным голосом закончила она.

— А зачем их очищать?

Я пригляделась к рекам Иолии. Клочок земли, прилегающий к нагорью с нашей стороны, был совсем небольшой, и в этих горах зарождалась всего одна крупная река, разветвляющаяся на четыре более мелких. Поганка ответила:

— А то, что употреблять подобную воду, скажем так, не рекомендуется. Не просто так тебе на алхимии сказали, что кристалл везде, — я уже хотела задать очередной вопрос, так как не увидела связи, но не успела: — Глянь-ка на карте, есть ли поселение — «Лунная впадина». Оно должно юго-восточ-

ней «Фермы» располагаться.

Точка с таким названием действительно была. Поганка тотчас продолжила:

— Оно на озере? На реке?

— Нет, — я нахмурилась, но, приблизившись почти вплотную к карте, так и не увидела ни того, ни другого.

— А оно на озере, в которое впадает река с горы. И ее специально не очищают. Я по твоим воспоминаниям сужу.

Ну не очищают и не очищают. Я помотала головой. Какое мне было до этого дело? Я осмотрела западный полуостров, на котором находилась главная столица, остров на юге, военные укрепления, расставленные по границам и у подножия нагорья. На остальные страны я почти не смотрела: там жили другие виды, которые и изучены были хуже — например, про рыболодей в справочнике упоминалось всего несколько раз.

Пока я разглядывала карту, кто-то взглядом прожигал во мне дыру и делал это с упорством, достойным похвалы. Я чувствовала это пристальное внимание по меньшей мере несколько минут, но специально не поворачивалась. Теперь же, услышав стук каблуков позади, я осторожно посмотрела через плечо — ко мне шла одна из соседок по парте из класса по этикету. На всех остальных уроках я сидела только с Эмеральд. Девушка эта не давала мне покоя весь день. Весь проклятый день она пялилась на меня отовсюду, пучила глаза и много моргала, словно привлекая внимание. Я же её не менее усердно избегала, решив, что пусть подходит первой,

если ей это так нужно. Но, видимо, присутствие неподалеку Эмеральд ее останавливало. А сейчас, когда та ушла к себе в комнату забрать некоторые учебники, и я осталась одна, девушка решилась на разговор.

Её имя я выяснила у Поганки. Звали ту Ренатой, и родом она была со столичного полуострова. Как заявила Поганка, родня ее – ещё те червивые яблочки, чтобы это ни значило. Я же эту девушку почти не помнила.

Когда она приблизилась, я обернулась и, округлив брови, сцепила на животе руки в замок, растопырила пошире локти и стала ждать. Такое поведение считалось некультурным, но и Рената успела шибко надоесть за сегодня. Она робко повертела головой, давая понять, что опасается разговора, схватилась пальцами за рукав жакета и начала теревить его. Мне стало неловко от ее нервных подергиваний, и я отвела взгляд к окнам – хоть здесь они не шли от пола до потолка. Да и весь этот корпус был как будто старше остальных, фасад его порос какими-то милыми цветочками, и внутри находилось меньше драгоценных украшений, картин, ваз, а главное, гипсовых младенчиков.

— Мы можем поговорить в коридоре? — беспокойно прошептала Рената и снова начала озираться, тем самым только привлекая к нам ненужное внимание. Взгляд метнулся к стоящей возле окна Франсине. Та листала книгу, но пальцы ее периодически замирали, и она смотрела на нас. Остальные одноклассницы тоже начинали коситься.

Я раздраженно выдохнула и, ничего не сказав Ренате, вышла в коридор. Отошла подальше и встала так, чтобы и лестница, и кабинет хорошо просматривались. Рената выскочила следом и торопливо проследовала за мной. Щеки ее покраснелись. Я взмахнула рукой, намекая, что можно говорить. Из-за ее суеты и волнения у меня стало закрадываться нехорошее предчувствие.

— Как всё прошло? — спросила Рената и закусила губу. Я молчала. Ждала, что еще она наговорит. Сложив ладони в замок, Рената прижала их к груди и продолжила лепетать: — Я слышала, что в ту ночь тебя нашли без сознания на аллее основателей. Так как всё прошло? Мы же всё рассчитали, — я собиралась ответить, но ее голос в секунду изменился: — Гребаная птица не вернулась. Похоже, ты его все же кокнула, — то ли злорадно, то ли недовольно сказала она.

Осознание каменным обвалом накрыло меня: оказывается, прошедшая я, помимо злобности и недальновидности, была еще и полной идиоткой, позволившей втянуть себя в скверную историю с ритуалом, который грозил мне отчислением в лучшем случае, а в худшем... Плечи потянулись вниз, и я ссутулилась. Что за место проклятущее — эта «Ферма»? Тут все что ли хитрые и двуличные? Даже я такой была?

По коридору тянулся поток учащихся. Мимо нас прошла группа смеющихся молодых людей, несколько из которых скосились на притихшую Ренату, переглянулись и, отойдя подальше, зашептались. Меня же словно не существовало.

За сегодняшний день я несколько раз успела заметить, что на меня почти не обращали внимания, если я шла или стояла в одиночестве. Но стоило появиться рядом Эмеральд, как я тут же ловила удивленные, наполненные неприятием взгляды.

Я посмотрела в сторону кабинета и увидела подходящую к нему Эмеральд. Она держала в руках несколько учебников и свернутую в тугую трубу карту. Перестав разглядывать каменные плиты на полу, она подняла глаза и заметила меня. Рука ее взметнулась, видимо, она хотела помахать, но передумала, переведя взгляд на Ренату, и тут же юркнула в кабинет. Выражение ее лица я не разглядела.

— Не знаю, что с птицей, — нарушила я молчание и, не глядя на Ренату, шагнула в сторону кабинета. — Никак не прошло, так что забудь.

Рената медленно повернула на меня голову и стала смотреть снизу вверх исподлобья.

— Если мои сестрицы узнают, тебе будет плохо, не забывай, — ее голос мог бы воду заморозить.

Поганка крикнула:

— Вот же гадина. Сама же предложила это всё.

Я в очередной раз поразилась своей глупости в прошлом. Рот приоткрылся, я собиралась ответить ей что-нибудь гадостное и пригрозить в ответ, но меня одернула Поганка:

— Погодь, про ритуал-то ты из ее книжки вычитала. Интересно, где она сейчас?

Будто бы услышав Поганку, Рената приблизилась ко мне и шепнула:

— Куда же ты книгу тогда спрятала, а, Мива? Думаешь, я не найду?

Смысл её угрозы до конца мне не был ясен, но одно я поняла точно – пока грубить Ренате нельзя. Я действительно погорячилась. Хотя злость на эту девицу и kloкотала в груди, и мне хотелось что-нибудь, случайно подвернувшееся, пнуть посильней, я через силу выдавила улыбку и сделала короткий реверанс. Рената удивилась. Я поняла это по ее не к месту вздёрнутому подбородку. На мою выходку обернулись разговаривающие неподалёку ученицы, но не заинтересовались. Я же, ссутулившись и размахивая руками, широким шагом поспешила в кабинет.

На уроке нам рассказывали про климат Июлии, мы чертили карты, отмечали температуры, условия жизни и так далее. Мне бы хотелось узнать побольше про другие страны, но о них почему-то почти ничего не написали в справочниках для первого курса. Помимо учебной рутины, я размышляла над словами Ренаты и о ее в секунду переменившейся интонации. Как к ритуалу причастны ее сестры? Их, конечно же, я тоже не помнила, но сделала вывод, что попугай принадлежал им. Я лениво заштриховывала ту часть мигрирующей пустыни, которая пересекала Июлию. В учебнике об этом странном явлении было написано совсем крохи. Если вкратце – виноват неконтролируемый выброс кристалльной

энергии в стародавние времена, еще до основания «Фермы». Зато разрушениям и потенциальной опасности для климата, экологии, экономики и тому подобному посвящался целый параграф.

Пока я водила пальцем по клочку пустыни, Эмеральд протяжно вздохнула. От урока прошло всего ничего, но таких вздохов я насчитала уже три. Этот шёл четвертым. Я посмотрела на неё, и она тут же скрестила руки под грудью, но ничего не сказала, поэтому я вернулась к классной работе. И снова услышала яростный вздох.

— Что? — не отвлекаясь от карты, поинтересовалась я.

— Ничего, — ответ последовал незамедлительно.

— Ладно, — я пожала плечами. Сперва я собиралась закончить на этом, но передумала и добавила: — Если есть что сказать, то говори. Я не буду выпрашивать.

У меня были дела поважней. Например, что же все-таки делать с Ренатой и как мне относится к озвученной ранее угрозе. Тут я вспомнила о Поганке и решила спросить у нее:

— О какой книжке была речь и что в ней такого важного?

Показалось, что Поганку я смогла застать врасплох — она будто вздрогнула и уколом боли отозвалась в голове, что не помешало мне ехидно хмыкнуть. Конечно же про себя.

— Ну слушай, подружка, — начала она, — мне, конечно, тут лучше, чем в Иномирье, но в планы мои не входит дожить с тобой до старости. Твой век слишком короткий. Нам надо побольше узнать о том, как твоя башка стала мне ло-

вушкой. И как мне выбраться из нее.

Я выпучила глаза, но, чтобы никто не заметил моих странных эмоций, прикрыла ладонью лицо и наклонилась к столу.

— Так ты не знаешь? Я думала ты просто любишь издеваться.

После недолгого молчания она ответила:

— Люблю, но это не тот случай. Я не знаю, как покинуть твою голову, при этом избежав возвращения в Иномирье. Считай, что в этом тебе повезло, и я буду тебе помогать, — показалось, что последние слова она произнесла уж больно довольным голосом. — Ну а про книжку воспоминания из твоей непутевой башки вымылись холодным ливнем.

— Каким ещё ливнем? Что ты несёшь? — возмутилась я, но одновременно с этим дурацкие реплики Поганки меня повеселили.

Повезло же мне, так повезло. Вообще, пока наше общение с Поганкой не вызывало особого неприятия, наоборот: мне было с кем поговорить, иногда и посмеяться, как будто я не одна нахожусь в этой безнадёжной, безвыходной ситуации. Если бы не Поганка... А дальше я не стала развивать мысль, что могло бы идти после этого «если».

— Нужно найти книгу, — подумала я, и Поганка согласно промычала.

Я заметила, как на других столах ученицы стали разворачивать карты, и потянулась к нашей, ведь Эмеральд до сих пор витала где-то в своих мыслях, монотонно стуча по тет-

радке перьевой ручкой и делая кляксы. Это позабавило меня и удивило. За весь день я поняла, что Эмеральд помешана на аккуратности – ровный почерк, одинаковые завитки на буквах, все тетрадки в одном цвете. На столах она раскладывала принадлежности и книги как по линейке и при каждом нарушении порядка начинала всё поправлять и переставлять. Это мельтешение действовало мне на нервы, но я, стискивая зубы, терпела.

Не обращая внимание на ее поведение, я разглядывала карту, как вдруг услышала тихий вздох. Очередной.

— Я не понимаю, — прошептала Эмеральд.

То, что она заговорила, меня потрясло, и я ошарашенно покосилась на нее. Я ждала, что Эмеральд продолжит, но ошиблась – она снова замолчала. Хорошо, что учителю не было особого дела до нас. Сейчас мы изучали особенности центральной части Иулии, и я бы с удовольствием послушала про население, экономику, города и реки, но преподаватель вещал о сезонной миграции плотоядных кроликов и то, как эти, по его словам, уроды пожирают деревенский скот. И даже тут я бы не отказалась узнать побольше. Но тема кроликов осталась не раскрытой – он переключился на рассуждение о некомпетентности некоего губернатора в области, название которой я не расслышала. Несколько девушек согласно ему поддакнули, и учитель, словно получив разрешение трещать о всякой ерунде, стал дальше разглагольствовать о несправедливости жизни и высоких налогах.

Интерес к уроку пропал не у меня одной – многие девушки занимались своими делами: кто-то, вытащив книжки и положив на колени, читал, несколько смотрели в окно, но большинство перешёптывались. Я осторожно проследила за Ренатой и заметила, как та поглядывает в мою сторону. От ее раздражённого выражения лица и холодного взгляда не осталось и намёка – она мило улыбалась своей соседке, иногда пожимая плечами. Я усмехнулась про себя, на что в ответ услышала точно такой же смешок от Поганки.

Мое внимание переключилось на Эмеральд. Подперев кулаком щеку, я посмотрела на нее.

— Что ты не понимаешь?

Сперва мне показалось, что она не ответит, и от одной этой мысли я начала постепенно закипать. Но Эмеральд сложила руки на столе в замок и зашептала, еле шевеля губами:

— Я не понимаю тебя. Ты как будто специально ищешь себе проблемы, — она расцепила пальцы и стала поправлять выложенные в ряд перьевые ручки. Я молчала. Не дождав-шись от меня никакой реакции, Эмеральд продолжила: — Зачем тебе понадобилось видеться с этим несносным Ланцем? Ты не слышишь, какие слухи о тебе ходят? Еще и нашла кого спрашивать.

На секунду ее лицо исказилось то ли от досады, то ли от гнева – я не смогла точно понять эмоцию. Мне стало интересно, что там за слухи такие ходят, и я спросила:

— А что говорят?

Сперва Эмеральд нахмурилась, затем недоумённо покосилась на меня. Кажется, я перебила ее мысль.

— Ты сейчас серьезно?

Я кивнула. В секунду щеки Эмеральд вспыхнули розовым, и она, то ли поняв это по моему изумленному лицу, то ли просто почувствовав, отвернулась к окну и начала крутить прядь волос между пальцами.

— Леди не должны обсуждать подобное, — как по учебнику этикета отрапортовала она, но мне было что возразить на это.

— Так я не леди, мне можно, — я старалась звучать бесстрастно, но все же слышала нотку веселья в голосе.

Пока мы молчали, за соседней партой перешептывались однокурсницы и делали это намеренно громко, чтобы я слышала. Одна назвала меня чудачкой с севера, что понравилось Поганке, вторая предположила, что я свихнулась, когда ударилась головой, но обе сошлись во мнении, что зря руководство «Фермы» берет на учебу не аристократов, учитывая, что в стране находится ещё парочка колдовских образовательных заведений.

От каждого произнесенного ими слова лицо Эмеральд мрачнело. Поганка предложила заткнуть их, обозвав побидней, но я была иного мнения. Мне хотелось узнать побольше и составить какое-никакое представление о себе прошлой. Я считала, что каждая сплетня на чем-то да основывалась, и гору словесного мусора возможно разгрести, проана-

лизировав все сказанное. Когда одна из девушек заметила, что скоро каждый богач-простолюдин сможет купить место своему ребенку в «Ферме», красная как помидор Эмеральд крутанулась на стуле и перебила их:

— Вы позорите свои рода подобными низменными разговорами, — тихо сказала она.

Я обернулась следом за ней, чтобы понаблюдать за реакцией однокурсниц. Ну не верила я, что она способна одной фразой заставить их замолкнуть. Хотя Эмеральд явно старалась сдерживать себя и выглядеть равнодушной, я видела, как сжалась ее челюсть, а пальцы стиснули ткань юбки. Необъяснимо откуда взявшаяся дрожь пробежала по всему телу от ног до головы, и на мгновение мне почудилось, что массивный деревянный стул, на котором я сидела, затрясся. Я положила руку на стол – вибрация исходила и от него. Но, кажется, эту тряску чувствовала только я одна – хоть на нас и стали поглядывать остальные ученицы, какого-либо замешательства от дрожащего пола они не проявляли. Или делали вид. На мои мысленные метания и недоумения Поганка никак не отреагировала, что только больше смутило. Дрожь поутихла, и я решила списать эту ситуацию на переутомление.

Я осмотрела однокурсниц еще раз. От меня не ускользнули и очевидный интерес Франсины, и раздражённый взгляд Надии, и обеспокоенный Ренаты. Мне стало интересно, искренни ли в эмоциях мои соседки, ведь в наигранности Ре-

наты я была уверена. Вот тот, кто ничего не замечал, так это преподаватель. Хотя Поганка, похихикивая, предположила, что он просто не осмелился бы делать замечание Эмеральд. После этого мне стало любопытно – что за фрукт такой, эта Эмеральд.

Шептавшиеся девушки потупились в стол. Эмеральд задрала повыше подбородок и еще тише добавила:

— Вы же не хотите, чтобы я рассказала вашим семьям о том, что вы забиваете голову подобными мыслями и мешаете другим учиться? — она сказала это без надменности, больше с напускной строгостью, что удивило меня, потому что сама бы я не отказалась от возможности посмеяться над ними.

Девушки извинились, и Эмеральд отвернулась. Тут же все одnogруппницы отвернулись и занялись своими делами, одна Франсина не унималась и продолжала разглядывать.

Глава 10

И вот я иду после уроков в больничное крыло, а следом за мной, на расстоянии в несколько шагов, семенит Эмеральд.

Когда последний урок закончился и можно было идти искать Лиаму, Эмеральд вновь поинтересовалась, куда я собралась. А я, в свою очередь, ничего лучше не придумала, как ответить правду.

— Опять этот Ланц, — пробормотала она.

Я проводила настороженным взглядом несколько учениц, будто случайно замедлившихся возле нас и, очевидно, захотевших погреть уши, и посмотрела на Эмеральд. Наш разговор, начавшийся ещё на уроке, так ни к чему не пришёл. Эмеральд корила меня за неподобающее образованной мисс поведение, бегание за Лиамом, в конце же выяснилось, что её беспокоит моя неоткуда взявшаяся дружба с Ренатой. У меня сложилось ощущение, что весь этот гундёж и был затеян ради последней. Эмеральд не любила Ренату. Но разговорить её мне не удалось.

Эмеральд была непреклонна и настаивала, что я неправильно себя веду. А мне так и хотелось спросить, точно ли это я вернулась в прошлое, а не она, ведь из нас двоих именно поведение Эмеральд напоминало ворчливую старуху.

Если по началу она просто держалась неподалёку, то после ситуации на географии она не отходила от меня ни на

шаг. Я замечала, какие недовольные взгляды Эмеральд бросает на других студенток, будто хотела отвадить их. Это было странно, но меня забавляло. Когда я сказала, что хочу найти Лиаму, Эмеральд преградила путь. Мы стояли в узком коридоре и обойти ее у меня бы не получилось.

— Ты не пойдешь к нему, — тоном, не терпящим возражений, заявила она. — Он плохой человек.

Брови взметнулись, злость вскипела в груди. Эмеральд была ниже меня, более тонкой комплекции, и я могла бы с лёгкостью оттолкнуть ее, но сдержалась. Эта девушка — важная шишка. Я просто не могла позволить себе потерять ее расположение. Рассмеявшись, я вцепилась себе в переносицу и растирала.

— Эмеральд, ты... — «сама в него влюблена, что ли?» — хотела уже спросить, но Поганка отрезвила меня, кольнув в висок. Вместо этого я прохрипела: — ...права.

Обрадовавшись, Эмеральд увязалась следом за мной.

В больничном крыле я искала двух человек: Пэм и Тоню. Здесь было очень тихо и спокойно, в коридоре кислые и сладкие запахи смешивались, и от них тянуло в сон. Я проглотила зевок и постучалась в дверь с табличкой «Смотровая». Эмеральд мялась позади, но хоть сейчас не мешала. Ее стремление всюду таскаться за мной казалось странным, да и если быть честной, я не понимала, чем вообще интересна ей.

Из-за двери показалась уже знакомая мне врачиха. Сперва радостное выражение лица сменилось недоумением, стоило

ей увидеть меня. Вдох усталости сорвался с губ – ещё и этой что-то не нравилось.

Эмеральд вышла вперёд, потеснив меня, и поздоровалась с женщиной. Та в секунду преобразилась – стала мило улыбаться и пригласила нас зайти. Но стоило сказать, что мне некогда и я пришла по делу, как врачиха всплеснула руками и кивнула:

— Ты пришла Тоню навестить? Она в третьей палате, — женщина махнула рукой, направляя нас прямо по коридору.

Я кивнула. Эмеральд перевела настороженный взгляд с женщины на меня и, склонив голову к плечу, немного обиженно спросила:

— А что с твоей горничной? Ты ничего не рассказывала.

Я правда не понимала Эмеральд: она сейчас издевалась, делая интонацию специально обидчивой, или же расстроилась по-настоящему? Я мысленно поинтересовалась у Поганки:

— Всё же ничего не помню про эту Тоню. Про Кэт да, но не про собственную горничную.

— Твоя память очень удобная, скажу тебе, — нехотя проговорила Поганка. — Ты эту Тоню подставишь в недалеком будущем, и ее увезут в крепость. Видимо, поэтому ты предпочла эти воспоминания запихнуть подальше. Но я-то всё вижу.

Мне захотелось громко фыркнуть, но я сдержалась. Бред какой-то. Как я могу сделать то, что будет в будущем? Ес-

ли эта Тоня ничего дурного не сделает, то какой смысл мне строить ей козни? Я переключилась на Эмеральд и нервно подёргивающую руками женщину. Неужели это я её так пугала?

— Представляешь, мне не до того было, — я правда пыталась улыбнуться, но губы будто не слушались. От происходящего я утомлялась всё сильнее: постоянные недомолвки, внезапно всплывающая информация, неприятные разговоры. Я глубоко вдохнула и, разворачиваясь, бросила Эмеральд: — Пошли, навестим Тоню.

Мимо пробежали две медсестрички в серых халатах и даже не обернулись в нашу сторону. Я отчётливо видела, как напряглись их плечи, и они ближе прижались к стене, уступая дорогу. Я проследила за ними. Они должны были скрыться за поворотом, когда одна всё же обернулась и заметила мой пристальный взгляд. Ужас отразился на её лице, и девушка с приоткрытым ртом спряталась за углом. Я почесала висок.

— Почему они так боятся? — спросила вслух, на мгновение позабыв, что рядом со мной идёт Эмеральд, рассматривая потолок.

— Кто боится?

Она заглянула мне в лицо и мотнула головой. Мы не понимали друг друга. Неужели Эмеральд не видит, какая здесь прислуга? Боится лишний раз рта открыть в присутствии студентов. Мне такое не нравилось. Если человек хороший

и не сплетничает, как Кэт, то чего ему бояться?

Я не стала отвечать, махнув рукой, и подошла к третьей палате.

— Нет, Мива, мне правда интересно. О чём ты?

И снова этот обиженный тон, поджатые губы. Остатки памяти подсказывали, что Эмеральд достаточно глупа для правдоподобного вранья, но я не спешила им доверять. Прошлая я была какой-то странной, с искаженным мировосприятием, поэтому Эмеральд в воспоминаниях и реальная могли сильно отличаться.

— Давай потом, — я потянула дверную ручку на себя. — Если хочется поговорить об этом, запомни, на чём мы остановились.

Состроив серьёзное лицо, Эмеральд кивнула, и мы зашли в палату.

Сама Тоня оказалась достаточно приятной особой, правда крайне тихой и пугливой. Когда мы только перешагнули порог, она так выпучила глазища, что я не сдержалась и засмеялась. Эмеральд тихонечко юркнула к аккуратному пуфу, прижатому к стене, поставила сумку на колени и сложила на ней руки.

На моё приветствие Тоня сразу поинтересовалась, что случилось? Голос её при этом дрожал.

— О чём ты? — развела я руками и придиричливо осмотрела палату. — Всё в порядке.

Тут было гораздо бедней, чем в там, где лежала я: ни кар-

тин на стенах, ни шёлковых занавесок или мраморного умывальника – всё просто и без излишеств. Нужно признать, мне эта палата понравилась гораздо меньше. Я остановилась возле маленького столика, на котором стояла корзинка с фруктами, и повернулась к Тоне.

— Что с тобой случилось? Я действительно пришла навещать тебя.

Тоня улыбнулась, и я задержала дыхание. Её тёмные глаза заблестели затаённой радостью, в них чувствовалась надежда на что-то, и мне стало не по себе. В этот момент я ощутила себя ужасным чёрствым человеком.

— Ты и есть ужасный человек, — зашептала Поганка, и наваждение рассеялось. — Девушка в тюрьму из-за тебя попала.

Проигнаровав Поганку, я обратилась к Тоне:

— Так что случилось?

— Меня столкнули с лестницы в исследовательском корпусе! — воскликнула Тоня, но тут же испуганно заозиралась и, поправив себя, продолжила гораздо тише: — То есть я сама упала. Запуталась в подоле. Ещё и ваше поручение не выполнила, — она опустила голову и всхлипнула.

Я испугалась, что она расплается, поэтому поспешила задать вопрос:

— Так, давай по порядку. Что с моим поручением?

Мне было безумно любопытно узнать, что там такого произошло, я попросила сделать Тоню. Я глянула на Эмеральд, но

та усердно делала вид, что трещина в стене гораздо интересней нашего разговора. По-хорошему надо было попросить ее выйти и подождать в коридоре, но Поганка стукнула меня по голове изнутри и шикнула, чтобы я не выгоняла ее, пояснив, что общая тайна сближает, и потом уже сама Эмеральд охотней поделится чем-либо. Я закатила глаза и молча согласилась.

— Когда я упала, свитки, которые вы просили, разлетелись, — Тоня понизила голос, осторожно скосившись на Эмеральд, — теперь же я слышала, что их не досчитались и вроде как они пропали.

Голова шла кругом. Про свитки я тоже не помнила. У прежней меня была чудаковатая выборка на события. Я запомнила лишь тех, кто раздражал, и какие-то сумбурные факты о жизни и мире. Ну и мистера Ланца, конечно же. Крайне странно и очень бредово. Будто ничего хорошего за детские годы или юношество не происходило. Но так ведь не могло быть?

Рука произвольно схватилась за голову. Для чего же мне понадобились свитки из исследовательского корпуса? И что за корпус вообще такой, что там делают? Почему я не могла сама за ними сходить, и пришлось посылать Тоню? Столько вопросов и ни одного ответа. На мои мысленные метания Поганка разродилась ехидным смешком. Я стиснула зубы и потёрла лоб. Ладно, значит, Поганка всё помнит. Это хорошо. Мне есть с кого трясти ответы. Я постаралась

взять себя в руки и снова обратилась к печальной Тоне:

— Допустим, — рассуждала я, — ты сперва сказала, что тебя толкнули, но потом поправились. Что по этому поводу?

Я видела, как занервничала Тоня, и мне это не понравилось. Она скомкала больничный пододеяльник.

— Мне никто не верит. Сказали, что я сама упала, но у меня есть доказательство, — пока она говорила, я услышала шевеление со стороны Эмеральд. Когда я к ней обернулась, та задумчиво смотрела в окно, нервно стуча пальцами по сумке. Тоня продолжила, и я посмотрела на неё: — Я покажу вам. Оно в моём ботинке.

Тоня указала на шкаф. Вот чего я не ожидала, так это реакции Эмеральд. Она подскочила как ужаленная и рывком развернулась к шкафу. Сумка с громким бряцанием свалилась на пол. Настолько резкие и быстрые движения с ней не сочетались, за день я привыкла к другой Эмеральд – плавной и аккуратной.

— Только не говори, что это ты толкнула Тоню, — хотнула я, пока подходила к шкафу.

Эмеральд проигнорировала шутку, вместо этого обратившись к вмиг побледневшей Тоне:

— Скажи, пожалуйста, а когда тебя толкнули? Не позавчера вечером случайно? — Она не пыталась скрыть зарождающуюся панику в голосе.

— Позавчера, — тихо ответила Тоня.

Хмурясь, я распахнула дверцы хлипкого шкафа, и взгляд

сразу упал на аккуратно стоящие в углу ботинки. Я потрясла один ботинок, второй — из него мне на ладонь выпала небольшая пуговица с изображением кошки с крыльями, торчащими вверх, и держащей в лапах веточку, с голубыми крошечными камешками по краю.

— Тю-ю, императорский герб, — тут же пропела Поганка. — Пуговица не самого высшего качества, но голубые камешки — это кристаллики, я тебя уверяю. Причём очищенные. Такими абы кто не сможет пользоваться.

— Даже я? — поинтересовалась, пока катала пуговицу на ладони.

— Конечно! Эти кристаллы далеко не ученического уровня, — задумчиво ответила Поганка и стихла.

Эмеральд схватила меня за руку и заставила повернуться. Я ужаснулась, насколько эта коротышка может быть сильной, если захочет. Стоило ей увидеть пуговицу, как лицо её посерело, затем покрылось розовыми пятнами. Она отшатнулась от меня и, покачиваясь, побрела к пуфу, на котором сидела. Я испугалась, что она рухнет в обморок, поэтому метнулась к графину и налила воды. Когда поднесла стакан, Эмеральд выхватила его у меня из рук и приложила стеклянный ободок к губам. Послышался тихий щелчок, словно что-то треснуло.

Я недоумевала от происходящего. Тоня посмотрела на Эмеральд испуганно, вытаращившись в оба глаза, а затем взгляд ее хаотично заметался по комнате. Я понадеялась,

чтобы и с этой ничего не случилось.

— Какие нежные курочки, — цокнула Поганка.

— Тебя еще не спрашивали, — огрызнулась я.

Состояние Эмеральд меня сильно беспокоило. Она залпом выпила воду и протянула стакан обратно. Я забрала его и увидела на стекле растянувшуюся тонкую трещину. Это было чем-то любопытным. Я на секунду задумалась: а точно ли мне просто показалось на уроке географии? Точно ли это мое переутомление виновато в тряске парты, а не Эмеральд? Я осторожно поставила стакан на прикроватную тумбочку.

— Так что за пуговица?

Эмеральд покачала головой.

— Такие пуговицы носит прислуга императорских спален, — губы ее еле шевелились. Я надеялась, что она продолжит, но Эмеральд совсем сникла, и мне стало ее немного жаль.

— Вот те и здрасте! — воскликнула Поганка. — Вот тебе и поворот сюжета!

Я не прокомментировала выпад Поганки и вернулась к шкафу, стала осматривать одежду Тони. Пуговицы у нее оказались совсем другими — тоже вполне симпатичными, но без камней и герба. Я растерялась. Что мне делать с этой информацией? Кто-то толкнул мою горничную. Кто-то украл свитки. Что за свитки, кто украл, зачем толкнули Тоню? Что делать с этой пуговицей? Я чувствовала, как злость разрастается во мне. Я посмотрела на Тоню. Кажется, она плакала,

прикрывшись распущенными волосами. Кулак сжался. Вот что-что, а обижать свою горничную я не позволю, пусть это будет хоть сам император с императрицей.

— Как сильно ты упала? — Вдохнув и выдохнув, спросила я и перевела взгляд в окно.

Тоня утёрла щёки рукавом больничной ночнушки и дрожащим голосом ответила:

— Мне сказали, что у меня сотрясение головы и перелом ног.

Внезапно загрохотало, и я увидела разлетевшееся по полу стекло и лужу воды. Послышались резкий вздох Тони и испуганный вскрик Эмеральд.

— Эй-эй, милочка, не горячись так! — раздался голос Поганки, но звучал он будто издалека.

Я не сразу поняла, что произошло. Медленно, но до меня начало доходить, что это я скинула стакан с графином. Стиснув злополучную пуговицу в кулаке, я зашагала к двери. Стекло захрустело под подошвой, ногти впились в кожу. С полным спокойствием на лице я вышла в коридор, даже не хлопнув дверью. Мне не хотелось еще сильнее напугать Тоню. Из палаты слышался писк Эмеральд, стук ее низких каблуков, но я не оборачивалась и не останавливалась. Мне нужно было подумать. Я просто обязана найти виновника травм Тони. После случившегося ему не поздоровится.

Глава 11

Хотелось что-нибудь разбить или с кем-нибудь поругаться, но, как назло, по пути из мед. корпуса никто не встретился. Даже аляповатую, раздражающую вазу я оставила в покое. Ещё придётся объяснять причину злости, а оно мне не нужно было.

Гнев остыл достаточно быстро, и мысли стали возвращаться в норму. Я как в бреду вышла на улицу и, пройдя по гравийной дорожке, оказалась в саду.

Я остановилась и вдохнула полной грудью. В воздухе витали ненавязчивые цветочные запахи, волосы шевелил лёгкий ветерок, и я окончательно расслабилась. Наконец осталась одна. Вдоль дорожек тянулась живая изгородь, достигающая мне чуть ли не до груди, за которую можно было пройти и увидеть множество кустов роз. Касаясь пальцами листвы, я побрела в глубь сада. Меня терзало неприятное предчувствие, что все события, произошедшие за последние несколько дней, взаимосвязаны. Кто же толкнул Тоню? Неужели Рената кого-то подговорила? Подойдя к белым розам, я наклонилась, чтобы понюхать. Пахло, безусловно, прекрасно, но подол юбки зацепился за иголки, и когда я присела, чтобы освободиться, уже мои волосы попали в ловушку. Я вздохнула.

— Ну вот, всё против меня, — прошептала я и начала

распутывать пряди.

Внезапно со стороны высоких, кругло стриженных кустов послышались голоса. Я дёрнулась в сторону, но розы будто специально не хотели выпускать меня. Тогда я не придумала ничего лучше, как присесть пониже, чтобы меня никто не застал в таком нелепом положении. Голоса стали отчётливей — люди зашли в сад и остановились совсем неподалеку, и мне оставалось надеяться, чтобы они не надумали пройти мимо.

— Вот нашла из-за чего париться, — хохотнула Поганка. — Ты же сама себя уверяла, что тебе безразлично чужое мнение.

— Не в этом контексте, — парировала я, не переставая пытаться отцепиться от куста. — Растяпой уж точно не хочу показаться.

Судя по звукам и репликам, доносившимся по ту сторону от зелёной изгороди, там стояли несколько парней и девушек. Теребя несчастные волосы, я не прислушивалась к их разговорам и смешкам, пока не раздался приглушённый мужской вскрик и сразу за ним что-то или кто-то не упал на землю, вымощенную гравием. Хоть камни и были скруглённой формы, меня передёрнуло, стоило представить. Воображение подкинуло картинку того, как это может быть больно — со всей силы грохнуться на такую дорожку. Конечно же, я затаилась и начала слушать.

— Ты плохо расслышал, одноухий? — взревел один из парней.

У меня аж голова в плечи втянулась непроизвольно, уж очень злобно это звучало. Тут же ему зашикала девушка:

— Что ты такой громкий, Орвин? Будь тише.

— Не надо, Виола, — слышался другой мужской голос. Звучал он мягко и бархатисто — его обладатель определённо хорошо им управлял.

После секундного молчания тот, которого звали Орвин, заговорил вновь:

— От тебя что, многое требовалось? Только выяснить подробности годового проекта этого склизкого гада. Так ты и на это не способен? — говорил он вроде и тихо, но до меня докатилась волна его ярости. Этой Виоле действительно лучше к нему не соваться.

Я обратилась к Поганке:

— Надеюсь, этот придурок меня не заметит, — почему-то мысленно я захихикала.

— Надейся, — рассеянно ответила Поганка. — Но ничего смешного не вижу в нашей ситуации, — и тут же заговорщицки протараторила: — Ну-ка, давай посмотрим, что там происходит. Посмотри сквозь кусты, уж больно интересно, как будут избивать задохлика.

Я поразилась ее желанию и откуда Поганка знала, что там задохлик, что там вообще кого-то будут избивать. Мне вот как-то не хотелось смотреть на подобное, но было любопытно глянуть, что там вообще происходит и кто все герои. Я осторожно отломала стебель с запутавшимися волосами, от-

чего те накрутились ещё плотней, и на корточках подползла к живой изгороди.

Из всей компании я узнала трёх юношей — тех самых, с которыми столкнулась в галерее перед началом занятий. Взглядом я задержалась на том, кто стоял боком и смотрел куда-то вдаль, склонив голову. Кузен Эмеральд, значит. Если с утра я думала, что его форменная бордовая куртка очень неплохо на нём сидит, и вообще он показался мне привлекательным своей лёгкой небрежностью и хитрой улыбкой, то теперь от одной мысли об этом меня скривило. Может, прошлая я и была неприятной особой, но сейчас же мне не хотелось издеваться над кем-либо. Но эта компашка, видимо, была иного мнения.

— Как думаешь, могут ли они быть причастны к падению Тони? — спросила я у Поганки.

— Вряд ли.

— Ты не знаешь? — не унималась я.

— Нет, это ты не знаешь, — ехидно ответила она.

Мысленно я присвистнула. В который раз убеждаюсь своей неразумности в прошлом. Как же можно было пустить всё на самотёк? Сейчас я понимала, что выкрутилась тогда благодаря Тоне. Я её подставила, и ту забрали в крепость. Сказочно.

Тем временем сценка разворачивалась дальше. Парень, что лежал на дороге, — лицо я не смогла разглядеть, видела только очень светлые тонкие волосы, всклокоченные на за-

тылке, будто его хватали за них, и длинный нос. Как выразилась Поганка, он действительно оказался задохликом. Над ним склонялся, выставив вперёд ногу и уперевшись о колено рукой, другой юноша, предположительно, тот самый грубиян Орвин. Третий стоял ко мне спиной. Я заметила, что у худенького парня куртка отличалась — была горчичного цвета и без сложной вышивки, как у тех троих. Значит, разные направления. Из этого выходило, что все четверо как минимум старше меня на год.

Я посмотрела на девушек. Те стояли чуть дальше, к их сложным причёскам крепились шляпки, и из-за этого я не могла понять, куда они смотрят. Форма у них чем-то напоминала мою: тот же фасон и длина юбок, но вместо жакета были лёгкие приталенные пальто с замороченной вышивкой, не уступающей бордовым курткам их компаньонов. Цвета тоже отличались. У одной синяя, у другой белая. Я усмехнулась — белая форма, как непрактично. Одежду этих девушек мне хотелось рассматривать бесконечно долго. Пришитые цветы, камни, переливающиеся на солнце, расписные шарфики — всё было подобрано со вкусом. Поганке тоже нравились их образы, и здесь я с ней не спорила.

Наконец парень, что лежал на гравии, попытался объяснить:

— Я пытался! — запинаясь, выпалил он. — Он будто бы чувствует, когда я хочу посмотреть. Он всегда осторожен! — юноша приподнялся на локте и уже чуть ли не кричал этому

Орвину в лицо.

Там, где камней касалась его рука, оставались красные отпечатки. Я видела, как по мизинцу, а следом и ногтю стекает кровь. Орвин схватил парня за волосы и с силой тряхнул. В животе будто узел скрутился. Я сглотнула слюну. Взгляд за скакал по фигурам в красивых одеждах. Что сейчас будет?

— Какой же ты бесполезный, — пробормотал Орвин и швырнул парня лицом на гравий, занес ногу и с размаху наступил ему каблуком на ладонь. Звук скрежета камней и болезненный стон врезались в уши. В ужасе я захлопнула руками рот.

То ли я сделала это слишком громко, то ли непроизвольно дёрнулась, из-за чего зашевелились кусты, ведь до сих пор стоявший как статуя кузен Эмеральд покосился в мою сторону и прищурился. Ветер трепал его взъерошенные волосы, и весь он выглядел так просто, будто рядом с ним не происходило избиение человека. Я даже думать себе запретила, будто бы это могло меня выдать. Благо, он смотрел недолго — развернулся к Орвину. Я позволила себе выдохнуть.

— Прекрати, — ледяным тоном потребовал он, — то, что ты не сделал годовую — проблема твоя и денег твоей семьи.

Про себя я просила, чтобы этот придурок Орвин слушал своего дружочка, и они все убрались отсюда куда подальше. Меня до сих пор бросало в дрожь, причём больше от услышанного хруста камней и стопа этого бедолаги, чем от увиденного.

— Ну ты расслабилась, мир жесток, Мива, — посочувствовала Поганка. По крайней мере я решила так считать. — Я рада, что ты не сунулась защищать этого задохлика.

— Я не идиотка, не хочу стать следующей котлетой, — эта шутка показалась мне тупейшей, но Поганка расхохоталась.

Мир действительно жесток. Сейчас я думала, что заперта в зверинце с хищниками, и нет никакой гарантии, что меня не зацепит. Я не строила иллюзий. Если несколько раз мне удалось выкрутиться при помощи слов и диалога, не значит, что так будет всегда. Попасть на место этого студента я точно не хотела. А ведь легко могла. Я не аристократка и беззащитна перед подобными людьми, да и ошибок уже допустила предостаточно, раз Рената прибегнула к угрозам.

Меж тем Орвин проигнорировал приказ кузена Эмеральд отпустить парня, но проворачивать каблук перестал. Я мысленно посылала ему самые плохие пожелания, которые только придумывала. Зашуршал гравий, и девушка в белой форме, подойдя к троице, коснулась предплечья кузена Эмеральд. Пальцы в перчатке пробежали к локтю и стали мягко поглаживать ткань.

— Вилл, пусть Орвин хорошенько его проучит, — щебетала она сладким голосом. — Тут все такие правильные и скучненькие. Нам с Виолетой хочется развлечений.

Девушка стояла боком, и я видела, как её губы растекаются в сладенькую улыбку, такую же, как и её голос. Сказать, что я была в шоке, это ничего не сказать. От услышанно-

го беловолосый парень захрипел и попытался вырваться, но Орвин надавил на ладонь, и тот закусил другую руку, чтобы скрыть рвущийся крик. Меня начало подташнивать. Я жалела, что вообще стала подсматривать за ними, но теперь не решалась даже шелохнуться. Придётся смотреть до конца.

— Смотри-смотри, — влезла Поганка. — Хоть будешь понимать, что может случиться с нами, если будем беспечными.

— С нами? — мысленно прохрипела я. — Это я могу лишиться конечности в случае чего, а не ты.

— Ты точно в этом уверена? — я прямо слышала сочившийся сарказм в её интонации.

Вилл посмотрел на улыбающуюся девушку нечитаемым взглядом, скосился на Виолету и сбросил руку. Сжал кулак, и меня ослепило вспышкой голубого света. Тут же Орвин выругался и, схватившись за колено, отшатнулся. Третий парень расхохотался, запрокинув назад голову, и похлопал Орвина по плечу. Я проморгалась. Что только что произошло?

— А этому мальчишке и кристалл не нужен, интересно, — задумчиво пробормотала Поганка. — Ему дорогу мы не переходим...

Я фыркнула про себя – как будто мне хотелось!

— Такого рода развлечения мне не интересны, за два года это так сложно понять? — голос Вилла смягчился и стал каким-то шутливым.

Я поразились его резкой перемене – вот и ещё один лице-

дей нашёлся. С каждым часом, проведённом на «Ферме», я всё больше убеждалась, что окружают меня сплошные вруны и актёры.

— Проваливай, — теперь Вилл смотрел на прижимающе-го к груди окровавленную ладонь парня. — Пусть хоть кто-нибудь узнает о случившемся...

Он не договорил и, покачав головой, развёл руками в примирительном жесте. В этот момент я могла поклясться чем угодно, что взгляд его на секунду метнулся в мою сторону. У меня брови поползли на лоб, и я стала убеждать себя, что мне всё привиделось.

Парню не пришлось повторять дважды. Закивав как сумасшедший, он попытался подняться, но гравий под ботинками разлетелся в стороны, и несколько раз юноша упал на камни. Орвин, третий их дружок и девушка в белом хохотали, чуть ли не заикаясь. Виолета молча наблюдала за всем, поправляя шляпку, а Вилл снова уставился в даль. Напоследок, когда парень почти поднялся, Орвин переглянулся со своим дружком и подружкой — садистами, и под их одобрение пнул того под задницу. Юноша не удержался, видимо, сила удара была не маленькой, и упал лицом на камни. Как бы я не хотела отстраниться от происходящего и не сочувствовать, в этот момент во мне бурлила ярость. Я с удовольствием бы разбила каким-нибудь тяжелым предметом лицо этого Орвина. Да так, чтобы выпали зубы...

Поганка остановила дальнейшие мысли уколom боли в ви-

сок.

— Ты идиотина? Скорее он с тобой такое провернёт... Пока он сильней, но только пока, у нас всё впереди.

Я кивнула скорее для собственного успокоения.

Новая волна хохота пронеслась по саду. Я не разглядела, что стало с лицом парня — к нему подошёл Вилл, загородив спиной, и, как бы тот не отмахивался окровавленными руками, помог подняться. От его противоречивого поведения у меня мурашки по шее побежали. Вилл ещё что-то говорил парню, но тот оттолкнул его и побежал куда-то вглубь сада, держась здоровой рукой за нос.

— Только не злись, — отсмеявшись, сказал Орвин.

Вилл же стоял неподвижно, смотря в ту сторону, куда только что убежал юноша. Его спина и плечи напряглись, когда Орвин приблизился к нему.

— Как бы тебе не нравилось, тебе придётся считаться с нашим мнением и желаниями. Ты же сам всё понимаешь, — подал голос до сих пор молчавший третий, и Вилл резко обернулся к нему. Взгляд его пылал гневом. Но пылал недолго. Он прикрыл глаза, и когда открыл, смотрел гораздо спокойней, будто бы с издёвкой.

После всего произошедшего я бы не удивилась, если бы они подрались. Но, говоря откровенно, была бы не против.

— Какой толк в подобной жестокости? — сложив руки на груди, поинтересовался Вилл. В его голосе слышалось лёгкое напряжение. — Он и так по щелчку пальцев выполняет

поручения, как верная собачонка. Если переусердствовать, он может укусить.

К ним подошла Виолетта. Кажется, она собиралась что-то сказать, но её оттеснила девушка в белой форме и обратилась к Виллу:

— Что ты от них хочешь? — Виолетта окинула её презрительным взглядом, но смолчала. Девушка тем временем продолжила: — Они же мясники и не понимают всех тонкостей...

Закончить она не успела, снова заговорил третий парень, имени которого я так и не узнала:

— Как глупо ты пытаешься привлечь к себе внимание, Маргарита, — её гневное возражение он проигнорировал и заговорил уже с Виллом: — Ты бы лучше думал о нашей проблеме, — усмехнулся он и прошёл мимо Вилла, нарочно задев плечом.

Как же их компашка меня достала! Как можно так долго страдать ерундой? Сначала избили человека, теперь чешут языками, обсуждая непонятно что и непонятно зачем. Я просто устала ждать, когда же они свалят из сада, и я смогу пойти обратно в медицинское крыло, чтобы договорить с Тоней. Мне срочно нужна смена обстановки. Ещё хорошо, что я догадалась встать на колени, а не сидеть всё время на корточках, да, юбка испачкается — это до меня дошло только сейчас, но это не смертельно.

От всей грязи, что пришлось наблюдать, у меня зачесалась

голова. Я просто взмолилась, чтобы это не оказалось вшами. Поганка посмеялась:

— Видимо, твоим вшам тоже не понравилось увиденное. Я скрипнула зубами.

— Зато тебе, как вижу, очень даже понравились!

Поганка уколола в затылок.

— Не делай из меня какую-то кровожадную.

Пока мы с ней припирались, я и не заметила, как компания начала уходить. И всё бы ничего, если бы не слова Виолетты, долетевшие до моего укрытия:

— Рената с ней разберётся, глупенькая сестра не понимает, кто на самом деле надоумил её убить попутая.

Они свернули за деревья, и ветер унёс их разговоры в противоположную от меня сторону. Я проморгалась и рывком поднялась – отломанный стебель розы так и болтался, запутавшись в волосах. Поганка шикнула, чтобы ещё посидела в укрытии, но я не обратила внимание. Это было потрясающее открытие: я узнала, как выглядят сёстры Ренаты, случайно приоткрыв завесу их тайны, и у меня появились первые подозреваемые в деле Тони. Значит, события запустили они, а прошлая я оказалась глупой и легко повелась. Я заходила кругами. Но и Рената думает, что спланировала всё сама. Как же интересно.

— Ничего интересного, — фыркнула Поганка, и я замерла. — Мне больше любопытно, как ты будешь выкручиваться из ситуации. То, что ты узнала, никак не позволит тебе

избежать случившегося раньше. Часики тикают, время утекает.

Ничего не ответив, я обошла живую изгородь и подошла к тому месту, где Орвин избивал парня. Теперь на гравии были капли подсохшей крови. Носком ботинка я начала ворочать камни, чтобы скрыть следы, меж тем анализируя всю доступную информацию: я очнулась в овраге после проведения некого запрещённого ритуала – это первое; об этом ритуале я узнала из книги, которую мне дала Рената – это второе. Я присела на корточки и, обхватив колени, стала перекачиваться с носка на пятку. Вопрос: откуда книга с колдовскими ритуалами, к слову, запрещенными и карающимися минимум тюремным заключением, у Ренаты?

— От её сестёр, логично же, — ответила Поганка.

— Не мешай! — рывкнула я мысленно.

Я подобрала камень и покачала в ладони. Видимо, в процессе я допустила ошибку, раз сестрички Ренаты никак себя не проявили, или же изначально методика ритуала составлена неверно. Пока я склонялась к первому, но всё же — важен не итог, важен сам прецедент. Сейчас я была благодарна Поганке, что та вылечила мою ладонь и на одну улику стало меньше. Я швырнула камень. Пока первостепенная задача — разобраться с уликами, чтобы у Ренаты на меня ничего не осталось, и чтобы я не подставила Тоню. Также мне не давало покоя, что преподавательский состав в злополучную ночь ритуала искал не меня, и что параллельно что-то случилось.

Вопрос второй: зачем Рената пошла на это? Я мотнула головой — это не важно. Также неважной показалась мотивация прежней меня. Больше интересовало другое: кому я умудрилась перейти дорогу, раз сестрички решили натравить на меня Ренату? И кто же всё-таки толкнул Тоню и за что?

Я поднялась и отряхнула руки о подол юбки — плевать, кому я не понравилась. Нужно выяснить, кто толкнул Тоню и что делать с висящим надо мной будущим. Я развернулась, чтобы вернуться в корпус, как вдруг меня осенило. А где книга с ритуалами сейчас?

— Поганочка, скажи-ка, пожалуйста, где та книга сейчас? Она наверняка у меня.

Поганка сидела тихо, пока я шла к корпусу, и этим раздражала. Но я терпеливо ждала.

— Ну слушай, подружка, вроде ты её отдала Тоне, но это не точно, — ответила она внезапно, и я растерялась. Я уже сомневалась, что Поганка поделится со мной информацией.

— Спасибо, — на мою благодарность Поганка усмехнулась.

Я замедлилась и решила спросить ещё кое-что:

— В прошлом мой порез на руке сыграл какую-то роль? Ведь тогда не было кому залечить его.

— Конечно сыграл, и тело птицы очень быстро отыскивали. Как будто специально, — заговорщицки протянула она.

Дальнейший примерный план я наметила такой: выяс-

нить, куда делась книга, найти и избавиться от неё — угрозы Ренты меня всё же напугали, поэтому я хотела опередить её; понять, что за свитки пропали и насколько они важны для моей безопасности, а уже потом разузнать о королевских пуговицах и наказать виновника в падении Тони. Пока я предположила, что Тоню столкнули из-за книги.

— Ну допустим, виноватой окажется Рената или одна из сестер, что будешь делать? — усмехнулась Поганка и повернулась в голове. Хоть дискомфорт от этого движения и появился, но сильной боли не вызвал. Кажется, я начинала привыкать, и это радовало.

— А что я им сделаю сейчас? Ничего. Просто буду знать. Ты к этому ведёшь? — я почесала висок. — Потом отомщу. Если это действительно они.

— Ладно, я не против кому-нибудь отомстить.

Улыбка растянула щёки — иногда Поганке удавалось меня повеселить — и радостная, широким шагом я завернула к корпусу, как вдруг навстречу выскочила перепуганная Эмеральд и, то ли не заметив, то ли не узнав, чуть не влетела в меня. Несколько светлых прядей выбились из её безукоризненной укладки и смешно топорщились в стороны. Она обошла меня и уже собиралась идти дальше, как брови её нахмурились, и Эмеральд задрала голову. Растерянность в секунду сменилась неподдельным ужасом, глаза расширились, рот неуклюже приоткрылся. С её утончёнными чертами это смотрелось крайне смешно. Смешно настолько, что

я не сдержалась и захохотала. Одна волна смеха накатывала на другую, и я не могла остановиться. У меня заболел живот, щёки, но я смеялась, как сумасшедшая, и виновницей этого уже была не Эмеральд. Но она, кажется, восприняла это на свой счёт. Вытянув руки по швам, Эмеральд поджала губы и уставилась на меня исподлобья.

— Да заткнись ты! — закричала Поганка и кольнула в затылок так сильно, что почернело перед глазами.

— Ой! — вырвалось у меня, но приступ смеха стал сходить.

Когда я отсмеялась, почувствовала, как стало легче. Легче от всего.

— Ты знала, что основатель «Фермы» — Эльзар Истерик умер от приступа смеха? — серьёзным тоном спросила Эмеральд.

Я крикнула и чуть снова не засмеялась.

— Хорошая шутка, — ответила я.

Эмеральд вздохнула.

— Это не шутка, это история.

Я хотела возразить, что она слишком много умничает, но Эмеральд взмахнула рукой и жестом показала мне молчать.

— Его ученица — Варана Злобная — наложила на него проклятие вечного смеха, и он умер, так и не успев от него избавиться, — она укоризненно посмотрела на меня, словно я маленькая и не знаю элементарных вещей. Что странно, я не хотела злиться на неё. За весь долгий день я впервые чув-

ствовала некое спокойствие и умиротворение. Не знаю, какое выражение лица у меня было, но Эмеральд недовольно поджала губы. Видимо, ей очень хотелось поделиться историей старика, потому что она продолжила: — Легенда гласит, что в своём саркофаге уже мёртвый основатель смеётся, — я снова попыталась перебить её, но не смогла. Эмеральд резко сменила тему: — Что с твоими волосами?

Она окинула меня недовольным взглядом, и я поморщилась — а что, собственно, с моими волосами?

— Ля, у тебя роза сзади болтается, дурында, ты что, забыла? — загоготала Поганка противным голосом.

Действительно, я совершенно забыла о розе и о том, что пряталась за кустами.

— Что с юбкой? Почему она... такая? — беспокойный голос Эмеральд вернул меня в реальность.

Я пожала плечами. Пока не решила: стоит ли рассказывать увиденное недавно или нет, тем более раз это касалось её кузена. Эмеральд в очередной раз вздохнула и полезла в сумку. Я заглянула следом и стала смотреть, как она копается на дне, переворачивая ручки и отодвигая тетрадки в сторону. Не сумка, а бездонный мешок. Наконец она вытащила небольшой футлярчик и достала из него маникюрные ножнички. С примерзкой улыбочкой она пощёлкала ими перед моим носом и, прищурив глаза, приказала:

— Повернись.

Я подчинилась, и когда обернулась, мне в лицо ткнулся

белый бутон.

Глава 12

Под ворчание Эмеральд о моем неряшливом внешнем виде я наспех завязала волосы в косу и закрутила их на затылке. Она сделала пару неудачных попыток помочь мне: в первый раз я отскочила, во второй – демонстративно повернулась к ней спиной. Ещё Эмеральд хотела дать мне зеркальце посмотреться, но я и так прекрасно понимала, что выгляжу, мягко говоря, не ошеломляюще. Оставалось надеяться, что студентов после учёбы в коридорах околачивается немного, тем более в медицинском крыле.

Я отворила двери и осторожно высунула голову в коридор, осматриваясь. Где-то слышались приглушенные женские голоса, но по отрывкам фраз я поняла, что это разговаривают то ли медсестры, то ли врачи. И вряд ли им было дело до моего внешнего вида. Кроме как сплетнями между собой они бы мне ничего не сделали. Стараясь не стучать каблуками, я пошла в сторону палаты Тони.

— Зачем скрываться, если тебе так всё равно на внешний вид? — недовольное бормотание Эмеральд летело мне в спину.

На ее вопрос мне нечего было ответить, и я пожала плечами.

— Ты такая странная временами, — сказала Эмеральд будто сама себе.

«И зачем же ты за мной носишься тогда?» — подумала я и глянула на нее из-за плеча. Интересно, что она вообще обо мне думает? Заметит ли изменившееся поведение?

— Вряд ли, — внезапно ответила Поганка.

В палату я зашла одна, намекнув Эмеральд, что надо бы последить за коридором и не дать кому-нибудь случайно узнать о произошедшем. Чтобы не подставить Тоню, конечно же. Удивительно, но она с большим желанием согласилась.

Мы достаточно быстро поговорили. Тоня рассказала, что книгу в розовой обложке, которую я ей доверила, она положила на третий стеллаж. Мысленно я молилась удачному стечению обстоятельств, чтобы этот стеллаж оказался где-нибудь подальше в закутке и какой-нибудь научный сотрудник случайно не заглянул туда. Ещё нужно было выяснить о пропавших свитках. Я стиснула кулак и упёрлась им в переносицу. Нет, спрашивать о таком небезопасно. Это вызовет подозрение у Тони и потом может обернуться против меня. До конца я ей не доверяла. Пожелав скорейшего выздоровления, я вышла в коридор. Злополучная пуговица оттягивала карман жакета, но пока было не до нее.

Меня нервировала одна только мысль, что книга может попасть не тому в руки. Например, Ренате или её сёстрам. Как это может повлиять на мою безопасность? Вдруг им взбредёт в голову начать шантажировать? Как оказалось, «Ферма» просто кишит моими недругами, словно таракана-

ми. Стоило пойти к себе, там поужинать и продумать следующий шаг: каким-то образом пробраться в исследовательский корпус, забрать книгу и что-то с ней сделать. Куда-нибудь спрятать или сжечь? Я должна расшибиться, но опередить их.

Я медленно шла по коридору и не сразу услышала зовущую меня Эмеральд. В раздумьях я успела о ней позабыть. Ничего ей не ответив, я вышла на улицу и направилась в сторону женских спален.

— Пошли через розовый сад, там всегда мало людей, — внезапно заговорила Эмеральд, и я вздрогнула. Она поджала губы и в воздухе обвела рукой мой силуэт. — Не надо лишний раз показываться в таком виде.

Я вздохнула и закатила глаза. Что же она пристала-то ко мне? Но из всех окружающих общение с Эмеральд доставляло мне наименьший дискомфорт, поэтому я стиснула зубы и улыбнулась.

Розовым садом оказалось то самое место, где я стала невольным свидетелем избиения.

— Очень романтическое название, хорошо подходит для подобного... — глумилась Поганка, не замолкая, — ...романтического избиения. Он же его по заднице пнул? Вполне романтично, — снова и снова она напоминала мне о случившемся в своей дурацкой манере. Но я её игнорировала. Как обычно.

Мне совсем не хотелось разговаривать: ни мысленно с По-

ганкой, ни с кем-либо вслух. Усталость за день навалилась на меня, и я мечтала помыться, поесть и полежать. Но ведь мне еще надо было учиться. Уже через неделю ожидалось начало экзаменов, а я разве что поклониться с прямой спиной в реверансе могла. На самом деле я надеялась на помощь Поганки. Всё же виновницей всего я считала именно её.

То, что Эмеральд отстала, я заметила лишь когда проходила возле заросшей какими-то растениями стены неизвестного мне корпуса. На узких стеблях, наслаивающихся друг на друга и закрывающих плотным ковром бежевые камни, торчали голубые и фиолетовые цветочки, от которых тянуло в сон. Здесь было свежо, солнце не палило в глаза, и ветерок приятно обдувал лицо. Прикрыв ладонью рот, я протяжно зевнула. Нужно подождать Эмеральд. Эта мысль меня позабавила – ещё полдня назад о подобном я даже не думала.

Я приблизилась к цветочку поближе, чтобы понюхать, но Эмеральд вскрикнула позади, и я замерла.

— Что с тобой сегодня? Это же дремотник!

По названию мне стало всё понятно, и я отшагнула – вот почему резко потянуло зевать. Наверное, со стороны я выглядела крайне глупо, но ведь это не моя вина!

— Ведь так, Поганка? — мысленно я злобно фыркнула.

— А чья же ещё? — хохотнула она в ответ.

Пальцами я потёрла переносицу и заговорила вслух:

— После удара головой всё не могу в себя прийти, — попыталась я оправдаться.

Кажется, Эмеральд не поверила. Она покачала головой и почему-то не пошла дальше вдоль корпуса, а свернула и села на белую лавочку. Её лицо в секунду переменялось: нахмуренные брови разгладились, уголки губ опустились. Она протяжно вздохнула. Нервный смешок сорвался с губ. Как на уроке географии – Эмеральд делала это снова! Она что, не может начать разговор первой? Что за многозначительные вздохи?

— У всех свои странности. Нам её дружба пока нужна, так что привыкай, — начала разглагольствовать Поганка.

— Мне такое не нравится, — возмутилась я, при этом внешне оставаясь спокойной. — Это по-детски.

Больше Поганка ничего не сказала. Потоптавшись на месте и посмотрев по сторонам, я никого поблизости не увидела – дальше, через распахнутые двери, ведущие в корпус, сновали ученики, замечая лишь дорогу под ногами и книги, в которые уткнули свои носы.

— В отличие от некоторых, они готовятся к экзаменам, — ехидный голос Поганки вывел меня из ступора, и я отвернулась.

— Рада за них, — буркнула я.

Эмеральд вздохнула второй раз.

Солнечный диск спрятался за крышей корпуса, ветер подул сильнее, принося с собой запах дремотника. Подавив рвущийся зевот, я подошла к Эмеральд и села рядом на скамейку. Вытянула ноги и скрестила щиколотки. Подол юбки

задрался, демонстрируя скучные серые ботинки с небрежно завязанными шнурками, скатавшиеся гармошкой гольфы и голую кожу. Кажется, Эмеральд хотела что-то сказать — с ее стороны послышалось сдавленное кряхтение. Я скосилась на нее — она таращилась на мои ноги с округленными глазами.

— Я так понимаю, что, по твоему мнению, я сижу неправильно, — она медленно перевела взгляд на меня. Я почесала за ухом, усмехаясь, и заговорила вновь: — Тебя больше удивляет мои скрещенные ноги или же спущенные гольфы?

Эмеральд надула щеки. Я махнула рукой, откидываясь на спинку. Наконец-то получилось расслабиться, а то весь день ходила, будто проглотив палку.

— Ты лучше думай, как вернуть книгу с ритуалами, а не прохлаждайся! Почему это я должна об этом переживать, пока ты ленишься? — негодовала Поганка, крутясь в голове. — И ведь мне ещё на экзаменах помогать! Бестолочь ты такая.

— Отвянь, — я улыбнулась одним уголком губ, — всё будет хорошо, надо наслаждаться жизнью.

Поганка крякнула и замерла.

— Это точно ты? — прошептала она.

Станный вопрос. А кто, если не я? Ничего не ответив, я окинула взглядом учебный корпус, перед которым мы сидели, всмотрелась в окна второго этажа, но в чёрных провалах ничего не увидела. Неподалеку стояла остеклённая оранжерея, и рядом с ней несколько маленьких теплиц. Кажется, это был ботанический корпус, к которому прилегал тот са-

мый злополучный розовый сад. Значит, ботаника и алхимия проходят тут. Хотя бы в этом я разобралась.

Эмеральд демонстративно отвернулась, сложив руки на коленях. Я уже хотела возмутиться, но взгляд упал на ее заколку, удерживающую большинство волос в причёске на макушке. Много блестящих камней, позолота, если не настоящее золото, и уже знакомая кошка с крыльями. Правда, у этой не было веточки — ее лапы лежали на голубом круглом камне, похожем на шар. Тут же в голове мелькнули слова Эмеральд про императорский герб. Я напряглась.

Поганка шикала мне, чтобы молчала, но я не смогла не спросить:

— Ты что, из императорского дворца? — всё же неловкий смешок вырвался в конце.

Поганка хрюкнула:

— Да, полемойка из дворца.

Эмеральд заметно напряглась, но быстро взяла себя в руки и, задрав подбородок, обернулась ко мне, рот приоткрылся, но она ничего не произнесла. Плечи ее опустились, послышался усталый вздох. Действительно, мне придётся примириться с этим, если в будущем я не хочу раздражаться каждый раз.

Пока мы молчали, я быстро собирала в кучу всю доступную мне информацию. Императорский герб, прилипчивые взгляды учеников ко мне, когда мы с Эмеральд вместе, дрожь парты на уроке географии и треснувший стакан,

безропотное повиновение других девушек. Брови поползли вверх. Я почесала ухо. Теперь мне становилось понятней, почему Вилл и компания натравили на меня Ренату. Ведь не я их проблема, а Эмеральд. Как же замечательно, что Поганка, Ырка разорви ее, мне ничего не сказала! Неужели сестрички хотят, чтобы я пакостила Эмеральд, рассказывая обо всём, лишь бы не оказаться на месте того парня и не стать котлеткой? Изошрённо. А глупая прошлая я, видимо, почти попалась, но подвернулась доверчивая Тоня, и всё досталось ей: и книга с ритуалами, и сам ритуал с убитым попугаем, и пропавшие свитки. Я хлопнула в ладоши.

— Ничего, мы ещё всем покажем, кто тут самый хитрый. Они ещё пожалеют, что пошли против меня.

— Кто пожалеет? — испуганно воскликнула Эмеральд, и я поняла, что сказала всё вслух, хотя вроде обращалась к Поганке. Эмеральд сложила руки в замок и прижала к груди: — Тебе кто-то что-то сделал?

Я подтянула к себе ноги, выпрямилась и серьезно на нее посмотрела:

— Давай-ка начистоту, подруга, — почему-то мне показалось, что такой тон и обращение я позаимствовала у Поганки, на что та лишь фыркнула.

— Подруга... — прошептала Эмеральд и посмотрела на свои руки в перчатках.

Конечно же, никакими подругами мы не были: я ее знала один день, да и не сильно она мне и нравилась. Что же

касалось Эмеральд: неужели у неё всё настолько плохо, что из всей «Фермы» кроме меня ей не с кем было общаться? Но мои просто так брошенные слова возымели эффект. Она улыбнулась уголками губ и чуть-чуть расслабилась. На секунду мне стало неловко, и я пожалела, что, не обдумав, назвала её подругой и дала ложную надежду. Ведь сама я не собиралась с ней сближаться. Я решила продолжить разговор и отбросить ненужные размышления. Какая разница, что там Эмеральд надумала. Меньше доверять надо, будет ей потом уроком.

— Получается, ты из императорской семьи?

Эмеральд склонила голову к плечу и поджала губы.

— Да, — после короткого молчания ответила она и ско-силась на дорожку. — А ты не знала?

Я прикусила внутреннюю сторону щеки. Как глупо получилось, действительно, неужели я об этом не знаю? Почему надо было обязательно об этом спрашивать? Не могла промолчать?

— Поганка! — зашипела я на нее. — Почему ты мне не помогаешь?

— А что я? — захихикал голос где-то во лбу. — Мне смешно.

Нужно было переводить внимание Эмеральд с моего глупого вопроса на нее саму. Сложив руки на груди и прищурившись, я спросила:

— Расскажи про пуговицу, которую мы нашли у Тони, и

как она связана с тобой?

Тень сомнения пролегла на ее лице: взгляд забежал, и она сложила руки в замок на коленях, стиснув их. Поганка стала приказывать, чтобы я ее заболтала, бросив невзначай что-нибудь одобряющее, мол, Эмеральд доверчивая и клюнет. Я решила попробовать.

— Нам же надо понять, что произошло, — я сделала ударение на первом слове. — А что, если твой кузен в этом замешан? — Эмеральд оцепенела — кажется, я нащупала верное направление разговора. Я стала рассуждать дальше, стараясь звучать убедительней: — Просто зачем кому-то вредить моей горничной? Я вроде никому дорогу не переходила, — подперев подбородок рукой и блуждая взглядом по корпусу, я старалась не смотреть на Эмеральд. — Но вдруг наше общение с тобой кому-то не нравится...

Я многозначительно замолчала — за всё время, пока мы тут сидели, мимо нас впервые прошла парочка учеников, как обычно прицепившись взглядами. Наверное, это будет продолжаться еще долго, и мне придется примириться и с этим, постараться не обращать внимание. Кажется, Эмеральд даже не заметила их. Она выпрямила спину и заговорила приглушенным, будто сдерживая себя, голосом:

— Такие пуговицы носит императорская прислуга, — я хотела перебить, сказав, что уже знаю об этом, но Поганка не позволила. Эмеральд продолжала: — Для членов императорской семьи спален в «Ферме» всего пять, но сейчас за-

няты лишь две: моя и Вилльяма. Также императорская прислуга служит у всех учеников, чьи семьи приближены к правящей. А таких наберётся с десяток.

Я отметила, что семьи Надии и Франсины не считаются приближёнными. А раз их поселили со мной – простолюдинкой, хоть и не бедствующей, — не следовало ли из этого, что они в немилости? Может, простое совпадение, но для себя я решила, что следует во всём разобраться. Конечно, это не получится быстро и сразу, но потихоньку вода и камень точит. Я быстро глянула на серьёзную Эмеральд. Интересное общение у меня выходит. Должна ли я воспользоваться этим? Улыбка вырвалась против воли. Обязана. Может, благодаря нашей невероятной дружбе в будущем мне удастся заполучить дворянский титул? Это поможет во многом.

— Для нас это будет просто чудесно! — воскликнула Поганка. — Это хороший план. Будучи дворянкой, ты сможешь получать больше информации, закрытые исследования, книги и даже колдовство откроются, перемещение по Июлии и в другие страны станут проще. Узнаем, как высвободить меня из брэнной смертной оболочки.

Я закатила глаза, но решила уточнить:

— Что там про колдовство? При чем тут дворянский титул?

Поганка фыркнула.

— О, дорогая моя Мива-Алистер, — меня передёрнуло от услышанного. А разве Алистер – не мужское имя? Почему я

вообще решила выбрать себе подобное старческое имя? Будто дед какой-то. Тем временем Поганка продолжила: — Ты думаешь, всем одинаково позволено пользоваться кристаллом? Ты даже очищенный кристаллик не сможешь законно получить, не то что разрешение на сложные манипуляции. Для этого нужен специальный мандат.

— Что? — Я впервые слышала подобное слово.

— Разрешение, короче, — Поганка вздохнула. — Помнишь, как директриса книги в стулья превратила? — Я начинала догадываться, к чему ведет Поганка. — Так вот, я тебе об этом не сказала тогда, чтобы не расстраивать, но...

— Ясно-ясно, я родилась не под той звездой, — попыталась я отшутиться, но, признаться, откровения Поганки меня задели. Как-то нечестно это всё получалось.

К плечу осторожно прикоснулись, и меня выдернуло из размышлений. Стоило глянуть на Эмеральд, как та отдернула руку. Она улыбнулась, и я попыталась в ответ, но губы только и могли что нелепо кривиться, пришлось оставить эти жалкие попытки.

— Почему ты упомянула Вилльяма? — вдруг спросила она.

— Да так, просто. Вы же не в самых хороших отношениях, — пожала я плечами.

— Никогда бы не подумала, что тебе есть дело до наших с ним отношений. Ты ведь не слушала мои жалобы на него и его компанию, — хихикнула Эмеральд, прикрывая рот ла-

донью в перчатке.

Я обратила на них внимание. Безусловно, они были идеально пошиты и из дорогущего материала, но всё же уступали перчаткам Франсины. Вообще складывалось впечатление, что одежда Эмеральд и Вилльяма более простая, чем у моей злополучной соседки, но при этом та почему-то не приближена к императорской семье и делит гостиную с не аристократкой. Интересно, как я вообще попала в «Ферму»? В памяти, как назло, эта информация не отложилась, да и Поганка ничего не говорила.

— Эмеральд, — обратилась я серьезным голосом. Она ответила мне внимательным взглядом, — ты сможешь помочь мне выяснить, кому принадлежит эта пуговица? Я хочу, чтобы злоумышленник понёс справедливое наказание.

В голове уже назревал план действий. Когда мы найдём того, кто толкнул Тоню, нужно будет обставить этот инцидент как попытку покушения на Эмеральд. Нет смысла делать жертвой меня – не настолько важная персона. На секунду я задумалась, кто же будет сегодня помогать мне вместо Тони? И вдруг, словно вспышка, перед глазами пронеслось воспоминание предыдущего дня.

Эмеральд собиралась что-то сказать, но я не дала ей, подскочив с лавочки. Уставившись на нее во все глаза, я воскликнула:

— Ты знаешь горничную Кэт?

У Эмеральд брови сперва взметнулись, потом сошлись на

переносице. Кажется, она знала.

— Эмеральд, это мой первый подозреваемый. Но нужно проверить всех остальных, вряд ли она действовала одна и не подстраховалась.

Мои щеки запылали, скорее застучало сердце и рот наполнился слюной. Возможно, тут всё на поверхности. Эмеральд поднялась и несколько раз провела рукой по ткани жакета, смотря куда-то вдаль.

— Хорошо, я постараюсь, — кивнула она. — Теперь нам пора.

Но стоило направиться в сторону спального корпуса, как вдруг послышался женский крик, и он точно доносился из окна ботанического корпуса. За ним следовало еще несколько звонких возгласов, а потом раздался такой оглушающий грохот, будто откуда-то сверху кинули каменную глыбу. Мы переглянулись. Я хотела сказать, что нам не стоит идти на эти звуки, что пусть другие разбираются, но Эмеральд воскликнула:

— Что-то случилось! Кто-то может пострадать! — и, забыв сумку на лавочке, бросилась к дверям в корпус, где уже стояла кучка растерянных учеников.

Я поджала губы.

— Вот неугомонная! — фыркнула Поганка и тут же огрела меня ударом в висок. — Что стоишь, как соляной столб? Бегом за этой дурындой!

Я надула щеки, злобно выдохнула, но послушалась. Под-

хватив обе наши сумки, я побежала к корпусу.

Глава 13

Грохот доносился из-за распахнутых настежь массивных дверей неизвестной аудитории – издалека мне не удалось разглядеть табличку на стене. В коридоре оказалось немногочисленно, так как наверняка большинство учащихся к этому времени уже разошлись по комнатам, но все же беспрепятственно пройти не удалось. Приходилось протискиваться мимо и примирительно улыбаться, когда сумки случайно кого-нибудь задевали, попутно высматривая Эмеральд. Хорошо, рост позволял. Заметила я ее возле самых дверей, оживленно разговаривающую с какой-то женщиной, по лицу которой от лба и до подбородка стекала кровь. Я содрогнулась – не слишком ли много травм на один день?

Я проходила мимо шепчущихся парней, когда до меня долетел обрывок их разговора:

— Это, наверное, Библиотечный Абич! — в его голосе слышался неподдельный восторг, пусть и тихий. Я на секунду задержалась возле них, делая вид, что перехватываю сумки поудобней. — Не знал, что и тут они могут бушевать!

— Не знаю, не знаю, — с сомнением отвечал ему второй. — Я понимаю – Подкроватный или Чуланный Абич в старом поместье моей древней бабки, но тут. В «Ферме»? Одно дело – безобидные шутки, другое – нападение.

Я хмыкнула: что за Абич такой? И, кажется, сделала это

вслух, ведь перешёптывания смолкли, и на меня тут же устремились два недоверчивых взгляда. Один парень приподнял густую бровь и плотно стиснул губы, тем самым словно прогоняя меня. Я приторно мило улыбнулась и подошла к Эмеральд.

Изумрудная Библиотека – гласила покосившаяся табличка на стене. Ей это название подходило идеально – в коридоре картин и гипсовых младенцев почти не было, зато с лихвой хватало всевозможной растительности: кадки с цветами на полу, на подставках разной высоты, в горшках, покачивающихся под потолком, а также оплетающие светлые колонны вьюнки. Из-за повышенной влажности кожа быстро покрылась лёгкой испариной, и мне стало неприятно.

Окровавленной женщиной оказалась местная библиотекарша – она стояла, схватившись за голову, и Эмеральд придерживала её под локоть. По тихим разговорам стоящих поблизости девушек я поняла, что книги в библиотеке внезапно сошли с ума – начали метаться по залам и набрасываться на ничего не подозревающих учеников. Следом затряслись шкафы, из красочных описаний девушек выходило, что они чуть ли не пустились в пляс, выплёвывая со стеллажей книги, так, что те посыпались на головы.

— Это точно Абич, — со знанием дела заявила Погаска.
— Я его чувствую.

— Это что, имя? — поинтересовалась я.

— Нет, подвид, — сказала она и замолчала, будто внесла

хоть какую-то ясность.

Мне стало интересно, что же всё-таки происходит в библиотеке, захотелось самой увидеть, что там за Абич такой, и я, сделав несколько шажков, осторожно заглянула внутрь. Дрожащие, валяющиеся друг на друге огромные шкафы, мечущиеся книги и парящие под потолком столы – вот и всё, что я успела рассмотреть, ведь стоило моргнуть, как острыми углами на меня полетела целая стая разноцветных переплётов. Тело словно оцепенело. Послышался испуганный вскрик Эмеральд, а я, растерявшись, только и смогла, что сделать неуверенный шаг назад. Вместо того, чтобы закрыть лицо, я тарасилась на мчащиеся в мою сторону книги. Удар был неизбежен. Я задержала дыхание. Что-то легонько задело плечо, и книги застыли в воздухе почти возле самого носа. Шумный выдох сорвался с губ, и глаза на секунду прикрылись. Голова закружилась, и я пошатнулась. Меня дёрнули за локоть, оттаскивая в сторону, и сумки упали под ноги – я уже и позабыла, что всё это время держала их. Следом за сумками загремела библиотека – столы, стулья, книги и всякая мелочь посыпалась на пол.

— Ты зачем туда полезла? — Эмеральд шёпотом кричала мне в самое ухо. Такой гневной интонации я ещё от неё не слышала. Но она была права – с моей стороны было верхом дурости сунуться в библиотеку, даже не предполагая чего ждать.

Но если не рисковать, то ведь и не интересно жить! Я по-

гладила переносицу, содрогнувшись от мысли, что стало бы с моим носом после столкновения с десятком разъярённых книг, и распахнула глаза. Теперь меня интересовало, почему же они не достигли цели.

Я ожидала, что сюда пришел кто-то из учителей, но вместо этого увидела студента, стоящего передо мной боком, в белой форме, расшитой золотыми нитями. Часть его светлых волос были собраны в небрежный хвост на затылке, и несколько прямых прядей обрамляли лицо. Он скосился на меня, не удостоив даже разворотом головы, его губы изогнулись во что-то, напоминающее улыбку, а я в ужасе замерла. Меня словно обдали ледяной водой, а следом швырнули в кипяток. Воспоминания прошлой меня, от которых хотелось плевать, закружились перед глазами. Она была бы несказанно рада, ведь, кажется, впервые за год очутилась бы так близко к сэру Ланцу. «Какой же он всё-таки прекрасный!» – вот такого толка мысли возникали словно из неоткуда. От них у меня гудела голова.

Эмеральд продолжала шипеть мне в ухо, библиотекарьша запрыгала воробушком вокруг меня, не обращая внимание на застилавшую глаза кровь, а я приказала себе собраться, прикусив внутреннюю сторону щеки. Почему Поганка не помогает, когда так нужна? Тут же виски болезненно сжало, что позволило мне не думать о стоящем совсем рядом Лиаме. Скоро эти бушующие эмоции улягутся, и мне не будет так стыдно.

— Мадам нужна помощь врача, — спокойным голосом заметил Лиам.

Как по команде несколько студентов сорвались и подбежали к библиотекарше. Неохотно отлипнув от меня, женщина всё-таки согласилась уйти.

Преподавателей долго ждать не пришлось — дальше по коридору слышался топот не одной пары ног. А я продолжала исподлобья разглядывать Лиама, его высокую фигуру и невозмутимый профиль. Неужели это он усмирил бушующую библиотеку?

— Правильно будет сказать — усмирил Абича, — поправила меня Поганка ехидным голоском. Продолжила же она задумчиво и тихо: — Нехилый от него отходняк, у тебя даже голова закружилась. И думаю, что не только у тебя.

Стараясь сохранять лицо спокойным, я изумилась от услышанного. Но ведь его действиям даже не сопутствовало сияние кристалла! Вопреки моим стараниям, рот все же ломано изогнулся — почему здесь все такие талантливые? В кого ни ткни, каждый что-то, да и может. А я?

— Ну, управление кристаллом никогда не было твоей сильной стороной, — фыркнула Поганка.

— А что было? — попыталась я скопировать ее интонацию. — Как-то же я сюда попала? Не за красивое же лицо.

Мгновение в голове было тихо, после чего Поганка разродилась безудержным хохотом.

— Действительно, как же? — воскликнула она и резко за-

молчала. Мне оставалось лишь утомленно вздохнуть.

Когда пришли четверо незнакомых преподавателя, я наконец смогла взять себя в руки. Страхнув с юбки несуществующую пыль, я осторожно спряталась за спину Эмеральд и присела, став с ней одного роста, чтобы ненароком не привлечь лишнего внимания. С учителями это помогло, и они даже в мою сторону не посмотрели, да и ученики быстро утратили всякий интерес, устремившись поближе к библиотеке. Надо было потихоньку сматываться отсюда, поэтому я потянулась к Эмеральд, чтобы забрать сумку, и случайно подняла глаза – разговаривая с некой дамой, Лиам то и дело осторожно косился в нашу сторону цепким взглядом. Перехватив его, я сощурилась. Любопытно, чем мы его заинтересовали? Судя по воспоминаниям, Лиам никогда не смотрел на меня, упорно игнорируя любую попытку завязать диалог. Исключением был единственный случай в библиотеке. Я нахмурилась. Это из-за мистера Оффре и сплетен, которые навряд ли уже разнеслись среди юношей, о его неожиданном свидании с какой-то неизвестной девицей? Другого объяснения я не придумала.

— Почему ты вдруг решила, что это он из-за тебя смотрит в вашу сторону? Может, ему Эмеральд интересна? — захихикала Поганка. Я даже не удивилась, что она решила вновь прокомментировать мои мысли. — Я бы на тебя точно смотреть не стала.

— Ийратова милость, что это так! — воскликнула я мыс-

ленно, и мое лицо исказилось: округлились брови и криво приоткрылся рот.

Что за выражение, внезапно всплывшее в голове? Я тут же спохватилась, но незамеченным это не осталось.

Уголок губ Лиама дёрнулся вверх, замирая на секунду в подобии тихой снисходительной улыбки, но тут же опустился. Я отвернулась и потянула к выходу Эмеральд. Что он там себе напридумывал?

— Подходил ли к нему мистер Оффре? Ну, раз ещё никто не прибежал с горящей головой, значит, не приходил, — размышляла я.

Хоть Эмеральд немного и поупрямилась, всё же поддавалась, и мы осторожно протиснулись к выходу, благо всех присутствующих сильно заинтересовало происшествие в библиотеке, и никто нам не препятствовал. Выйдя, какое-то время мы шли молча, каждая погруженная в свои мысли. Удивительно, но Эмеральд так сильно о чем-то задумалась, что больше не журила меня за необдуманный поступок.

Мы добрались до женского корпуса, почти никого не встретив по дороге. Наверное, все сейчас были либо у себя, либо в классах, готовясь к экзаменам. Я скрипнула зубами. Сейчас и мне предстоит столкнуться с учебой. Для начала неплохо бы разобраться, что вообще изучалось за этот год.

— Хочешь, я завтра с утра зайду за тобой? — голос Эмеральд звучал как из-под воды. Я спохватилась, что стою у стены и таращусь на картину с бушующим морем.

— Зайди, если хочешь, — не подумав, ответила я. Но тут же вспомнила, что не хотела завтракать с соседками, и поспешила добавить: — Тогда приди до завтрака, — заговорщицки подмигнув, я развернулась и взбежала по лестнице.

О завтраке-то я подумала, но то, что мне предстояло с соседками сегодня ужинать, я спохватилась, когда тянула дверную ручку гостиной. Я надеялась, что мне повезет, и там окажется пусто. Но нет. Девушки сидели на диванах, склонившись над кофейным столиком, обложенные книгами и тетрадями. Делать было нечего, и я зашла в комнату. Они тут же отвлеклись — Надия крутанулась ко мне, Франсина же неторопливо повернула голову.

Не знаю, что думала Франсина — ее лицо, как всегда, выглядело идеальным и не выражало ни единой лишней эмоции, но Надия неподдельно изумилась моему появлению. Она захлопнула книгу и невежливо осмотрела меня с головы до ног. Я перевела взгляд к окну и увидела сервированный на одного человека стол. Заурчал живот. То ли заметив мой взгляд, то ли ради хоть какого-то приличия, Франсина пояснила:

— Мы уже поужинали, это твоё. Правда, немного остыло.

Не успела я ни слова сказать, ни шагу сделать, как в разговор вклинилась Надия:

— Мы были уверены... — голос её звучал заносчиво, глаза прищурены, а губы растянуты в неприятную улыбку. Сейчас я смогла заметить, какой у нее широкий, непропорцио-

нальный рот. Почти немигающим взглядом я впиалась ей в лицо, и, кажется, это немного помогло, ведь она смутилась и продолжила уже менее надменно: — ...что ты прячешься у себя и ждешь, когда...

Договорить ей не дала Франсина, кашлянув в кулак в перчатке. Она даже в собственной гостиной сидела в них! Я уже повернулась, чтобы пойти в ванную и помыть руки, но снова услышала голос Надии:

— Что с твоей формой? Уже взяла в привычку лазить по оврагам?

Я замерла, Франсина еле слышно ахнула, а Надия, поняв, что ляпнула лишнее, только и смогла, что нелепо промычать. Так, значит, они всё знали, но решили не выдавать.

Никак не прокомментировав слова Надии, я зашла в ванную.

Есть мне хотелось в разы сильнее, чем мыться, хотя ощущение стянутой от грязи кожи и лёгкий зуд предплечий начинали доставлять неудобства. От всех мыслей и событий чесалась голова. Но это можно перетерпеть. Вымыв руки до локтей, я скинула ботинки и жакет, развязала бархатную ленточку, чтобы расстегнуть верхние пуговицы на блузе, и поспешила к столу. На соседок я даже не посмотрела, чтобы аппетит не испортить, но тишина в гостиной стояла зловещая — я спиной чувствовала два прикованных ко мне взгляда.

Еда действительно поостыла, но меня это не расстроило.

И даже воспоминания о происшествии в розовом парке несколько не испортили аппетит. Жаль, я еще не умела использовать кристалл для разогрева еды.

Пока я ужинала и обдумывала, как незамеченной проникнуть в исследовательский корпус, а для начала понять, где он находится, и как найти книгу с ритуалами, меньше всего мне хотелось разговаривать с соседками. Но они, видимо, считали иначе. Уплетая вкуснейший суп с розовыми долька-ми неизвестного мне овоща, сперва я услышала тихое сопение Надии, а затем и её звонкий голос:

— И ты ничего не скажешь?

Я вздохнула и, проглотив не до конца прожёванный комок, ответила:

— По поводу?

Кажется, Франсина ей что-то шепнула, и Надия заговорила потише и, как мне показалось, дружелюбней:

— С тобой всё в порядке вообще? Ты странная какая-то, — уже совсем тихо закончила она.

Послышался скрип диванной подушки, затем шорох подола юбки и неторопливые шаги по ковру. Так ходила Франсина. Я сделала глоток чаю и, подперев кулаком щеку, уставилась в окно. Обязательно ли подходить так близко, чтобы поговорить? Франсина села сбоку от меня и начала внимательно смотреть в глаза. Ясно, зрительный контакт. Я повернула к ней голову и стала ждать.

— Неужели ты могла подумать, что мы выдадим тебя? —

у Франсины была безукоризненная улыбка. Впрочем, как и она сама.

Мне даже стало интересно, как такие разные девушки, как соседки, смогли сдружиться? И кто их семьи? И почему именно их поселили вместе со мной? Мои размышления прервал мелодичный голос Франсины:

— Пусть ты и настроена против нас, мы не оставляем попыток к примирению, — она провела рукой по столу, толкнув пальцем блюдце с чашкой.

Я нахмурилась. Как-то мне не верилось. То, что они не выдали, — это великолепно, но неужели теперь и они попытаются манипулировать. Мне нужно срочно избавляться от книги. Я улыбнулась.

— Я ничего не стала отвечать, потому что не поняла, о чём вы, — пожала плечами и отпила ещё чаю. — Вы что-то придумали обо мне, но разве это в первый раз?

— Но... — хотела что-то сказать Надия, но Франсина не дала этого сделать.

По-прежнему с идеально прямой осанкой, даже не касаясь спинки стула, она отклонила назад голову и посмотрела на меня как-то по-новому. Я не была точно уверена, но, кажется, сквозь слои чопорности впервые проступила настоящая яркая эмоция. И эмоция эта была ярость. Ярость с приклеенной улыбкой. Нет, определенно Франсина в этом хороша, настолько искусно скрывать эмоции. Вряд ли у меня так когда-нибудь получится.

Аппетит пропал моментально. Быстрыми глотками я допила чай и, забежав за чистой сменной одеждой, под вездливые взгляды ускользнула в ванную.

Глава 14

— Так всё же, что ты думаешь по поводу соседок? — зайдя к себе в спальню и присев на стул, я снова попыталась поговорить с Поганкой. Конечно же, мысленно.

Пока мылась, я также не упускала возможности порасспрашивать ее, но та упорно отнекивалась.

— Я думаю, что тебе стоит пошариться в столе, — внешне ответила Поганка, чем озадачила меня. Я оглядела чистую пустую столешницу и, открыв верхний ящик, достала оттуда небольшую стопку тетрадей. — А ещё сосредоточься на ночной вылазке. И учёбе!

Волнение Поганки казалось странным, ведь это мне предстояло залезть туда, неизвестно куда, и забрать то, не знаю что. Неужели она боялась повторений событий прошлого? Тогда бы ей стоило побольше мне помогать.

— Кажется, я и так достаточно помогаю, — фыркнула она. Отвлёкшись от рассматривания тетрадей, я облокотилась на спинку и растеклась по стулу.

— Надоело, — стукнула я по столу кулаком. Правда, не сильно, чтобы соседки случайно не услышали. — Давай на чистоту. Что тебе надо от меня, и что тебе надо в целом?

Поганка неприятно проползла в голове, и перед глазами заплясали голубые пятна.

— Некогда об этом разговаривать, давай, ищи дальше.

Стало интересно, что же она так упорно хочет найти, но я не дала сбить себя с толку.

— Нет уж. Говори.

Поганка вздохнула.

— Ничего особенного. Надо, чтобы ты помогла разыскать одного... — она помычала, будто пережевывая слова, — ... пусть будет — человека. Он сможет освободить меня, безвредно для тебя.

Допустим, но мне этого было недостаточно.

— Что за человек? Кто такой? И неужели нет другого способа выкинуть тебя из головы? — я помолчала, обдумывая, всё ли спросила. И пока Поганка ничего не сказала, добавила: — И что дальше? Ну освободишься ты. Какая у тебя цель?

— А у тебя?

Я надула щёки. Ну и причём тут я? Вот именно, что не причём. Жертва обстоятельств, вынужденная чуть ли не заново познавать этот мир, знакомиться с людьми и подстраиваться, плывя по течению — это всё обо мне. Лбом я упёрлась в столешницу, громко выдохнув. И какая же у меня цель? Пока что прижиться, приспособиться и понять, что к чему, а затем уже разобраться с Поганкой.

— Моя цель — выкинуть тебя из башки, паразитка.

Поганка засмеялась.

— Хорошо, наши желания совпадают, — она немного покружила в голове, а затем заговорила вновь: — Способы вы-

кинуть? Думаю, они есть, но зачем рисковать, если проще найти того человека. А какая у меня цель? Я не считаю важным это говорить, можешь даже не пытаться выяснять.

Как же сложно. Я подняла голову и открыла следующий ящичек.

— Как его зовут хоть? Надо же отчего-то отталкиваться.

Пока я ничего интересного в столе не нашла. Тетрадки, книжки, какие-то свитки, исписанные непонятными символами.

— Эти символы будут нужны для землепознания, животноведения, существологии и прочего окружающего мира. Сила кристалла вокруг нас – начало, — фыркнула Поганка.

— Тут написано, что это для основ алхимии, — прочитала я на маленькой бумажке, приклеенной к деревянной дощечке, на которой и держался скрученный свиток.

— Ну пока да.

Я отложила свиток и полезла в третий ящичек.

— Пока? Ты мне скажи наконец, как зовут-то того... человека, — выделила я последнее слово.

— Ты и это забыла? Тебе же после экзаменов придётся выбирать направление, по которому ты будешь дальше учиться, и где потом служить отечеству, — Поганка словно нотации читала, настолько поучительно звучал ее голос.

Я вытащила небольшую книжечку в коричневом кожаном переплете и постучала по ней пальцами. А ведь я помнила наставления матери, что в поместье нужен свой обученный

кристаллу врач. Значит, она хотела, чтобы я пошла по медицинскому направлению. И тут меня будто молнией ударило. Со всеми сегодняшними заморочками я и забыла, что хотела сходить к Пэм и попроситься в их библиотеку. Послышался усталый вздох Поганки.

— Ладно, не буду тебя мучать, чтобы ты зря время не тратила и лишний раз не привлекала внимание. Тебя туда не пустят.

— Почему? — спросила я вслух.

И снова Поганка вздохнула.

— Всё потому же. Ты еще не выбрала медицинское направление.

Я не до конца понимала.

— А если я и не хочу?

— Ну тем более.

Я задумалась. В принципе, это сходилась с предыдущими рассказами Поганки, что только аристократам и посвящённым доступны сложные колдовские заклинания. А такие, как я, пусть обходятся малым – водичку подогревают в кружке. Всё же хорошо, что у меня есть такая возможность – обучаться владению кристаллом и более сложным наукам. Я задумалась. А чем будут заниматься мои сестры? Поганка не ответила, а я так и не смогла о них ничего вспомнить.

Вытащенная книжечка оказалась чем-то сродни личного дневника. У заметок, написанных мелким убористым почерком, стояли даты, сами записи были не объемными и ве-

лись не ежедневно. Неужели мой дневник? Я взяла перьевую ручку и для сравнения быстро написала несколько слов возле последней строчки. Почерки не совпали: мой был размашистый и отрывистый. Но разве такое возможно, чтобы так сильно изменился почерк? Я открыла последнюю запись, датированную за девятый день месяца розы восьмьсот второго года:

«Попросила Т. взять исследования дутых грибов. Вот этим курицам не поздоровится».

И что я только что прочитала? Но раз эта запись была сделана несколько дней назад, я делала вывод, что в потерянных Тоней свитках было исследование грибов. Но зачем мне грибы? Что они дают? А вот под курицами кого прошлая я имела в виду? Сестёр Ренаты, или, может, кого-то другого?

— Соседок, — сказала Поганка.

Я перешла к другой записи, второй с конца. Сделана та была с перерывом в месяц:

«После этой зануды Э. общаться с Р. гораздо интересней. С ней хоть можно всех пообсуждать. Не была бы Э. наследницей, я бы с ней не общалась. Хорошо, что на следующий год мы будем на разных направлениях. Р. говорит, что видела, как Э. смотрела на с. Л., хотя при мне она только и делает, что ругает его. Лицемерка».

Мда, прошлая я ничуть не скрывалась. Э, Р, Л – всё же очевидно. Неужели мне взаправду нравилось общаться с Ренатой? Сегодня хватило всего пары реплик от нее, чтобы по-

нять, какой она двуличный человек. Хотя сестры ее не лучше. Но больше меня заинтересовало другое. Эмеральд – наследница? Я покачала головой. Как интересно. Когда я сопоставила, что Эмеральд из императорской семьи, даже не предположила, что она может унаследовать престол. Думала, просто родственница. Из этого напрашивался вывод, что раз Вилльям её кузен, кому-то приспичило поменять их ролями, поэтому сестрички Ренаты и дружки Вилла пытаются добраться до неё через меня, ведь друзей у Эмеральд нет, её побаиваются и обходят стороной. Я расплылась в улыбке. Хоть в чём-то со своей предшественницей я сходилась во мнении – общение с Эмеральд можно обыграть в свою пользу, но придётся ходить по академии и оборачиваться. Похоже, врагов у неё не счесть.

В дневнике было много лишнего. Похоже, что на бумагу я выплёвывала всю свою желчь, раздражение и, конечно же, любовные рвотные позывы к Лиаму. От последнего оставалось либо плакать, либо смеяться. Записи начинались со дня приезда на «Ферму», и из всего словоблудия я выяснила несколько важных вещей.

С самого первого дня учёбы я не обращала внимание на Эмеральд, хотя практически все хотели ей понравиться и стать её подругами. Мне она была неинтересна, я считала её глупенькой красоткой и не более. Но вопреки ожиданиям, Эмеральд наоборот искала дружбы со мной. Она садилась со мной за парту, расспрашивала о моих увлечениях или инте-

ресовалась самочувствием. Вот уж действительно странная.

— Мазохистка какая-то, — хмыкнула Поганка. — Интересно, внимание семьи ей также приходится добиваться?

Как только прошлая я узнала, кто такая на самом деле Эмеральд, то стала вести себя чуть дружелюбней. И это был верный шаг с моей стороны. Так она привязалась ещё крепче.

Другие девушки со мной не общались, кроме соседок, поговаривая за спиной, какая я странная, к тому же дикарка с севера, и избегали даже смотреть в мою сторону. Но с началом нашей «дружбы» с Эмеральд их взгляды стали преследовать меня, что лишь сильнее злило. Винула же я в этом одну Эмеральд.

— Бедолага, — печально вздохнула Поганка.

— Конечно, кому понравятся высокомерные рожи?

— Да я не о тебе, дурная! — воскликнула Поганка.

Вздыхнув, я продолжила читать. Спустя полгода учёбы, когда всем стало понятно, что Эмеральд выбрала меня в подруги, на горизонте замаячила Рената. Она перестала брезговать садиться на уроках напротив меня за большие столы, затем стала иногда разговаривать. Рената как будто видела меня насквозь, понимая, что мне интересно обсуждать. Сперва мы обменивались лёгкими сплетнями, но постепенно наше общение сближалось, и мы стали посмеиваться над учителями, мальчиками и ученицами постарше. Но главная цель Ренаты всё это время оставалась Эмеральд. Примерно

месяца три назад в дневнике появилась такая запись:

«Р. рассказала, что в крыле, где живёт Э. скандал. Говорят, её главная горничная пропала, и что ночью был какой-то переполох. Выспрашивала, что мне известно. А я вообще не в курсе, что там у Э. Я её тошнотворную болтовню не слушаю».

Я отложила ежедневник. Как раз после этой записи и появилось первое упоминание ритуала. Значит, сестричкам нужен доносчик в близком окружении Эмеральд. Получается, что виновницами переполоха были не они. А кто тогда? Я похлопала себя по лбу. А в ночь ритуала что произошло? И почему Эмеральд ничего не рассказала?

Я снова подумала о сестричках и их гениальном плане: не легче ли им подкупить прислугу? Зачем так напрягаться, подставлять меня? Они либо крайне самонадеянны, либо недальновидны.

— А чем плох этот план? Его смысл не в идеальной логике, а в авторитете. Кому будут верить: тебе или им, потомственным аристократкам? Чем больше ты отрицаешь, тем глубже закапываешь себя, — стала пояснять Поганка.

Я не могла с ней не согласиться. Вся эта ситуация мне крайне не нравилась. Даже сейчас подо мной могла развернуться пропасть — стоит допустить хоть малейшую ошибку. Я захлопнула дневник.

Взяться за учёбу никак не получалось. Только я открывала конспект, как тут же мысли уплывали. Сперва я думала о Ре-

нате, затем об её сёстрах, и к концу возвращалась к избиению в розовом саду. Вряд ли этот парень на побегушках такой единственный во всей «Ферме», наверняка половина учеников настроены друг против друга и докладывают всё тому, кто посильней, побогаче, повлиятельней. Да вспомнить хотя бы Лиама, и как парни бросились выполнять его просьбу. И это даже не был приказ! Ещё прибавить к этому прислугу и преподавателей... Я стиснула ручку в пальцах. Ну неужели у Эмеральд никого подобного нет? Какой-нибудь сети шпионов или осведомителей? Почему мне приходится этим заниматься? А кто защитит меня? Тем более я была готова поклясться, что за Виллом и компанией стояли их семьи. Против них я уж точно бессильна.

Я встала и прошлась по комнате, прислонилась к книжному шкафу.

— Скажи-ка, Поганка, как там в изначальной версии Эмеральд поживала? — исходя из недавних размышлений, у меня появились нехорошие опасения.

Пусть неохотно, но она ответила:

— Ну как, умерла на третьем курсе.

У меня глаза на лоб полезли, не такого я ожидала. Почему-то мне казалось, что её оплели интригами и в итоге она отказалась от наследования. Но умереть?

— А я? — пискнула вслух.

— Под влиянием некоторых аристократов тебя подозревали в причастности к её гибели, поэтому директриса тебя

исключила. Там ещё и шрам на ладони сыграл не последнюю роль.

Я уткнулась лбом в ладони и закачала головой. Вновь зашаталась по комнате. Жуть какая! И что же мне делать? Я села на кровать. Каким-то образом за следующий год я должна обзавестись союзниками, зарекомендовать себя как послушную и трудолюбивую ученицу. Закинув ногу на ногу и обхватив руками колени, я обратилась к Поганке:

— Давай по порядку, расскажи, что к чему вообще.

Она хмыкнула:

— И что, тебя больше не интересует имя того человека?

— Какого? — не поняла я.

— Неважно, — усмехнулась она.

И Поганка мне рассказала, очевидно, многое утаивая, а возможно, и привирая. Например, кому нужна была смерть Эмеральд? Она ведь ещё совсем молодая, что плохого-то сделать успела? Хотя прошлая я могла и сама этого не знать.

История такова: когда в исследовательском корпусе нашли книгу с ритуалами, поднялась буча. Стали вести обыски, допросы, из столицы нагрянули жандармы, и всё это происходило в последнюю учебную неделю. Тут сестрички сработали как часы: заявили о пропаже попугая, хотя до этого молчали, и стали обвинять Ренату. Рената же в свою очередь, не ожидая подобного, указала на меня, а я, недолго думая, спихнула все подозрения на Тоню — очень удобно нашёлся свидетель, который подтвердил, что видел, как она

ходила ночью в исследовательский корпус. Дальше больше. Жандармы обыскали мою комнату и обнаружили те самые пропавшие свитки. Оказалось, что дутые грибы сильно токсичны.

— А дневник? — перебила я рассказ. — Нашли?

Поганка на секунду замолчала.

— Нет, — задумчиво протянула она.

Если бы они ещё увидели мой шрам... Но на помощь пришли сестрички и подтвердили виновность Тони, объявив, что это она подбросила мне свитки. И свидетелем этому стала Кэт. Тоню увезли, и второй курс прошёл достаточно безболезненно, если не считать, что я стала на побегушках у сестричек.

— Получается, это всё же Кэт столкнула Тоню? — перебила я рассказ.

Поганка задумалась:

— Не факт. Но вот свитки о грибах она вполне могла припрятать.

После всего случившегося Эмеральд отдалилась от меня, но новых подруг так и не завела. Она закрылась от людей, у неё стала часто болеть голова, и её поведение бывало временами неконтролируемым, из-за чего ей пришлось пропускать занятия. Сестрички хотели, чтобы я вновь сблизилась с ней, так они считали, что смогли бы влиять на неё. Но прошлую меня Эмеральд раздражала. Вот тут Поганка заговорила очень туманно, пропуская целые куски рассказа. Я сра-

зу поняла, что она снова недоговаривает, но не стала перебивать. Закончила Поганка на том, что в один вечер, когда Эмеральд было особенно плохо, я принесла ей некой воды по чьей-то просьбе. После этого через сутки Эмеральд умерла.

Я, потрясенная рассказом, смотрела в стену напротив. Звучало как-то слишком неправдоподобно, но альтернатив у меня не было. Я – убийца наследницы. Да что там наследницы, я – просто убийца. Убийца вдвойне, если считать Тоню. Потерев лицо руками, я спросила:

— А причина смерти Эмеральд какая? Захлебнулась водой? — попыталась я пошутить, чтобы хоть немного унять тревожные мысли.

— В её голове пророс кристалл...

— Что? — воскликнула я, подскочив с кровати. Поняв, что сказала вслух, да ещё и громко, тут же захлопнула рукой рот.

А Поганка, будто не слыша меня, продолжала в красках рассказывать:

— У неё выдавило глаза, из ушей потёк мозг... — она описывала это всё и посмеивалась. И ладно бы слова, но перед глазами появились картинки происходящего. Благо это была не Эмеральд, а какое-то незнакомое мне существо, отдаленно напоминающее человека, но от этого не стало легче.

Приоткрытые порезы на коже, сквозь которые торчат синие кристаллические иголки, наросты по всему телу, похожие на тот самый кристалл, болтающийся у меня на цепоч-

ке, вместо глаз — месиво. Меня бросило в дрожь, в носу защипало и затошнило. Схватившись за горло, я выбежала из комнаты, закрылась в ванной, и меня вырвало.

Когда хриплые спазмы прекратились, мне безумно захотелось пить. Цепляясь за мраморную столешницу, я обернулась и с выпученными красными глазами начала остервенело осматриваться. Взгляд зацепился за низенький столик возле кушетки и графин, и я бросилась к нему, дрожащей рукой схватила стакан и плеснула в него воды, половину разлив. После увиденного я мечтала разорвать Поганку.

— А я тут при чём? Ты спросила о проросшем кристалле, вот я и показала, что это, — обиженно пробормотала она.

От одного напоминания о кристалле живот снова скрутило, и я, стукнувшись зубами о стеклянный ободок, начала жадно поглощать воду. Умывшись и почистив зубы, я как в тумане вернулась к себе, даже не обратив внимание, есть ли кто в общей комнате.

Мне надо было отвлечься, поэтому, не думая ни об Эмеральд, ни уж тем более о кристалле, я с особой злобой набросилась на учёбу.

Не знаю, хорошо это или плохо, но почти все экзаменационные предметы оказались теоретическими, из практики требовалось только продемонстрировать основы взаимодействия с кристаллом. Кристалл... Я устало откинулась на спинку стула. Перед глазами опять замаячили красочные картинки, но сейчас меня хотя бы не тошнило. Я пролистала

тетрадь с записями: слияние с кристаллом, следом контроль эмоций и мыслей, практические рекомендации, как это лучше тренировать, и только в конце — управление материей. Так как у меня с детства неплохо получалось влиять на жидкие формы, следовательно, и на первом курсе я занималась только этим направлением. Я почесала кончик носа.

— Это я что-то вроде пузыря из воды буду делать? — спросила я у Поганки. Получив утвердительный ответ, я продолжила: — А можно из ничего сделать воду? Как тогда Кэт ванну набирала.

— Из ничего ты только фигу получишь, — грубовато сказала Поганка. — Она это из кристалла делала.

— Так, а что взамен тогда? — что-то до меня не доходило. Раздраженно вздохнув, Поганка пнула меня в лоб.

— Ты балда. Кристалл живёт в тебе, растёт понемногу, а взамен ты можешь пользоваться его силой, — у меня дёрнулось веко, но всё же эту информацию я восприняла спокойно. Видимо, закалялась. Поганка хохотнула и продолжила: — А вот представь, каково мне делить временный дом с этой поганью? И кто из нас ещё паразит? Я-то просто тут квартирую, вреда от меня физического никакого, только польза сплошная.

Мне бы и хотелось что-то сказать, но выдавила я из себя лишь неразборчивое бормотание вперемешку с усталым сопением. Зато Поганка разговорилась:

— Для этого и изучается мастерство использования кри-

сталла, чтобы он быстро не захватил тело. Также кристалл имеет особенность уставать. Когда он бодрый, он синий, когда уставший – еле голубой.

Мне вспомнился кристалл Кэт, как он, после набора ванн, потерял насыщенность. Я поинтересовалась у Поганки:

— А быстро – это сколько?

— Лет сорок, — хмыкнула Поганка, как будто догадываясь, какой эффект произведёт. — А может и тридцать, кому как повезёт.

У меня лицо перекосило. Тридцать? Серьезно? То есть, если я, нигде не учась, куплю кристаллик и захочу помогать себе в быту, то помру через несколько десятков лет? Что вообще с этим миром не так?

— Ты, конечно, можешь купить специальный кристаллик, но что-то особенное с ним не сделаешь. Как бы объяснить, — Поганка помычала, — вот если кристалл настроен на освещение, он больше ничего и не сделает. Они растут благодаря окружающей среде. Когда он сильно разрастётся или, например, стена рядом начнёт разрушаться, его сдадут и купят новый. Тут ничего сложного. Ну а обычным людям, которые нигде не учились и не умеют контролировать кристалл, запрещено им пользоваться. Иначе страна попросту вымрет. А, — хохотнула Поганка, но от меня не укрылся ехидный смешок в её голосе, — технически ты не помрёшь.

— Что там ещё? — получилось как-то безразлично. Слишком много на меня свалилось за последний час.

— Остановимся пока на этом. Советую тебе не пренебрегать учёбой и попусту кристалл не использовать, не хочу, чтобы он тут меня притеснял.

Я сняла цепочку и стала рассматривать синий камень. Такой маленький, а сколько вреда. Ну или выгоды, если смотреть с другой стороны. Понятно, почему им пользуются несмотря на риски – это же крайне удобно и облегчает жизнь. Если вообще знают об этих рисках.

— Он в голове растёт? — подкинув кристалл в ладони, спросила я.

— Чаще всего да, но может дать метастазы в другие органы, может в ноге вздуться.

— Метастазы? — и снова какое-то незнакомое слово.

Поганка вздохнула. На этот вопрос она не ответила, зато решила напомнить о другом:

— И да, соседка, не думай даже кому-то сказать об этом. Я тебе просто не позволю.

Глава 15

Разбудило меня монотонное постукивание в висок. Сперва не поняв, почему болит шея и затекли руки, я лениво открыла глаза. Осознав, что уснула половиной тела, растянувшись на столе, пошевелила ногами – в пальцы отдало лёгким покалыванием.

Я приподнялась и, громко зевнув, посмотрела в окно. На улице темно, и света фонарей из спальни не видно. Пора собираться. Напоследок взглянув на конспект по истории Июлии, я удручённо вздохнула и поднялась. Изучить ускоренным курсом биографии нескольких сотен правителей и других известных политиков – прекрасный способ борьбы с бессонницей. Я пообещала себе, что подобное на ночь больше не читаю. Лучше бы взяла конспект по основам взаимодействия с кристаллом и истории нагорья Найсий.

В комнате было ничуть не светлее, поэтому пришлось прибегнуть к кристаллу. Я убеждала себя, что ничего страшного не произойдёт, и после одного раза кожа не посинеет, но всё же быстро собраться с мыслями и успокоиться не получилось. Стоило закрыть глаза и сосредоточиться, как начинало казаться, что под кожей что-то шевелится, пузырится и толкается. Тут же хотелось чесаться, и вся концентрация пропадала.

— И что же мне делать? — чуть ли не взывала я.

Ну как же обидно! Неужели теперь никогда не смогу колдовать? А ведь отказываться от удобства я не хотела, даже несмотря на угрозу стать фаршированным овощем.

— Ну что ты разнылась? Меньше драмы, как сказала недавно директрисулька. Если аккуратно всё делать и не пытаться прыгнуть выше головы, то всё будет нормально, — сонно отозвалась Поганка, перебив упаднические мысли.

Наверное, попытки с пятой, но осветить комнату всё же получилось. Сперва кристалл засветился тускло-голубым, постепенно разгораясь так ярко, что у меня заслезилось в глазах. Благо, окно я на всякий случай завесила шторами, чтобы случайно не привлечь к комнате внимание. Незамедлительно Поганка поспешила доложить, что это чересчур ярко, и надо бы придержать пыл. Это тоже оказалось не так просто. В итоге я провозилась с камнем около получаса, но добилась своего. Неплохая получилась практика перед экзаменом: в меру яркий свет, не жгущий глаза и освещающий полностью всю комнату. Даже показалось, что в таком освещении видно лучше, чем при дневном свете.

— Вполне. Не забывай, что у тебя кристалл внутри, — голос Поганки показался недовольным.

Неужели она на каждое использование кристалла будет так ворчать?

— Поэтому и возможно воздействие на другого человека? — я стала копаться в шкафу. Где-то у меня валялась спортивная форма для лёгкой гимнастики, на которую в про-

шлом я почти не ходила.

— Да, но это крайне вредное занятие, если ты не великий талант либо рождён с подобным умением.

— А я не талант? — найдя синие галифе и пояс к ним, я победно улыбнулась.

Послышался лёгкий смешок, переросший в лающий приступ.

— Ты? Нет, ты обычная, но, признаю, достаточно находчивая. Не зря же мы с тобой сейчас там, где мы есть. Был бы кто-нибудь другой, я бы с лёгкостью захватила тело.

— Ага, значит, тебе нужно моё тело! — воскликнула я мысленно. Почему-то меня не злило услышанное. Вот что значит хорошенько выспаться.

— Да на кой оно мне сейчас?

Я пожала плечами и стала натягивать штаны. И как же я была поражена, когда надела их и подвязала поясом. Это оказалось так удобно! Несколько минут я переступала с ноги на ногу и рассматривала себя. Затем пару раз присела, невысоко попрыгала. Потрясающе! Ни утяжеляющего подола, путающегося в ногах и мешающего при быстрой ходьбе, ни парочки дополнительных юбок. Только ради этого прекрасного чувства мне стоило возобновить уроки гимнастики. Да, визуально эти галифе были не столь красивы, как форменные прямые брюки юношей, что уж и говорить про одежду девушек, но всё же. Я бы с удовольствием променяла тесный жакет, да и, честно говоря, не самую ужасную юбку на штаны.

— Хватит! — заорала Поганка. — Хватит. Какая разница, чтобы ты там надела, прими как данность то, что есть, и пошли.

Я собиралась незаметно прошмыгнуть по коридорам, выйти на улицу и быстренько отыскать исследовательский корпус, но оказалось, что по ночам дежурит прислуга, освещающая всё кристаллом. Заметив движущийся в сторону гостиной голубой огонёк, я тихо прикрыла дверь. Нахмурилась. И что же делать? Можно было бы прикинуть длительность обхода каждой прислуги, рассчитать и пробежать в перерыве, но это бы заняло много времени. Поэтому я решила вылезти через окно.

Деревья возле спальни не росли, поэтому оставался один путь — прыгать. Я снова активировала кристалл и проделала уже более-менее привычные манипуляции. Тело налилось теплом, в мышцах ног почувствовалось лёгкое покалывание, и я присела на отлив, готовясь к прыжку. Хоть комната находилась на четвёртом этаже, сверху мне так не показалось. От высоты захватило дух, и глаза непроизвольно зажмурились. Будто я с высоченной башни собиралась прыгать.

— Давай уже, это всего лишь обманка. Прыгай! — вскричала Поганка, и я, сосчитав до одного, соскользнула.

Приземлившись, на ногах я не удержалась — завалилась вперёд в клумбу, но благодаря действию кристалла удара почти не почувствовала. Лишь лёгкое пощипывание от расцарапанной ладони. Но вот шума, как показалось, я наделала

немало, поэтому, пригнувшись и поглубже засунув кристалл в карман, рванула по дорожке к мостику, ведущему к исследовательскому корпусу. Благо Поганка помогала и подсказывала дорогу.

Стоило отбежать подальше, как под моим окном засветился голубой огонёк. Теперь оставалось надеяться, что никто не заметит помятые цветы на клумбе.

Боясь разогнуться в полный рост, в полуприседе я промчалась над прудом, затем обогнула один из полигонов для отработки атакующих навыков, чтобы как можно скорей добраться до исследовательского корпуса. Здесь мне пришлось перелезть через забор, карабкаясь по витиеватым металлическим узорам. Благодаря силе кристалла, пока я бегала и прыгала, напряжения в теле не чувствовала, но стоило прийтись в кустах под одним из окон корпуса и отменить действие кристалла, как на меня нахлынула волна усталости. Заныли мышцы и потянуло зевать. Пообещав себе, что больше не стану пропускать утреннюю гимнастику, я стала обдумывать, как мне попасть вовнутрь.

У корпуса оказалось несколько входов, и я, заприметив самый неброский, гуськом пошла в его сторону. Поразительно, но ночью в некоторых комнатах горел свет.

К моему неудовольствию, по пути ни одного открытого окна на первом этаже я не встретила, и первый план закончился, даже не начавшись. Оставался второй – войти как нормальный человек через дверь. Я просунула голову

в проём и осмотрелась: невзрачный коридор с тусклым освещением и узкой лестницей впереди. Взгляд зацепился за странные маски с выпученными вращающимися глазами, висящие на стенах, и небольшую каморку, больше похожую на сторожку, из которой, должно быть, хорошо просматривался весь коридор. Я осторожно приподнялась, вытянув голову. Мне повезло, сторожка пустовала.

Поганка подгоняла меня. Я чувствовала, что с каждой минутой, проведённой здесь, она сильнее нервничает.

— Нам надо в библиотеку, она на четвёртом этаже, — командовала Поганка.

Посмотрев по сторонам, я метнулась к лестнице. Всё равно прятаться здесь было негде, да и медлить нельзя.

Внутри меня всё пылало от предвкушения и страха. Поскорей бы уже забрать эту злосчастную книгу и решить все мои проблемы, а лучше, чтобы они рассосались сами собой. Потом просто посвятить себя учёбе, не переходя никому дорогу и не ввязываясь в чужие венценосные разборки.

Забежав на середину пролёта, сверху я услышала шаги, а за ними и неразборчивый бубнёж. Кажется, кто-то спускался именно в это время, именно по этой самой лестнице. Кажется, удача моя закончилась.

— Что б их! — выругалась я и, прыгая через две ступеньки, забежала на второй этаж.

Тут оказалось ещё темней – кристаллы, крепящиеся к стенам и накрытые прозрачными плафонами, тянулись вдоль

коридора, при этом почти его не освещая. Я замотала головой, придумывая, куда бы спрятаться. Можно было притаться, прижавшись к стене, но какой шанс, что спускающиеся не решат завернуть в коридор и не наткнутся на меня? Голоса становились громче. Теперь я слышала, что это две девушки, и, скорее всего, не студентки – слишком уж звонкий цокающий звук доносился из-под каблуков. У форменных ботинок и туфель каблуки были ниже.

Скрипнув зубами, я забралась на подоконник и забилась в угол, куда свет не попадал вовсе.

Как назло, девушки будто и не спешили расходиться: они часто останавливались, о чём-то перешёптываясь, после чего долго хихикали. Я прислонилась затылком к прохладному окну и скосила взгляд на улицу. От слабого ветра ветки деревьев вяло покачивались, а толстые облака лениво плыли по небу, изредка приоткрывая острый край Сурэ. Я скривила рот. Теперь понятно, почему сегодня выдалась настолько тёмная ночь, что даже фонари не справлялись. Сурэ – самое тусклое и маленькое из трёх ночных светил. Я прислушалась к шагам, но вместо них послышался тяжёлый вздох Поганки. Я собиралась любопытствовать, что снова не так и что у той на уме, но девушки остановились совсем рядом. Тело мгновенно напряглось, и я задержала дыхание.

— ...А ты видела, как он мне улыбнулся? И так галантно подал книги, — шептала девушка высоким, немного пищащим голосом. Вторая раздражённо вздохнула, но первая

этого будто не заметила, продолжая: — Ещё добавил, чтобы я была аккуратней, — с придыханием сказала она.

Было очень неуютно слушать подобное. Определённо, девушки обсуждали какого-то молодого человека, а я стала невольным свидетелем. Вроде и всё равно должно быть, но почему-то я почувствовала, как лицу становится жарко. За один день у меня выдался немаленький улов неловких ситуаций. Но одно дело — это узнать о заговоре против себя, а другое — слушать чужие томные вздыхания. Я поджала губы в тонкую нитку и стиснула зубы. Терпеть. Мне просто нужно подождать и не выдать себя. И почему им вздумалось поболтать о парнях именно здесь? Именно сейчас? Изначально мне казалось, что разговор шёл о какой-то научной работе.

— Ещё он сказал, чтобы ты не смотрела по сторонам, а думала о том, что делаешь, — вставила вторая и прозвучала достаточно резко. — Тоже считаешь это проявлением внимания? — ехидство сочилось из неё. — Да и вообще, — продолжала она ещё более надменным тоном: — Он улыбается даже мадам Жабе, что уж говорить про тебя.

— Но ведь тебе он не улыбнулся на прощание, — усмехнулась первая.

— Потому что мы не разговаривали сегодня, — мгновенное раздражение долетело до меня даже через стенку. Чтобы это почувствовать, не нужно было её видеть.

На лестнице возобновился стук каблуков, но девушки больше не разговаривали. Пронесло. Подождав около мину-

ты, я тихо слезла с подоконника и побежала по лестнице наверх.

До четвёртого этажа я добралась без проблем. К сожалению, лестница, по которой я поднималась, вывела не к библиотечному залу. Я очутилась в мире множества дверей с подписанными табличками. Сплошные кабинеты каких-то учёных. Я даже не поверила, что «Ферма» может вмещать в себя столько народа. Но Поганка тут же поправила, сказав, что все эти учёные не обязаны всегда находиться здесь. Они рассеяны по Иолии, а некоторые даже трудятся в других странах и сюда приезжают только чтобы поделиться с коллегами открытиями.

— Мне бы такую работёнку, — говорила я про себя с Поганкой, осторожно ступая по потрёпанному ковру с небрежной бахромой по бокам.

— Поэтому нам и нужна дружба Эмеральд, — отвечала она мне. — А вообще, хорошо бы занять парочку влиятельных друзей, чтобы тревог не знать.

— Ну ты и прагматичная, похлеще чем...

Договорить я не успела. Одно неосторожное движение, и под ногой закрипела половица, протяжный звук разрезал тишину коридора, показавшись оглушающим. Я застыла на месте, с напряжением вслушиваясь в любой, даже самый незначительный шум. Но ответом мне была тишина. Вздых облегчения сорвался с губ, и я, уже не особо опасаясь, на цыпочках покралась по коридору дальше.

Чем дальше я шла, тем внимательней вчитывалась в таблички, ведь где та самая дверь, ведущая в библиотеку, я понятия не имела. Весь этот этаж, да и корпус в целом, казался мне каким-то древним, словно старая вещица, спрятанная в чулане, покрытая слоем пыли и следами насекомых. И это, на мой взгляд, не сочеталось с остальной вылизанной «Фермой». Поганке не нравилось здесь находиться: она постоянно вертелась в голове, доставляя дискомфорт, и недовольно фырчала, напоминая вредного кота. Мне же было крайне любопытно, что за кабинеты находятся за всей этой вереницей дверей, как они обставлены, и что же в них изучается. Аж руки чесались. Жаль, одинаково оформленные серые таблички с именем и фамилией подсказок никаких не давали.

— Поторопись давай, — буркнула Поганка. — Здесь полно Абичей. Хоть они и полудохлые, всё равно нам лишнего шума не надо.

— А их вообще можно увидеть? — поинтересовалась я.

Впереди я заметила ещё одну лестницу, чуть ярче освещенную, и сразу напротив двустворчатую дверь. Видимо, туда мне и надо.

Пока я подходила, без конца оглядываясь на лестницу и прислушиваясь, Поганка хмыкнула, отвечая на вопрос:

— Можно, но сложно.

Я поперхнулась смешком:

— Какой развёрнутый ответ, — и, приоткрыв одну из дверей, юркнула внутрь.

Глава 16

Мне нужен был третий стеллаж, и планировала я его отыскать сразу же. Зашла, вышла, потраченного времени – несколько минут. Но всё пошло не по плану.

Когда дверь за спиной прикрылась, тихо щёлкнув замком, передо мной предстали три тянущихся вдаль ряда, забитые книгами. Где они заканчиваются, было не видно. Кристаллы освещали даже хуже, чем в коридоре, и глаза не сразу привыкли к полумраку. Я подошла к первому стеллажу и, приглядевшись к прибитым табличкам, ни слова не поняла – исписаны они были теми самыми значками из «Основ алхимии», только крошечного размера. Я направилась вглубь ряда, внимательно осматривая полки, но с каждой секундой эта затея казалась всё более глупой.

— Что будем делать? — поинтересовалась я у Поганки.

Та вела себя подозрительно: затаилась поглубже в голове и помалкивала, изредка поторапливая. Не дождавшись ответа, я начала анализировать – исследовательский корпус огромен, у него множество выходов и лестниц. Скорей всего, нужный стеллаж находился у другой двери. Но вот какой? Скрипнув зубами, я пошла дальше.

Со временем я поняла, что библиотека делится на сектора и попасть из одного в другой можно либо через читальные комнаты, либо узкие коридоры. Я стояла на распутье – куда

дальше? С одной стороны небольшая комната с диванами, обитыми коричневой кожей, и продолговатыми столами, на которых громоздились торшеры со слабым голубым свечением, а с другой – длинный коридор, ведущий мимо окон.

Я приоткрыла дверь в читальный зал и замерла. Сквозь узкую щёлочку оттуда слышались тихие шаркающие шаги. Еле уловимый звук, но вместе с тусклым свечением ламп произвёл на меня странно пугающее впечатление: ладони вспотели и горло показалось сухим, по плечам пробежала колючая дрожь. Я решила не рисковать.

— Пробеги лучше, — внезапно подала голос Поганка. Звучала она сипло и рассеяно.

— Почему? Лучше по коридору пройду, — не менее глухо ответила я.

Придерживая мизинцем, я беззвучно закрыла дверь в читальный зал.

— Не нравится мне тут, — только и сказала Поганка. — Затишье перед бурей.

Нравится не нравится, но всё же я решила не соваться в читальный зал. Да и раз Поганка упорно молчала, решение оставалось за мной.

Оказавшись в коридоре, я выглянула в окно – Сурэ поднялось на небосводе. Скользкий ком паники завернулся в груди. Стоило поторапливаться. Из коридора вело несколько дверей, и все оказались неподписанными. Я потянула первую – закрыта. Вторая и третья также не поддались. У

меня дёрнулся глаз, ведь получалось, что мне предстоит вернуться в секцию и всё же пройти через читальный зал. Я постаралась не вздыхать слишком громко, но не смогла удержаться. Стон разочарования прозвучал громко.

Подойдя к двери, из которой пришла, я дёрнула её на себя. И в безмолвном ужасе отступила. Я не узнавала место, которое предстало передо мной. Да, это всё ещё была библиотека, но совершенно иная секция. Дверь почти захлопнулась, когда я вцепилась в ручку.

— Треш, — безэмоционально прокомментировала Поганка, но я не поняла значения этого слова.

Я осторожно заглянула внутрь и осмотрелась: белый потолок, украшенный лепниной, махровые ковры, растленные на деревянных половицах, и даже стеллажи с книгами здесь выглядели по-другому — напоминали широкие шкафы для одежды, но без дверок. Эта секция выглядела дорого. Несмотря на плохое освещение, я смогла это понять.

Войти я не решалась, не понимая, что только что произошло и как такое вообще могло случиться. Может, это сон?

— Это не сон, — хмыкнула Поганка. В ответ я невнятно промычала, поэтому она продолжила: — Это местные Аби-чи. Тут они посильней и поозлобленней, чем в цветочном корпусе.

О них я вообще не думала. Первое моё предположение, если не считать мысли о сне, было о кристалле.

— Кристалл такое не может, — сказала Поганка.

Любые нелестные выражения о кристалле ей будто бы доставляли удовольствие. Как будто кристалл мог это слышать. Ведь не мог же?

— Не о том думаешь, — рывкнула Поганка и во лбу закололо. Вот же ж гадина. — Надо найти книгу, иначе зачем мы тут?

— Подожди, — я по-прежнему стояла в узком коридоре, придерживая дверь. — Ты предлагаешь мне принять как данность то, что одна комната сменилась другой?

— Да, — просто ответила Поганка и даже смешка не слышалось.

Пальцы сжались в кулак. Как же Поганка умела выводить из себя! От гнева и бессилия хотелось рвать и метать, ну или хотя бы хлопнуть дверью. Но вместо этого я выдохнула сквозь зубы и прикрыла глаза. Ладно-ладно. Раз не хочет рассказывать про духов, я и сама как-нибудь визнаю о них.

Нужно было зайти в новую секцию и продолжить поиски, я это прекрасно понимала, но... Как же хотелось закрыть дверь и посмотреть, что будет. Какая на этот раз появится секция, или же всё останется по-старому? Поганка шипела на меня, как разъярённая кошка, и я даже была согласна с ней — затея так себе — но просто не могла ничего с собой поделать. Я отшагнула, медленно закрыла дверь, глубоко вздохнула и снова открыла. Я хотела делать это не торопясь, чтобы случайно не выдать себя лишним звуком, но у меня не получилось. Вытаращив глаза, я рванула дверь и забежа-

ла в новую двухэтажную секцию библиотеки. Книжные шкафы здесь тянулись вдоль стен мягкими волнами, сменяясь низкими диванчиками, либо вплотную прижимались к острым углам. Я стояла на втором этаже и с приоткрытым ртом разглядывала библиотеку: потухшую люстру под потолком, до которой, казалось, подойди к резным перилам, перегнись и рукой достать можно; смотрела на мраморные скульптуры крылатых девушек и юношей, держащих в руках книги и плачущих над ними — их каменные слёзы текли по белым щекам словно настоящие, и от этого побежали мурашки по шее.

Я как в тумане подошла к перилам, достающим до живота, и, наклонившись, уставилась вниз на первый этаж.

Книги, книги, книги... А ещё картины на стенах в дорогих рамах и постаменты с непонятными предметами, типа черепов или ваз, бессмысленно поставленные по всему залу. Тут было так красиво, что дух захватывало. Я медленно шла вдоль ограждения, постукивая ногтями по деревянным перилам. Мне и хотелось спуститься вниз, но я понимала, что нужная мне книга вряд ли будет храниться в таком роскошном месте. Вряд ли Тоня додумалась бы прийти сюда, да и предполагала я, что её и не впустили бы вовсе. Что забавно, вряд ли и мне можно было здесь находиться.

— Нужно уходить, — как бы сама себе сказала я, но Поганка тут же решила прокомментировать:

— Так и уходи. Не слушаешь меня!

Я развернулась, чтобы возвращаться, но где-то снизу щёлкнул дверной замок. На мгновения я застыла, но быстро сообразив, что меня хорошо видно с первого этажа, на цыпочках попятилась от ограждения. Дверь почти не скрипела, но я слышала, как она тихо закрывалась, будто внезапный гость, как и я, намеренно не хотел быть замеченным.

— Надеюсь, это не за мной, — забилась тревожно мысль.

— Надейся, — сухо ответила Поганка.

Дверь-то закрылась, но больше никаких звуков за этим не последовало. Полная тишина. Так я стояла неподвижно какое-то время, и в голове у меня зарождалось опасение, что всё очень печально, ведь закрывающаяся дверь могла означать и то, что кто-то вышел. А если вышел...

От внезапно накатившего ужаса быть пойманной я шагнула назад, но не успела даже спиной коснуться шкафа, как на меня посыпался водопад книг. Толстенных томов. Они шлёпались на голову, углами впиваясь в плечи, и задевали руки, будто намеренно делая больней. Ничего не понимая, я крутанулась на пятках. Книги полетели мне в лицо. Единственное, что я успела — это прикрыть рукой глаза. Лоб обожгло. Присев на корточки, второй рукой я коснулась пылающего места, и на пальцах почувствовала влагу.

Поганка яростно зашипела. От её злости распирало голову изнутри. Вдруг чернота закрытых глаз взорвалась яркой вспышкой, и вокруг меня замелькали голубые пятна. Всё прекратилось. Книги не хлестали меня, осталась только боль

от полученных ударов. Даже Поганку я больше не чувствовала. Тело окутала поразительная лёгкость и тепло. Зажимая кровоточащую рану на лбу, я осторожно разлепила веки. Голубой свет озарял всю библиотеку, отражаясь от мраморных скульптур и белого потолка, и даже казалось, что подвески на люстре переливаются множеством цветов. Вокруг меня парили книги. Они медленно пролетали рядом, задевали меня будто случайно и, оттолкнувшись, отплывали в сторону. Я выпрямилась и пришла в полный ужас. И восторг. Абсолютно всё, что было в этой библиотеке не приколочено к полу или стенам, плавно покачивалось в воздухе. Изящные стулья, пухлые диваны бились об потолок и, не находя выхода, опускались к полу, чтобы снова взлететь. Как птицы. Кровь со лба потекла по пальцам, и первая капля испачкала ботинок. Мимо меня проплыл череп нечеловеческой формы. Когда я потянулась к нему рукой, челюсти резко сомкнулись, клацнув. Но звука не последовало. Только сейчас я поняла, насколько здесь тихо. Я даже не слышала собственное дыхание, и от этого по спине пополз холодок. Какая жуть.

— Что сейчас произошло? — спросила я вслух, но не услышала собственный голос. Плечи содрогнулись, кажется, я чувствовала, как шевелятся на затылке волосы.

— Ничего особенного, — хмыкнула Поганка. — Я всего лишь припугнула этих уродцев. Будут знать, как нападать. Но жди отходняк, уж извини.

Я не поняла, что надо ждать, но предположила, что мне

будет нехорошо. Это же мой кристалл задействовала Поганка, а раз всплеск был настолько сильным, то...

Додумать я не успела, краем глаза заметив блеск в стороне. Я развернулась и увидела, как опускается дверная ручка. Кто-то заходил сюда. Но всё происходило так медленно, что я покрутилась вокруг себя и так и не придумала, что делать.

— Успокойся для начала, — скомандовала Поганка. Её голос прозвучал строго, от чего я беспрекословно подчинилась и замерла. — Сядь на корточки и закрой руками лицо, — я сделала, как она велела, ни о чём не думая. — Я сейчас помогу нам, но говорить всё равно придётся тебе, дорогуля. Языком твоим я напрямую управлять не могу, к сожалению.

Я лишь успела кивнуть, как библиотеку пронзила голубая вспышка. Глаза заслезились, и я зажмурилась. По брови текла кровь, книги вновь заметались как сумасшедшие, но в этот раз не целясь в меня. Столы, стулья задребезжали, взлетая под потолок. Вдруг голову пронзила такая нестерпимая боль, что я прикусила язык. Терпеть её становилось невыносимо, и я заорала, падая коленями на пол. Почти не почувствовав удара, ногами я почему-то запуталась в подолах юбки. Боль в голове немного улеглась, и я приоткрыла дрожащие веки. И тут же увидела очередную голубую вспышку. Но это был не мой кристалл — свет исходил со стороны открытой двери. Глаза застилали слёзы, но я продолжала упорно смотреть на силуэт, окутанный блеском кристалла. Свет от него был гораздо тусклее моего.

Вокруг меня до сих пор плавали книги и стулья, но хотя бы не метались. Я испугалась, что всё это упадёт мне на голову, стоит шевельнуться, но ничего не происходило. Силуэт дёрнулся в мою сторону, но почти сразу же движения человека замедлились, и он, не торопясь, направился ко мне. Я же не знала, что вытирать — мешающие слёзы или тянувшийся ручеек крови над бровью.

— Под носом протри, — гаркнула Поганка.

Я рвано начала тереть подносом тыльной стороной ладони, по какой-то причине оказавшейся в перчатке, больше уводя кровь на щёку со стороны травмированного лба.

Человек приблизился. Присел на корточки рядом, и я подняла на него голову. Светлые волосы до плеч блестели от света кристалла, окрашиваясь голубым. Зелёные глаза нечитаемо смотрели прямо на мой разбитый лоб. Я аж поперхнулась. Лиам Ланц. Но какая Ырка его притащила? Даже несмотря на боль по всему телу, я не смогла не усмехнуться. Какая ирония. Прошла я бы душу за это отдала.

То ли услышав мой смешок, то ли что-то решив для себя, Лиам смазано скользнул взглядом по моему лицу, округлив бровь, и поднял руку. Снова засветился кристалл, и я увидела, как из-под его пальцев образуется тонкая корочка защитного купола. Когда она коснулась пола, всё, что плавало по библиотеке, начало опускаться. Я думала, что вещи обрушатся камнепадом, но они снижались достаточно плавно. Лицо Лиам выглядело ошибочно расслабленным — че-

люсть он стискивал крепко. Он снова стал оглядывать меня, уже более внимательно, но я покосилась на созданный купол. И, прищурившись, придвинулась поближе. Ни боль от побивших меня книг, ни распирающая изнутри голова не могли помешать мне рассмотреть сотворённое колдовство. Граница купола переливалась, словно вода на солнце — и это завораживало. На что же ещё способен кристалл? Я сама не поняла, как потянулась к дрожащей поверхности пальцами.

— Любопытство первокурсницы похвально, но мисс лучше не трогать купол, — раздался над головой собранный голос. — Думаю, одного шрама на лбу будет достаточно.

Я замерла и схватилась за лоб. Что? Останется шрам? Кажется, я сказала это вслух, потому что Лиам усмехнулся.

Кажется, осторожно опускать взбесившиеся предметы было очень утомительно: последний стол приземлился резко, громко стукнувшись об уже лежащий на полу книжный шкаф. Оставались только книги, стулья и всякая мелочь, как недавно виденный мною череп. Ну, с ними можно было обращаться и не так бережно.

— Ладно столы дорогие, но вы и над книгами будете трястись? И над черепушками? — тихо спросила я, поражаясь своей бестактности. Лицо моё скривилось, но, кажется, Лиам моя грубость не задела.

Он молчал, пока я не подняла на него глаза. Склонив голову к плечу, я внимательно осмотрела его. Тонкая струя крови начала стекать из его носа.

— Вам так безразличны старинные книги и экспонаты?
— поинтересовался Лиам. Уголки губ его дрогнули, но рот остался таким же напряжённым.

По-хорошему нужно было соврать, что мне есть дело до каждой головёшки и каждого дорого переплёта, но я почему-то не захотела. Тем более, рассудила я, вряд ли в этой секции хранилось что-то невероятно ценное. Разве что украшенные драгоценными камнями рамы от картин. Я пожала плечами.

— У вас, сударь, уже кровь из носа потекла. Будет забавно, если вы свалитесь на меня с обмороком, купол перестанет действовать, и нас завалит ценнейшими, как вы выразились, экспонатами.

Поганка похрюкивала от смеха, между делом не забывая ругать меня:

— Ты что городишь, дурная башка? Тебе мозги отбило книгой? Ты сейчас не с прислугой разговариваешь.

Я шикнула на неё, чтобы не мешала. Почему-то мне казалось, что я как раз-таки всё делаю правильно, и что с заискивающим тоном и собачьим взглядом ничего от Лиамы не добьюсь.

Несколько секунд лицо его никак не менялось, я даже предположить не могла, о чём тот думает. Он вроде и на меня смотрел, но при этом будто сквозь. Я ловила каждую изменившуюся эмоцию, чтобы понять, как мне действовать дальше. Кровь из его носа коснулась губы, и Лиам прищурил-

ся. Почему-то мне казалось, что он борется сам с собой. Наконец его взгляд сконцентрировался на мне. Лиам стиснул челюсти ещё крепче, и рот его стал напоминать тонкую полосу. На мгновение я испугалась этого выражения, но всего лишь на мгновение, потому что следом всё, что до этого болталось в воздухе, рухнуло на пол. Грохотало и билось со всех сторон так сильно, что задрожали половицы, на которых я сидела.

— Если мисс всё ещё желает, теперь она может дотронуться до купола, — с лёгкой усмешкой предложил Лиам.

Распахнув глаза, я сначала уставилась на его полностью расслабленное и ничего безэмоциональное лицо, отметив про себя, что от крови под носом он успел избавиться, а затем повернулась к мерцающим стенкам купола. Было волнительно. Я стянула перчатку и пальцами коснулась границы. И действительно ведь, как вода. Рука легко прошла сквозь, но кожей я ощутила слабое давление. Свет на пальцах рассеивался, бликовал.

— Красивый, — прошептала я. И добавила совсем еле слышно: — Хочется его сломать.

Лиам ничего не ответил. Он сидел тихо, даже дыханием не выдавая своего присутствия. Зато Поганка встряла:

— У тебя не получится, если я тебе не помогу, но довольно с тебя, — звучала она раздражённо.

— А почему тогда Лиам так легко его сделал? — мысленно спросила я у неё.

Поганка фыркнула.

— Да потому что он аристократ, причём, если судить по твоим воспоминаниям, какой-то важный в империи и очень талантливый. То, что он ещё ничего не сделал за твои глупейшие слова, поразительно, — с каждым словом она звучала задумчивей. — Опять же, я от твоих воспоминаний отталкиваюсь.

Какое-то время я продолжала рассматривать купол, стараясь лишний раз не шевелиться, чтобы не тревожить ушибленные плечи, и совсем позабыла о Лиаме. Мне захотелось разобраться в этом приёме и научиться использовать, но пока ничего вразумительного в голову не приходило. Наконец я повернулась к Лиаму и поймала его спокойный взгляд. Тот всё это время сидел на корточках и, кажется, не двигался. Он смотрел мне в глаза и молчал, будто ожидая чего-то.

— Можете убирать купол, сэр Ланц, — я махнула рукой как бы невзначай. Его взгляд напрягал. Под ним я чувствовала себя какой-то подопытной крыской, которой учёный хочет вспороть живот.

Он наконец отвёл взгляд, кристалл засверкал, и купол распался — рухнул голубыми осколками на пол. Я осторожно потыкала пальцем, по ощущениям они напоминали золу.

Лиам грациозно поднялся, стряхнув волосы с плеч за спину, и стал помогать мне встать. В отличие от него, я это делала неуклюже, путаясь в подоле, и пару раз чуть не завалилась, но предпочла сделать вид, что так и задумано. Ниче-

го страшного, если его аристократический взгляд несколько минут пострадает от моих манер.

Когда я устойчиво стояла на ногах и поправляла юбку с жакетом и уложенные на затылке волосы, до сих пор поражаюсь возможностям кристалла и силе Поганки, Лиам заговорил:

— Как всё же странно, что вечно спящие Абики сегодня посходили с ума, — я с опаской скосилась на него. Лиам не смотрел на меня, водя заинтересованным взглядом по оставленному беспорядку в библиотеке, и в голосе его слышалась некая колкость, значение которой не получалось расшифровать. Меж тем он продолжал: — И знаете, мне крайне любопытно, почему именно вы оказываетесь поблизости. Особенно здесь, куда входить вам запрещено, — он усмехнулся каким-то своим мыслям и впился в меня пристальным взглядом, будто пытаюсь заглянуть под кожу.

Я закусила щёку. Кажется, налетела буря.

Глава 17

Ничего вразумительней я не придумала, как пожать плечами и изобразить полное недоумение. Я всего лишь несчастная жертва! Да-да, и вообще здесь случайно! Только об этом я и думала, чтобы даже мыслями ненароком себя не выдать. Я смотрела Лиаму прямо в глаза, запрещая отводить взгляд. Но ведь и он смотрел также. И молчал. Напряжение росло. Кто-то ведь должен был заговорить первым, но я упрямо не хотела уступать, хоть и понимала, что делаю только хуже себе.

— Ну почему так сложно общаться с людьми? — взывала я про себя.

— Ты сейчас серьёзно? — закричала Поганка, и у меня зазвенело в ушах. — Давай, соберись!

Мне повезло. Кровь из раны на лбу стала стекать в глаз, и я непроизвольно наклонилась, вытирая её. Про себя я думала: не должен ли Лиам одолжить мне платок или хотя бы поинтересоваться, всё ли хорошо? Он же вроде как джентльмен. Или нет?

Поганка усмехнулась.

Послышался тихий вздох, а следом за ним и шаги, уходящие в сторону двери. Я осторожно скосилась на Лиаму, на его белую форму, расшитую зелёными нитями. Тут же мне вспомнилась сестрица Ренаты в похожей одежде, только с

вышивкой другого цвета. Начала складываться картина: эти двое учатся на одном направлении. Да что же это за направление, где используется белый, самый непрактичный цвет из существующих?

Лиам остановился и посмотрел на меня из-за плеча. Брови его округлились. Я было возмутилась, чего он рожи корчит, но потом вспомнила, в каком согбенном положении стою, держась за лоб. От безвыходности ситуации я не знала, как вести себя, чтобы не сделать хуже. Прикидываться душой? Конечно, да, если хочу закопать себя побыстрее. Но ещё лучше — влюблённой душой. Я нахмурилась. А ведь это не лишено смысла, если я буду вести себя как в прошлом. Лиам это явно раздражало — это я понимала из оставшихся воспоминаний — и он поспешит отделаться от меня.

— Вы идёте? — холодный голос выкинул меня из размышлений. — Вам нужна медицинская помощь.

Я неохотно выпрямилась, поджимая губы, и не торопясь и пошатываясь пошла к нему. Приходилось внимательно смотреть, куда наступаю, чтобы не запнуться о валяющиеся книги. Лиам не двигался с места и ждал меня, не переставая наблюдать. Его взгляд будто впился намертво. И всё же я решила не строить из себя ни дуру, ни тем более влюблённую, посчитав, что пока лучше отмалчиваться так долго, как смогу, а уж потом попробовать договориться. Кажется, то, чего я опасалась днём, а именно быть кому-то должной, грозило случиться со мной в скором времени.

— Ну главное не тем девицам, — задумчиво сказала Поганка. — Этого эпизода вообще в твоей жизни не было, может, нас пронесёт, — она хмыкнула и добавила: — Да и вообще, этот парнишка решил повозиться с тобой, а не молча сдать на милость директриску. Очень интересно.

— Я для тебя шутка что ли? Или какой-то рассказ? — я решила поддержать разговор с Поганкой, чтобы отвлечься.

— Ну это достаточно интересный опыт — сравнивать две временные линии, скрывать не буду, — охотно отозвалась она, прозвучав вполне добродушно. Кажется, напряжение, в котором Поганка всё это время пребывала, рассеялось.

Лиам пропустил меня, махнув рукой. Я хмыкнула. Каков кавалер, кажется, ему было всё равно до моего самочувствия. Но я не считала это чем-то плохим, меньше придётся испытывать неловкости, особенно от возникающих не к месту воспоминаний. Интересовало меня другое — почему же Лиам не предъявил никаких обвинений?

Задумавшись, я не заметила, как неаккуратно шагнула, запнувшись об уродливо сшитую куклу. На секунду потеряв равновесие, я чуть не полетела вперёд носом, но, замахав руками, быстро переступила с ноги на ногу и удержалась. За спиной послышался смешок. Полуобернувшись, я исподлобья уставилась в безмятежное лицо Лиама. На мой недовольный взгляд он лишь пожал плечами.

— Я рад, что хоть кому-то не нравится падать на ровном месте.

Губы растянулись в понимающей улыбке, глаза прищурились. А Лиам не плох — умеет грубить намёками. То, что он и не собирался в случае падения помогать мне, я поняла и по насмешке, и по его расслабленной позе, с заведённой за спину рукой. Поганка крутанулась в голове и радостно пискнула:

— Это он забрёл на твою территорию, ты обязана ему что-нибудь ответить!

Я выпрямилась и пошла дальше к двери, уже не стесняясь отпихивать носками ботинок валяющиеся на пути книги.

— Я рада, что вы высоко оценили мои таланты и не посчитали неуклюжей, — я театрально взмахнула рукой и коснулась лба. — Если бы вы бросились поддерживать меня, как обычно поступают джентльмены, то уязвили бы меня.

Я не рассчитала и несколько книг пнула сильнее, чем того требовалось. Они проскользнули в пространство ограждения и улетели вниз, громко ударяясь об пол первого этажа. Я оглянулась в ту сторону, хмурясь от неприятного звука, краем глаза наблюдая за Лиамом. Тот какое-то время тоже смотрел вниз. Он еле заметно усмехнулся и подошёл к двери, распахивая её передо мной.

— Что именно бы вас огорчило? — Лёгким кивком Лиам указал мне на проход в узкий коридор.

Прежде чем ответить, я задумалась: а не станут ли комнаты снова как сумасшедшие меняться? Вспомнив, что моего ответа ждут, я задержалась возле Лиамы и сказала:

— Я бы огорчилась, если бы вы бросились поддерживать меня, как обычно поступают джентльмены.

Лиам кивнул, и я прошла в коридор.

— Вы бы не дали мне и шанса проявить себя, решив очаровать своей галантностью юную девушку, попавшую в беду. Но на самом деле вы бы поставили меня в неловкое положение, показав, что я не способна справиться даже с простым делом.

Эту галиматью я говорила осознанно, уж больно любопытно стало, как отреагирует Лиам на подобный поток сознания. И всё же я не сдержала кривой улыбки, когда перешагнула порожек.

— Как интересно, — говорил Лиам мне в спину, — мне казалось, что я вас уже огорчил своим отказом, — лицо перекосило, и я исподлобья глянула на него. Он усмехнулся: — Мисс уже позабыла наше ночное randevu? А вы довольно ветреная, как я погляжу.

Брови поползли на лоб, и чтобы совсем не показаться глупой, я отвернулась. Он знал! Значит, мистер Оффре всё же дошёл до него, и Лиам меня не выдал.

В тишине мы прошли мимо нескольких закрытых неподписанных дверей, пока Лиам не остановился возле одной, и его кристалл тускло не засветился. Я же стояла позади и разглядывала сложную и, безусловно, дорогую вышивку. Её узоры напоминали странные символы, которые я впервые видела, на рукавах переходя в подобие листьев или крыльев

птиц. Что за символы? В справочнике по «Основам алхимии» я таких не заметила. Возможно, существуют иные способы записи? Может, другой язык? Что удивительно, Поганка ничего не комментировала.

Лиам взялся за витиеватую ручку и, прежде чем отворить дверь, посмотрел на меня.

— У вас любопытный способ флирта. Опосредованный. Нравятся сложные задачки?

От услышанного я изумлённо вытаращилась на него. Кажется, подобной реакции от меня Лиам и ждал, он улыбнулся одним уголком губ и добавил тихо, с нескрываемой издёвкой в голосе:

— Очень надеюсь, что оправдываться вы умеете не хуже.

И пока я пребывала в полнейшей растерянности и ступоре, он зашёл внутрь.

Тут же меня подхватили под руки и осторожно повели в сторону широких диванов, стоящих друг напротив друга. Между ними располагался низенький стеклянный столик, на котором громоздились десятки пухленьких подписанных склянок с неизвестными жидкостями. После сказанного Лиамом я несколько секунд соображала туго, и до меня не сразу дошло, что нахожусь я, по всей видимости, в одном из читальных залов, и помимо меня здесь ещё люди. И все какие-то побитые. У кого лицо в крови, у кого одежда порванная. Значит, от разбушевавшихся Абичей досталось не одной мне. Это радовало — меньше подозрений.

Высвободившись и отмахнувшись от придерживающих рук, я плюхнулась на мягкую подушку дивана. Хотя я и была избита книгами, мышцы тянуло от усталости после использования кристалла, я не чувствовала себя как-то уж совсем плохо. Если сравнивать эту ночь и ночь в овраге, определённо, сегодняшняя казалась лёгкой прогулочкой. Хотя всё могло быть впереди. Лиам вряд ли закроет на это глаза. Я была уверена: наш разговор не за горами.

Я оглядела зал, пытаюсь отыскать Лиам, но не увидела его. Взгляд зацепился за нескольких постанывающих старичков, сидящих чуть дальше от меня на креслах и держащихся за спины. Интересно, что с ними случилось? Летали ли они, как те книги по библиотеке? Или мерно покачивались под потолком, как столы? Ухмылка поползла по лицу. Оказывается, ночью в исследовательском корпусе находится достаточно много народа. Только в этой комнате я насчитала семь пострадавших вместе со мной, одного врача и трёх медсестёр. Я снова осмотрелась, но Лиам как сквозь землю провалился. Я повторила его глупую шуточку. Фыркнув, я отвернулась и уставилась на склянки на столе. Ну и при чём тут флирт? Как он вообще додумался до этого?

До сих пор молчащая Поганка внезапно хихикнула.

— Один — ноль в его пользу, — фраза показалась какой-то недосказанной, будто Поганка ждала от меня ответа, но я не собиралась об этом разговаривать.

Меня больше интересовали стеклянные баночки. Я по-

тянулась к одной с прозрачной жидкостью внутри. Хотя бумажка с подписью и была, я не разобрала ни одной закорючки. Успокаивало, что это были те самые символы из «Основ алхимии». Выучу и смогу понимать все каракули.

— Все, да не все. Значение вышивки на камзоле мистера Ланца ты все равно не поймёшь, — непременно поторопилась поддеть меня Поганка.

— Да уймись, — поругалась я на неё и потянула вверх пробку от бутылочки.

Резкий и едкий запах ударил в нос, от чего я невольно поморщилась и быстро вернула пробку на место. Интересно, для чего нужна эта вонючая жидкость? Не успела я порассуждать на эту тему, как на меня опустилась тень. Осторожно скосившись, я увидела серый подол длинной юбки и успокоилась. Всего лишь медсестра. Девушка выглядела сонной, под утопленными глазами сияли фиолетовые круги, но она улыбалась — скорее пыталась. Я продолжала стискивать стеклянный пузырь и следить за ней равнодушным взглядом. Та обошла диван и, неуклюже поклонившись, отчего у меня поползли вверх брови, нагнулась надо мной.

— Что за жижа? — протянула я ей руку с зажатой бутылочкой.

Теперь настала очередь медсестры удивляться. Девушка с опаской осмотрела меня, глянула куда-то за спину — уголок её губ нервно дёрнулся, и забрала склянку. Проведя большим пальцем по приклеенной бумажке с надписью, она уста-

вилась мне в глаза. Сперва я так подумала. Взгляд её хоть и был направлен на моё лицо и даже замер на уровне глаз, но казался рассеянным, будто бы смотрел сквозь. Это выглядело жутко, и от этого мне стало некомфортно. Ну что за напасть? Что не медсестра, то с придурью! Я щёлкнула пальцами, и её взгляд сфокусировался на моей руке.

— Это настойка поднавозника, леди, — вымолвила медсестра.

Я уже хотела сделать ей замечание, что не леди, но до меня дошло только что сказанное.

— Подна... что?

Поганка вовремя ужалила меня и гаркнула:

— Распространённое растение в народе, это стыдно не знать, Мива. Его и так и сяк используют.

Медсестра нахмурилась, но быстренько взяла себя в руки. Я смекнула, что выгляжу странно, а мне не нужно было лишнее внимание, поэтому я важно закивала.

— Ах, конечно, такой характерный запах ведь и не спутать. Ночью туго соображаю, — улыбнулась я и постучала пальцем по макушке.

Медсестра растянула губы в подобии кривой улыбки. Дрожащей рукой она вытащила из халата маленькие белые квадратики, откупорила крышку вонючей жижи и промочила их. Я недоумённо смотрела за ней. Вот она возвращает крышку на место, ставит бутылочку на стол и, склонив к плечу голову, смотрит на меня. Смотрит и будто бы ждёт чего-то. Я

моргнула раз, моргнула два, а девушка всё стоит и не шевелится, зажимает квадратики между пальцев. Внезапная тревога накатила на меня. Если этот навозный цветочек так благоухает, то как он, должно быть, щиплет!

— Что такое? — пискнула я, и взгляд заметался по читальному залу.

Да где же Лиам, когда он нужен?

— Вам необходимо обработать рану, госпожа, — учтиво сказала медсестра и приблизилась ко мне.

Больно, не больно — ничего не поделаешь, и я решила подчиниться. Но внезапно Поганка испуганно вскрикнула:

— Нет-нет, в этой настойке растворён кристалл! Ни в коем случае! — верещала она так громко, что у меня потемнело перед глазами.

Голова закружилась, затошнило, и я, схватившись за голову, подскочила с дивана. Медсестра испуганно шарахнулась от меня, налетев на столик, склянки звонко попадали на пол и покатались в разные стороны. Разговоры в комнате смолкли, и все уставились на меня. Ырка подери, и за что всё это мне? Теперь пойдут разговоры о ненормальной ученице, потом выяснится, что я проникла в исследовательский корпус незаконно, и точно поймут, что книга с ритуалами моя. И что же делать? Я надула щёки, наморщилась и уже хотела придумывать правдоподобное оправдание, как за спиной послышались короткие шаги:

— Медицинс-ская с-сес-стра, — голос был низким, заи-

кающими и звучал почему-то на уровне моего живота.

Я обернулась, и брови мои поползли на лоб. Передо мной стояло низенькое нечто с круглыми торчащими ушами из-под волнистых волос, выпирающими зубами, да и вообще очень походящее на крысу.

— Не на крысу, а на мышь, — вставила Поганка.

«Маленькая мышка, которой можно вырвать хвостик», — подумалось мне, и в голове загудело. Снова это распирающее чувство и несвойственные мне мысли.

Чтобы отвлечься, я прикусила губу и огляделась. Стариков появление человека-крысы ни капли не удивило, они на меня дольше глазели и проявили больше любопытства, но те, кто помоложе, с интересом посматривали в нашу сторону. Да и то не настолько поражённо, как я.

— Ты хотела сказать: человека-мышы? — мерзко хихикнула Поганка, но я промолчала.

Крысиное нечто, будто не заметив моего недоумённого выражения лица, продолжило разговаривать с медсестрой:

— Эта с-студентка нужна для разговора.

Если бы не заикания, я бы подумала, что держится крыс высокомерно и смотрит на медсестру также. Меня он будто не замечал. Я что для него, пустое место? А может, так оно и было. Что за существо это вообще такое?

Я осмотрелась в очередной раз. С несколькими пострадавшими уже закончили — они, бурча, выходили из читального зала; затем взгляд задержался на расставленных по всей ком-

нате креслах и столах, торшерах с приятным и, на удивление, тёплым освещением, и остановился на медсестре: губы поджаты, брови сведены к переносице. Что, не понравилось выражение крысиной морды? Уголок губ слегка приподнялся. Что ж, мне тоже. Какое-то время медсестра ничего не отвечала, как-то неуверенно мялась, пока крыс молча смотрел на неё и выражение его морды-лица становилась всё недовольней и заносчивей. По крайней мере мне так казалось. Не исключала я и вероятность, что у крыс по-иному проявляются эмоции, нежели у людей, но, глубоко говоря, мне было плевать. Какое он имеет право так смотреть на эту девушку? Она здесь, чтобы выполнять свои обязанности, а я не понаслышке знаю, как трудно общаться с людьми. А с крысами, должно быть, ещё сложнее.

Продолжались их гляделки недолго, из другого конца читального зала раздался грубоватый мужской выкрик:

— Тиш!

Я поморщилась. Что за слово вообще? Может, кыш? Тогда это предназначалось крысе. Или он имел в виду: тише? Но в комнате и так все молчали, и было так тихо, что можно удавиться. Но оказалось, это имя медсестры. Та вздрогнула и потупилась в пол. Кивнула.

— Ещё одно имя-кличка в мою копилочку, — посмеялась Поганка.

А мне вот было не смешно. Меня почему-то злило, что тут все работники какие-то зашуганные. Ну, кроме экономки и

Кэт.

— Наконец-то, — пробасил крыс, впервые окинув меня колким взглядом.

Он стал осматривать меня снизу вверх, отчего я, сильнее разозлившись, выставила вперёд ногу и, сложив руки на груди, округлила брови. Наши взгляды встретились, его крысиный нос дёрнулся, зашевелились длинные усы, и он мотнул головой в сторону высокой продолговатой стойки и прилегающему к ней стеллажу с коробками. На мгновения я опешила. Опешила и Поганка, эмоционально возмущившись, что была бы её воля, этот ушастый бы уже извинялся. Она стала бубнить что-то о вымирающей расе полумышей, и что такими темпами этому чучелу не долго осталось. Она набила бы его ватой и повесила на стену. Я же, не обращая на её гундёж внимание, вытянула шею вперёд и ехидненько оскалившись, негромко заметила, чтобы никто лишний не услышал:

— Какая жалость, что по-крысиному я не понимаю, — и, разведя руками, добавила: — Только по-человечески.

Его нос снова дёрнулся, ахнула и медсестра. Кончиком языка я облизнула нижнюю губу и прищурилась. Вот так общаться мне нравилось куда больше. На самом деле ничего обидного, как мне казалось, я не сказала. Сама бы я на такое не обратила внимание, но почему-то крысёныша задело. Он весь подобрался, выпрямился, словно вместо позвоночника ему воткнули палку, и сверкнул глазёнками. Злится — это было видно.

— Гос-подин Ланц прос-сил привес-сти вас-с, — крыс сумел собраться и прозвучать даже расслаблено.

Ах, Лиам, значит. Я почесала затылок. Что ж, зато обрабатывать рану не будут.

Крыс сделал несколько шагов в сторону стеллажа. Я обернулась на медсестру, кивнула ей, на что та ответила нервным поклоном, и, не обращая внимания на пристальные взгляды врача и других присутствующих в зале, пошла за ним. Когда мы обогнули стойку, заполненную карточками и разными документами, и передо мной предстала запрятанная третья дверь, крыс ещё раз окинул меня придиричивым взглядом и фыркнул. Фыркнул так, как делают только крысы.

Глава 18

Дверь вела во внутреннее помещение, больше похожее на чулан, нежели комнату, соседствующую с читальным залом. Перекошенные антресоли, угрожающе нависшие над входом, открытые стеллажи, заставленные коробками и уменьшающие и без того крошечную площадь, в центре же громоздился длинный деревянный стол, от стены до стены, режущий поперек пространство. Я нервно проглотила слюну — будто в место для допросов попала. Вот только что оно забыло в библиотеке?

Вместо того, чтобы поддерживать и успокаивать, Поганка предательски молчала, бросив меня один на один с этой тесной комнатой, крысом-выскачкой и Лиамом, стоящим возле стола и что-то на нём рассматривающим. Просто шикарная компания!

Я остановилась ближе к проходу, делая вид, что разглядываю стеллажи с их содержимым, и вот точно-точно не кошусь на странную парочку. То, что эти двое хорошо знакомы, я догадалась сразу. Всё просто кричало об этом. Крыс был учтив, но двигался непринуждённо; хоть и склонил голову в поклоне, но не особо низко, не как подобает трепещущей прислуге. Если мне крыс доходил до живота, то рядом с Лиамом казался ещё более мелким и тощим. Я скривила рот. Странно, ведь ростом я Лиаму не сильно и уступала. Как на-

зло, тот заметил мои осторожные поглядывания и посмотрел в ответ, из-за чего я поспешно отвернулась. И зря. Повела себя, будто бы в чём-то виновата. Но ведь это не так! Я стала настраивать себя, мысленно проговаривая, как скороговорку, что ничего незаконного не сделала.

Крыс о чём-то зашептал Лиаму, на что тот невнятно хмыкнул, а затем негромко произнёс:

— Благодарю, господин Нестор, за содействие. В вашей помощи мы более не нуждаемся.

Я надула щёки, чтобы не издать ни звука, а мне хотелось и похихикать, и фыркнуть одновременно. Крыс-то у нас ещё и господином оказался! Теперь понятно, почему он так высокомерно с медсестрой общался и меня презрительно осматривал. Должно быть, он ещё и недоволен, что его в принципе гоняют, как собачонку, да ещё и таким ледяным тоном. Крыс не стал задерживаться. Кажется, он поклонился — я стояла к ним спиной и предположила по шуршанию одежды — и направился к двери, напоследок зыркнув в мою сторону. Я сощурила глаза и, подёргав бровями, миленько улыбнулась ему на прощание. Он рывком отвернулся. Жаль, из-за кудрей, рассыпанных по всему лицу и достающих почти до носа, я не смогла разглядеть его эмоции. Но понадеялась, что ему неприятно.

— Я рад, что вы и к господину Нестору сумели найти подход, — внезапно заговорил Лиам. — На декана вы произвели впечатление. Он так вам сочувствует. Умилительно.

По его тону было сложно сказать, шутит он сейчас или серьёзен. Я повернулась и присмотрелась: лицо расслабленно, не улыбается, но взгляд насмешливый. Будто я шут какой-то или дурочка.

— Это сарказм. Ты точно дурочка, — Поганка влезла так внезапно, что я напугалась и дёрнулась, на что та гаденько усмехнулась и снова затихла.

Лиам моё странное поведение заметил, но никак не прокомментировал. Он вытащил кристалл из внутреннего кармана куртки и, прикрыв глаза, направил руку в сторону одного из стеллажей. Я внимательно наблюдала за его действиями, впившись взглядом. Где-то в глубине разума меня грызла мысль, что в любую секунду его колдовство может обернуться против меня. Но пока всего лишь крупная коробка выплыла с полки и осторожно опустилась перед столом. Не понимая, что задумал Лиам, я нахмурилась. Его кристалл засветился ярче, и коробка, будто размываясь, стала менять очертания, расти и менять цвет. Нечто подобное демонстрировала директриса Висари, только делала это быстрее, отчего я не заметила промежуточных искажений. От увиденного у меня помутилось перед глазами и почему-то затошнило. Поганка провернулась в голове.

— Всё же пацан хоть и одарённый, пока молодой и не может делать быстро. Но это интересно, — она на секунду замолчала. Когда продолжила, голос её звучал задумчиво и тихо: — Неужели он не боится за разрастание кристалла?

Я резонно заметила:

— Возможно, он не знает об этом?

— Наивная, — усмехнулась она. — Скорей, у его семьи есть верный способ очищать тело.

Для себя я отметила, что нужно будет поинтересоваться у Поганки на эту тему. Если существуют методы избавления от излишков кристалла, это стало бы замечательной новостью — не пришлось бы каждый раз беспокоиться об его использовании.

Меж тем, пока мы с Поганкой дискутировали, коробка перестала расплываться и шириться. Она превратилась в стул. Я почесала лоб. Опять стул. Не стоило забывать, что ещё на моих глазах экономка превращала гнилушку-картошку в баночку для пепла, но это было вообще не так эффектно. Лиам спросил:

— Не удивляетесь? Защитному куполу вы радовались больше, — он махнул рукой в сторону стула, намекая, что мне стоит присесть.

Пререкаться я не стала. Опустившись на краешек мягкой подушки, я постаралась выглядеть изящно и не выдать своего волнения. Улыбнулась.

— Купол выглядел красивее, что ли. Подобное я видела впервые, да и вы как будто старались больше.

Уголки губ Лиамы еле заметно изогнулись вверх. Барабания пальцами по столешнице, он вышел из-за стола, встал от него сбоку и прислонился бедром.

— Нравится, когда перед вами красуются?

Подлинного интереса в его интонации я не услышала. Он не смотрел на меня, по-прежнему разглядывая что-то лежащее на столе. Я стиснула подол юбки. Ладони потихоньку увлажнялись, во рту становилось сухо. Все эти словесные перебрасывания меня уже порядком нервировали. Я откашлялась.

— А кому не нравится? — и решив, что пора брать инициативу в разговоре на себя, пока Лиам не придумал новый странный вопрос, серьёзно спросила: — Так для чего вы гоняли крыса, и зачем я тут?

Наконец он перестал рассматривать стол и поднял на меня глаза. Его взгляд был не читаем. Больше Лиам не улыбался. Прежде чем он заговорил, я успела отметить, что, на свою беду, повстречала очередного лицедея и обманщика. И вряд ли он купился на все мои странные разглагольствования.

Лиам смотрел на меня недолго, будто бы нескольких секунд ему хватило, чтобы решить что-то для себя. Хоть я и старалась выглядеть хладнокровной, пережитое за день и усталость наверняка отразились на лице. Он перестал стучать по столу пальцами, наклонился и выдвинул ящик, потянулся к нему. Я следила за его рукой, пытаясь как можно быстрее разглядеть, что же там, и наперёд заготовить речь. На удивление, Поганка решила подбодрить меня:

— Ничего, прорвёмся. Главное не... — договорить Поганка не успела. Стоило Лиаму вытащить книгу в розовой

обложке, как голос её оборвался, и она затихла где-то в районе затылка.

Будто ледяные иголки вонзились мне в спину, отчего я непроизвольно выпрямилась, и кожу лица бросило в жар. Я резко вздохнула через нос, но заметив, как внимательно следит за мной Лиам, задержала дыхание, чтобы не выдать себя ещё больше. Розовая обложка... И всё это время он играл со мной, зная, что я пришла именно за этой книгой. Должно быть, он хорошо повеселился. Сейчас я бы с удовольствием разозлилась, будь у меня на это время и силы.

Пазлы минувших событий начали складываться. Преступник вернулся на место преступления, но всё же, как Лиам нашёл книгу среди сотен книжных шкафов? Глаз дёрнулся. Он бы и не нашёл, если бы не знал, куда идти...

— ...в порядке? — притворно ласковый голос выдернул меня из размышлений.

Кажется, Лиам что-то говорил до этого или спрашивал, но я не слышала. Внезапно меня пронзила мысль: где преподаватели? Почему студент допрашивает другую студентку? Я уже собралась подскочить и возмутиться, но тут Поганка дала о себе знать. Точным уколом в лоб она заставила меня сидеть.

— Послушай его! — вскричала она. — Надо раскрутить ситуацию в нашу пользу. Ему что-то от тебя нужно, иначе он бы уже сдал тебя!

Я глубоко вздохнула и протяжно выдохнула. Поганка пра-

ва. Скорей всего, Лиам нашёл книгу благодаря крысу. Я сомневалась, что именно его прислуга столкнула Тоню. Было страшно, но я постаралась успокоиться и невозмутимо взглянула на Лиам. Он прищурился.

— Откуда же у первокурсницы такое заманчивое чтение?
— покрутил он книгу в руках.

Я стиснула пальцы на колене и спокойно ответила:

— О чём именно вы? У меня в комнате разные книги.

Лиам хмыкнул сквозь неискреннюю улыбку. Кажется, добродушное настроение вернулось к нему, что не могло не радовать. Естественно, я понимала, что всё это спектакль, но мне так было спокойней. Интересно, как бы повела себя Франсина на моём месте? От ненужных мыслей меня отвлёл шелест — Лиам стягивал розовую бумагу. Под ней оказалась обшитая синей тканью обложка, на которой изображалась лестница, сужающаяся кверху и, как мне показалось, сделанная из серого металла. Уголки также были отделаны металлом, и на вид книга выглядела очень даже тяжёлой. Со всех сторон лестницы ткань покрывали чёрные закорючки, похожие на какие-то надписи на незнакомом мне языке. Неужели прошлая я могла понимать их?

— Ты и не понимала. Этот язык древний, сейчас его, может, пара калек и знает, — прошептала Поганка. В её голосе слышалось такое благоговение, что я даже не сразу поверила, что это сказала она.

Лиам издал непонятный звук, что-то между смешком и

хмыканьем, отчего я взглянула на него.

— Если бы доподлинно не знал, то поверил бы, что вы видите её впервые, — задумчиво проговорил он, рассеяно рассматривая стеллаж.

Его отстранённый взгляд мне не понравился. Не стоило давать ему повод искать причину столь правдоподобного вранья, поэтому я не стала больше притворяться. Хоть Поганка и загундела, что я рано сдаюсь, но я так не считала. Я ещё раз спросила:

— Сэр Ланц, и всё же, зачем я тут? — Лиам перестал разглядывать полки и сосредоточился на мне. Приняв это за сигнал продолжать, я заговорила: — Вы утверждаете, что вам точно известно, что книга моя. Одного взгляда на её обложку достаточно, чтобы понять, насколько она древняя и, что вернее всего, запрещённая. При этом вы по какой-то, видимо, важной причине решили подставить свою репутацию благородного лорда и находиться в этом чулане один на один с неблагородной девушкой, не опасаясь за возможные, — я выделила интонацией это слово, — распущенные сплетни, — я замолчала, пытаюсь понять, не переборщила ли и стоит ли продолжать. Лицо Лиамы казалось непроницаемым, но во взгляде, хоть и ненадолго, проскользнуло любопытство. Мне большего и не требовалось. Положив руку на изогнутый, обитый мягкой тканью подлокотник и стиснув его до побелевших костяшек, я продолжила: — Меня озадачил тот факт, что сейчас я до сих пор не у директора Виссари. Я

немного порассуждаю. Позволите?

Лиам снова обошёл стол и, встав поближе ко мне, прислонился к нему. Сложил руки на груди и кивнул. Я ухмыльнулась. Хотя и позу он выбрал давящую, но его взгляд сверху вниз меня не напугал.

— Скорей всего, именно господин Нестор, — произносится его имя, у меня скривились губы, — узнал про книгу и мою связь с ней, — про Тоню я решила не упоминать до последнего, неизвестно, сколько Лиаму известно. Возможно, что крыс просто проследил за моей горничной и ничего большего. А возможно, он знает, кто столкнул её. Но дальнейшие рассуждения я отбросила и продолжила говорить: — Думаю, он доложил вам об этом сразу, но по какой-то причине вы не побежали доносить преподавателям. Предполагаю, что вы рассудили, что я опомнюсь и вернусь за ней, и тогда вы поймаете меня и сможете что-то потребовать взамен. Что же именно?

Какое-то время мы молчали. Зато говорила Поганка:

— Речь ты выдала, безусловно, хорошую, но этот парнишка не Эмеральд, его с мысли вряд ли собьёшь. Но, на мой взгляд, ты всё равно в более выигрышной позиции.

Стоило ей сказать об Эмеральде, как меня осенило. Нужно сместить внимание Лиамы с меня на Эмеральда. Наследнице угрожают! Он просто не может это проигнорировать! По крайней мере, я на это понадеялась и спросила мнение Поганки.

— Судя по твоим воспоминаниям, этот мальчонка будет играть важную роль в столичных разборках. Думаю, ему будет интересна информация про недругов наследницы.

Её ответ порадовал. Я немного расслабилась и похвалила себя за смекалистость. Лиам отмер внезапно. Откинув голову назад, он прищурено, со сквозь заметной улыбкой во взгляде, смотрел на меня. А я отвечала ему тем же, не стесняясь разглядывать его светлые, должно быть, приятные на ощупь, лежащие на плечах волосы; длинную шею, расшитый воротник камзола и усыпанные зелёными камнями пуговицы. Наверняка очень дорогие. Как бы не хотелось признавать, но всё же вкус на мужчин у прошлой меня был отличный. Если бы не странное поведение... Мысли мои прервал Лиам.

— Мисс Сорен, где вы родились?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что я вытянулась вперёд, после чего нахмурилась.

— В Стальной Вершине, — почему-то мне даже в голову не пришло уклониться от ответа.

Глаза Лиам заблестели.

— Я что-то подобное и предполагал, — он провёл рукой по волосам, стряхнув их за спину. Этот его, на мой взгляд, непринуждённый жест успокоил меня. Я даже подумала, что, может, и не так плохо, что именно Лиам нашёл книгу. Будто прочитав мои мысли, он улыбнулся. — Давайте будем честны друг с другом. Я убеждён, что наше сотрудничество мо-

жет быть выгодно нам обоим.

Я развела руками.

— Да я и не против. Правда, когда вы прожигаете меня взглядом, не особо тянет на откровенности. Если только вы не флиртуете. Опосредованно.

Лиам рассмеялся в голос и, кивнув, сел за стол. Книгу отодвинул на край.

— Вы знакомы с леди Лоруж? — спросил он.

Я задумалась, кто это вообще такая, но благо выручила Поганка, сказав, что это фамилия Ренаты и сестричек.

— С младшей. Мы учимся на одном курсе.

Я не хотела случайно ляпнуть лишнего, поэтому сейчас собиралась отвечать только на вопросы. Хватит с меня монологов.

— Буду ли я прав, если предположу, что именно от неё вы получили данную, — он осторожно прикоснулся к обложке, — книгу?

— Возможно, — я склонила голову набок.

Он посмотрел на стол перед собой и, дёрнув бровями, слабо ухмыльнулся, кажется, своим мыслям. Лиам поднял глаза, и взгляд его устремился на меня.

— Вы не ошиблись, я действительно рассчитываю на вашу помощь. У меня есть опасение, что по своей неопытности и эмоциональности вы стали жертвой не шибко умного, но всё же заговора против короны. Что вы об этом думаете, мисс Сорен? — спросил он со своим вечно спокойным лицом, но

от меня не укрылось лёгкое веселье в голосе.

— Думаю, что это имеет место быть. Эмеральд, то есть леди Эмеральд, как я поняла, интересна многим личностям. Уж очень много желающих с ней подружиться, — я, не стесняясь, оскалилась, — или воспользоваться её добротой и наивностью, чтобы навредить. Интересно, сэр Ланц, к какому лагерю принадлежите вы? Всё же она моя дорогая подруга, я беспокоюсь о её благополучии.

Лиам покачал головой.

— К прискорбному сожалению для меня не секрет, как уважаемая наследница относится ко мне и моей семье. Поэтому в открытой дружбе не настаиваю. Для меня лишь важно, чтобы с ней всё было хорошо. Большого я и желать не смею, — он по-доброму улыбнулся, проигнорировав ту часть, где я подозреваю его в заговоре против Эмеральд.

Догадался ли Лиам, к чему я клонила? Понадеявшись, что да, я засмеялась, стряхнула несуществующую пыль с колен и откинулась на спинку.

— Я поняла вас, но а мне что с этого?

Возможно, прозвучало шибко прямо, но как же мне уже надоели все эти словесные танцы! Я всё сильнее ощущала, как тянет в сон. Время-то не стояло на месте, и спать мне оставалось с каждой минутой всё меньше и меньше.

— Думаю, вашу проблему с книгой можно очень легко решить, — это радовало, но я не была до конца уверена в честности Лиамы. Наверное, он заметил моё замешательство, по-

этому добавил: — Двум леди с известной нам фамилией и их друзьям последнее время очень понравилось досаждать мне и людям, за которых я ответственен. Благодаря вам, мисс Сорен, я планирую поубавить их пыл хотя бы на какое-то время. Да и госпоже Эмеральд не повредит наше дружеское участие. Пусть она этого никогда не признает.

Мне стало интересно, что вообще Лиам знает об Эмеральд, какие у него планы на неё. Почему-то у меня складывалось впечатление, что они неплохо знакомы, да и никто бы не отказался от преимуществ дружбы с ней. С мысли меня сбил Лиам, поднявшись со стола, тем самым показывая, что наше ночное свидание подходит к концу. Теперь уже настоящее. Я тоже поднялась.

— Я могу рассчитывать на вашу помощь?

Он подошёл ко мне, заложив одну руку за спину, а вторую протянув для рукопожатия. Я смотрела на его пальцы, скрытые перчаткой, и думала, согласна ли я? Поганка трещала, чтобы я соглашалась, ведь лучше защитника, чем Лиам, мы не найдём. А мне уже так было всё равно, непреодолимо хотелось к себе в спальню, переодеться в ночнушку и завалиться в кровать, что, вздохнув, я пожала ему руку, стиснув настолько сильно, насколько могла.

Напоследок Лиам обратился ко мне:

— Выспитесь хорошенько, мисс Сорен. Я обдумаю всё и уже сегодня днём передам, что от вас требуется.

Толкнув дверь, я пробормотала в пустоту перед собой:

— И вам спокойной ночи, сэр Ланц.

— Мистер Ланц, — отозвался он мне в спину, — сэр Ланц

— мой отец.

Глава 19

Я вышла из исследовательского корпуса на рассвете. Зевая и сонно хлопая глазами, я плелась по скрытой ветвистыми деревьями тропе, ведущей к широкой клумбе с величественным монументом. Мысли бродили в тумане, и я иногда запинаясь носком ботинка то ли о собственную ногу, то ли вообще о воздух. Как буду оправдываться перед надзирающими за студенческим покоем горничными, я не представляла. Очередной зевок настиг меня, когда я остановилась возле каменного изваяния, чтобы проморгаться и разобраться, куда идти дальше.

От клумбы в разных направлениях тянулись четыре дороги, если не считать ту, по которой пришла я. Из-за мощных стволов и крон деревьев не получалось разглядеть нужное здание. Зато здесь было умиротворяюще спокойно, приятно шелестели листья, и птицы насвистывали утренние песни.

Заходясь очередным зевком, я запрокинула голову и стала рассматривать скульптуру, больше напоминающую каменную кашу: какие-то люди с размытыми лицами, тянущие руки к предмету, отдалённо напоминающему ножницы. Не удивительно, что это чудо спрятали куда подальше, скрыв за деревьями.

— Хоть бы подписали, что тут происходит, — пробормотала я.

Поганка хмыкнула. Вместо ответа я получила резкую боль в висках и помутившееся сознание. Перед глазами всё поплыло, дышать стало тяжело, и я согнулась, уперевшись ладонями в колени, чтобы случайно не упасть. Было ощущение, что я ковыляла не по прямой дороге, а носилась по холмам. Когда боль прошла, до меня дошло, что одежда сменялась на прежнюю, и руки упираются не в подол юбки, а в брючины. Снова Поганка постаралась. Я уже хотела поругаться, что мне совершенно не нравится подобное, и вообще это было ни к чему, как услышала стук подошвы по камню. Спать перехотелось, и я испуганно заозиралась. Кто-то бежал сюда.

Пока я всматривалась по направлению одной из дорожек, со спины меня окликнул бодрый знакомый женский голос. Я обернулась. Передо мной стояла взъерошенная мисс Руни в свободных галифе, подвязанных широким поясом, и растянутой потной кофте. Ну как стояла — бежала на месте. Удивление на её лице сменилось какой-то неуместной, на мой взгляд, радостью, и она, помахав рукой, подбежала ко мне. Я не понимала, что происходит, и тарасилась на неё. Не останавливаясь ни на секунду, с улыбкой на пол-лица, она воскликнула:

— Не знала, что вы бегаєте!

Я развела руками, еле слышно буркнув себе под нос:

— Да я тоже...

Возможно, мой измождённый вид и поверхностное рва-

ное дыхание после превращения одежды натолкнули её на подобный вывод.

— Невероятное совпадение, что мы встретились так рано утром во время пробежки, — выдавила я улыбку.

— Как я рада, что вы вняли моим рекомендациям! Жаль, что пока вы такая единственная из моих подопечных, — не унималась мисс Руни. Она начала обегать меня по кругу. — Но не переживайте, Мива, пока другие юные леди будут чахнуть, вы засияете как лунная лилия! Я покажу вам, как правильно бегать, — я нахмурилась, до конца не понимая, что обеспокоило больше: её не прямое оскорбление или скрытые угрозы. Мисс Руни, будто бы не замечая моего смятения, продолжала:

— Вместе с бегом пропадёт серость с лица, вы не будете похожи на мухогриб, глаза заблестят и сутулость уйдёт!

— Что? — прохрипела я.

Мисс Руни покосилась на уродливую скульптуру и смущённо улыбнулась. Всё это время она бегала возле меня, а я крутила головой, пытаясь поймать её взгляд.

— Я всё думала, как можно помочь вам со свиданием, — понизила она голос до шёпота. Сперва я не поняла, о чём речь, но мисс Руни продолжала: — Олаф... мистер Оффре рассказал мне подробней по секрету про тот вечер, когда вы виделись с Лиамом Ланцем. Я посочувствовала вам, вспомнила себя в вашем возрасте и захотела помочь. Я собиралась сегодня с вами поговорить о пользе бега, влиянии спорта на

внешность, а оказывается, что вы уже и сами пришли к этому...

Из всего ею сказанного меня волновало лишь то, что касается Лиама и меня. Я перебила её:

— Что мистер Оффре вам сказал? Неужели он допытывался у сэра Ланца о моём позоре?

Хоть я и была спокойна на счёт этой ситуации и Лиама, но знать, что конкретно тот наговорил своему декану, было любопытно. На секунду мисс Руни остановилась, испуганно уставившись на меня. Но потом вновь забегала на месте.

— Бедняжка, вам аж поплохело. Не переживайте вы так...

Я подняла руку, призывая мисс Руни замолчать. Вот уж не думала, что наставница окажется такой балаболкой.

— Пожалуйста, расскажите всё, что знаете. Это очень важно для меня, — пришлось приукрасить, но ничего плохого в этом я не видела. Так, для пущей убедительности.

Какое-то время мисс Руни изучала меня, после чего махнула рукой и побежала по одной из дорожек. Я как каменная стояла и смотрела ей в спину, пока она не полуобернулась и не крикнула:

— Догоняйте, Мива, если хотите узнать!

Мисс Руни гоняла меня беспощадно. Сперва мы отбежали подальше от корпусов, обогнули ангар для содержания и наблюдения за различными существами и пробежали мимо ипподрома, что стало для меня сюрпризом — я не знала, что он здесь есть. Не сказать, что я прям бежала, скорее ковыля-

ла, выслушивая радостные выкрики наставницы. Ещё и Поганка жизнь мне не облегчала – то и дело подшучивала надо мной, громко похрюкивая со своих несмешных шуточек.

Сразу за ипподромом начинался северный лесопарк. Там мы ещё какое-то время побегали, то есть бегала мисс Руни, я сидела на поваленном дереве, растирала льющийся по лицу пот и не могла как следует отдышаться. Колело в боку, сердце разрывалось в груди, вкус крови ощущался на языке, и мне казалось, что я умираю. Только стало полегче, только перестало плыть перед глазами, как вернулась мисс Руни и, похлопав меня по плечу, заявила, что мы бежим обратно. Я поперхнулась от возмущения, закрыла глаза, открыла, а наставница уже маячила на выходе из парка. Ничего не оставалось, как, преодолевая боль, последовать за ней. Почему я вообще на это подписалась? Да и вообще, разве такая попытка хоть о какой-то пользе для здоровья говорит? Что-то я сомневалась.

Когда на обратном пути я только подходила к ипподрому, мисс Руни уже была у забора и, не переставая бежать на месте, болтала с несколькими работниками. Один держал лошадь за короткую верёвку, пристёгнутую к карабину у морды, не давая животному дотянуться до наставницы, и грозил пальцем. Мисс Руни, кажется, это только больше забавляло. Я остановилась, уперевшись рукой о деревянный лакированный забор, чтобы передохнуть, при этом оставшись незамеченной. В голову пришла интересная мысль, и я обратилась

к Поганке, прервав поток её непрекращающихся глупеньких каламбурчиков:

— А что будет, если прорастить в лошади кристалл? Будет ли она быстрее бегать, к примеру? Кто-нибудь подобное делал, не помнишь по моим воспоминаниям?

Поганка икнула. Какое-то время мой разум был ясен, и я наслаждалась тишиной, жаль недолго.

— Ну-у, — протянула она, — вообще, как я могу судить, такое делают, и не только с обычными лошадьми, но такие чудики долго не живут.

Я пошла вдоль забора.

— Это приносит какую-нибудь пользу вообще? Если, например, в корове вырастет кристалл, станет ли больше молока, будет ли оно вкуснее?

Поганка согласно угукнула. Я продолжала:

— Но ведь тогда и молоко, которое она даёт, будет содержать частицы кристалла. А ты говорила, что надо по возможности избегать этого.

На что получила ответ, до которого и сама догадалась:

— Ну так кто об этом знает? Может, какой-нибудь мальчишка Ланц и знает. Я даже не уверена, что Эмеральд в курсе. А так минимальные частицы кристалла в любой корове содержатся.

Я хмыкнула. И вот опять две крайности. Усталый вздох сорвался с губ: почему я вообще заморачиваюсь над этим? Что мне теперь, над каждым приёмом пищи трястись от

страха? Пока я ничего не могу с этим сделать. Лучшее решение — это найти способ очищаться от кристалла. От подобного знания однозначно будет побольше пользы. Я уже подходила к мисс Руни — она наговорила с работниками, любовно похлопала лошадь по морде и теперь поджидала меня, — когда Погаска протяжно сказала:

— Когда вернёшься на каникулах домой, стоит навеститься к местному шаману. Может, он и нашаманит что-нибудь полезное над твоим кристаллом, — и захрюкала со смеху.

В гостиную я ввалилась вся грязная, потная и уставшая, на трясущихся ногах. Чего я не ожидала, так застать в ней Эмеральд, попивающую чай. Она сидела на диване спиной ко мне, держа в одной руке блюдце, а в другой тонкое ушко маленькой чашечки, и внимательно слушала бурно жестикулирующую Надию, до сих пор не собранную. Франсины в комнате не было. Я осторожно прикрыла дверь, надеясь проскользнуть к себе незамеченной, но Надия перевела на меня блестящий взгляд, и губы её криво изломились. Я закатила глаза.

Эмеральд обернулась ко мне и радостно улыбнулась, но тут же брови её сошлись у переносицы, и она окинула меня недоверчиво-настороженным взглядом. Всё происходило в идеальной тишине, от которой хотелось нервно хихикать.

— Ты что, на утреннюю гимнастику ходишь? — первой отмерла Надия, пораженно вытаращив на меня круглые гла-

за.

— Ещё лучше, я бегаю, — покрутила я руками вокруг себя.

— О, это замечательно, — Эмеральд кивнула и, взглянув на Надию, уже обратилась к ней: — Мива подаёт нам прекрасный пример, — прозвучала она как старушка.

Надия покарябала висок и, подняв со столика чашку, отхлебнула с нарочитым громким звуком. Я уже хотела пойти к себе за чистой одеждой, но заметила приклеенный взгляд Эмеральд. Обернулась.

— Я пришла до завтрака, как мы и договаривались, — лицо её сияло, у меня аж в глазах закололо.

Нашла чему радоваться с утра пораньше. Я кивнула, хотя на самом деле уже забыла, что мы о чём-то подобном договаривались, и ускользнула к себе в комнату.

Пока я быстро намывалась, вспоминала рассказ мисс Руни. Оказывается, Лиам так вошёл в роль героя-любownika, что насочинял даже больше, чем от него требовалось. Он рассказал, как я пробиралась к нему, пряталась в кустах, как он любовался светившей в ту ночь Сурэ, пока ждал меня. И что на самом деле он не отвергал меня, просто промолчал, но я восприняла это по-своему. Также мистер Оффре поделился с наставницей предположением, что у меня есть шанс понравится Лиаму, ведь, как тот утверждал, мистер Ланц отвергал прямо и делал это при свидетелях. Очень многие девушки убегали в слезах. Тогда мисс Руни приблизилась к мо-

ему уху и заговорщицки прошептала, что не только девушки. Я поражённо покачала головой, хотя мне вообще было плевать на эту информацию. Меня больше забавляло, что Лиам оказался ещё тем сказочником.

— Ну слушай, пока это нам на руку, если ему и правда от тебя нужно, чтобы ты приглядывала за Эмеральд и докладывала о её недругах. Что может быть проще? — вклинилась в мои мысли Погаска.

— А зачем ему про Эмеральд знать? — вылезая из ванной, поинтересовалась я.

— Ну она наследница, может, он жениться на ней собирается, приблизиться к трону. Может, ещё что. Как это нас касается? — фыркала она. — Нам его защита нужна и покровительство. Больше в его услугах нужды нет.

Я покивала. Действительно, как это меня касается? Главное, чтобы не шантажировал. В крайнем случае придётся жаловаться Эмеральд, но я надеялась, что до этого не дойдёт.

Когда я заплетала волосы в косу, чувствовала, что энергия после лёгкой приятной пробежки, как обозвала это мисс Руни, исчезает, и на меня наваливается безумная усталость. Ещё бы, я бодрствовала всю ночь, не считая пары часов сна, развалившись на столе! Да и кристаллом пользовалась ни раз, а с непривычки это отнимало много сил. Я проклинала вчерашнюю себя, предложившую Эмеральд прийти пораньше. А ведь я всего лишь хотела сходить с ней позавтракать на кухню к экономке. Сейчас, держась за дверную ручку и

готовясь выйти в гостиную, я пыталась решить: остаться на завтрак и поесть в компании соседок и Эмеральд или всё же спуститься вниз.

Я надавила на ручку, толкнула дверь и, увидев непроницаемое лицо Франсины, сидящей за обеденным столом, сразу поняла, что с ней рядом не останусь. Шумящая Надия меня раздражала куда меньше, чем эта чопорная красотка. С перекосенным от недовольства лицом, под неотрывным взглядом Эмеральд, я протопала до своей комнаты, схватила сумку и, смахнув туда со стола все тетради и свитки, что только вместились, вышла в гостиную. Расставив пошире ноги, вздёрнув подбородок и поудобней перехватив сумку, я воскликнула:

— Эмеральд, пойдём, познакомлю тебя кое с кем, — и, бросив хмурый взгляд на ошарашенную Надю, у которой изо рта вывалился кусок сыра, и равнодушную Франсину, добавила: — Но если тебе нравится их компания, то оставайся.

Результат не заставил себя ждать. Эмеральд плавно, но быстро поднялась, озарила девушек лучезарной улыбкой и, прижав ладони к животу, пожелала им приятного и нескучного завтрака.

— До встречи на уроках, — добавила я, выходя в коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.